

Белорусский государственный университет

ТРУДЫ ФАКУЛЬТЕТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Научный сборник

Основан в 2010 г.

Выпуск VI

Минск
БГУ
2015

Представлены научные статьи ведущих ученых факультета международных отношений Белорусского государственного университета, в которых рассматриваются международные отношения и внешняя политика, международное право, мировые экономические процессы, межкультурная коммуникация.

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор *В. Г. Шадурский* (главный редактор);

доктор исторических наук, доцент *Л. М. Гайдукевич*;

доктор исторических наук, профессор *А. А. Розанов*;

доктор исторических наук, профессор *В. Е. Снапковский*;

доктор исторических наук, профессор *А. А. Челядинский*;

доктор исторических наук, профессор *А. В. Шарапо*;

кандидат исторических наук, доцент *В. А. Острога*;

кандидат исторических наук, доцент *А. В. Русякович*;

кандидат исторических наук *А. В. Селиванов*;

доктор юридических наук, профессор *С. А. Балашенко*;

доктор юридических наук, профессор *Ю. П. Бровка*;

доктор юридических наук, профессор *М. Ф. Чудаков*;

кандидат юридических наук, доцент *Е. В. Бабкина*;

кандидат юридических наук, доцент *А. Е. Вашкевич*;

кандидат юридических наук, доцент *Е. Б. Леанович*;

кандидат юридических наук, доцент *Ю. А. Лепешков*;

доктор экономических наук, доцент *Е. Л. Давыденко*;

доктор экономических наук, профессор *А. В. Данильченко*;

доктор экономических наук, профессор *С. Ю. Солодовников*;

доктор экономических наук, профессор *А. Е. Дайнеко*;

кандидат экономических наук, доцент *Е. А. Семак*;

кандидат экономических наук, доцент *Н. В. Юрова*

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
-------------------	---

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Шадурский В. Г. Влияние украинского кризиса на баланс сил в геополитическом квадрате (США, ЕС, Россия, Китай)	9
Боровой В. Р. Внешняя политика КНР эпохи Ху Цзиньтао: основные особенности и тенденции	15
Гайдукевич Л. М. Становление кафедры международного туризма: состояние и перспективы развития	20
Достанко Е. А. Взаимоотношения Республики Беларусь и Европейского союза	23
Острога В. А. Роль вузовской науки в развитии таможенного дела в Республике Беларусь: состояние и перспективы	28
Русакович А. В. Отношения с Германией во внешнеполитическом курсе Беларуси в контексте глобальных перемен на постсоветском пространстве (конец 2013-го — начало 2015 г.)	30
Свилас С. Ф. О составе, направлениях и формах работы Комиссии Белорусской ССР по делам ЮНЕСКО (1956–1964 гг.)	39
Снапковский В. Е. О реакции США на предоставление союзным республикам СССР внешнеполитических полномочий в феврале 1944 г.	49
Чиж А. М. Внешняя энергетическая политика Европейского союза в 2006–2014 гг.	54
Шарапо А. В. Исламское государство халифат: теологические каноны прошлого в контексте современных ближневосточных событий	67

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ, МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Бабкина Е. В. Роль решений Суда Европейского союза в формулировании принципов права Европейского союза	77
Дейкало Е. А. Объективная ответственность в международном праве: категориальный анализ	82
Довгань Е. Ф. Верховенство права и Совет Безопасности ООН: проблемы применения целевых санкций	90
Лепешков Ю. А. Правовое регулирование сотрудничества государств и международных организаций в области охраны и рационального использования водных ресурсов: современные тенденции	99

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Арсентьева М. Ф. Зарубежная педагогика: к вопросу о креативности в обучении иностранному языку	111
Дубинко С. А. Лингвокультурологические и методические аспекты языковой подготовки студентов-международников в сфере профессиональной коммуникации (английский язык экономических специальностей)	115
Ивашкевич И. Н. К проблеме метафорического моделирования специального знания	120

CONTENTS

INTRODUCTION	5
--------------------	---

INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

<i>Shadurski V.</i> The Ukrainian Crisis' Impact of the Balance of Power in the Geopolitical Square (the USA, EU, Russia and China)	9
<i>Borovoi V.</i> China's Foreign Policy under the Leadership of Hu Jintao: the Main Peculiarities and Trends	15
<i>Gaidukevich L.</i> Formation of the International Tourism Department: State and Prospects of Development.....	20
<i>Dostanko E.</i> Relations between Belarus and the European Union	23
<i>Ostroga V.</i> Role of the High School Science in Development of Customs Affairs in Republic of Belarus: State and Prospects	28
<i>Rusakovich A.</i> Relations with Germany in the Belarusian Foreign Policy Direction within the Context of Global Changes on the Post-Soviet Space (end of 2013 — beginning of 2015)	30
<i>Svilas S.</i> On the Composition, Directions and Forms of Activities of the Commission of the Byelorussian SSR for UNESCO (1956—1964)	39
<i>Snapkovski V.</i> On the USA Reaction Towards Provision of the Foreign Policy Powers to USSR Republics in February 1944	49
<i>Chizh A.</i> External Energy Policy of the European Union in 2006—2014	54
<i>Sharapo A.</i> The Islamic State Caliphate: Theological Canons of the Past within the Context of the Current Situation in the Middle East	67

INTERNATIONAL PUBLIC, INTERNATIONAL PRIVATE AND EUROPEAN LAW

<i>Babkina E.</i> The Role of the Court of Justice of the European Union in Formulation of the Principles of Law in the European Union.....	77
<i>Deikalo E.</i> Objective Responsibility in the International Law: Category Analysis.....	82
<i>Douhan A.</i> Superiority of Law and UN Security Council: Problems of the Targeted Sanctions Application	90
<i>Lepeshkov Y.</i> Legal Regulation of the Cooperation Between States and International Organizations in the Sphere of Protection and Rational Use of Water Resources: Contemporary Trends	99

CROSSCULTURAL COMMUNICATION AND PROFESSION ORIENTED FOREIGN LANGUAGE TEACHING

<i>Arsentieva M.</i> Foreign Pedagogic: to the Question of Creativity in Teaching the Foreign Language	111
<i>Dubinko S.</i> Linguistic, Cultural and Methodological Aspects of Language Training of Students of International Relations in the Sphere of Professional Communication (English for Economics)	115
<i>Ivashkevich I.</i> On the Issue of Metaphorical Modeling of Specific Knowledge	120

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели, представленное вашему вниманию издание знаменательно тем, что оно выходит в год 20-летия факультета международных отношений. Рожденный на заре независимости Республики Беларусь (1 октября 1995 года) факультет за два десятилетия своей деятельности достиг зрелости и продолжает активно двигаться к новым достижениям. Динамично развивающемуся научному сообществу факультета под силу решение самых сложных задач, ответы на вызовы времени.

В последние годы факультет стал признанной площадкой для широкой дискуссии по актуальным темам внутренней и внешней политики Беларуси, тенденциям глобального и регионального развития. В качестве экспертов в мероприятиях информационно-аналитического характера помимо сотрудников факультета международных отношений принимают участие иностранные исследователи, представители государственных и общественных структур, бизнесмены, деятели культуры и искусства.

Преподавательский коллектив не достиг бы такого высокого уровня компетентности без активной научно-исследовательской деятельности. На ФМО издаются научные ежегодники по различным отраслям науки, сборники материалов научных конференций и большое количество учебных, научно-методических работ. По замыслу инициаторов учреждения «Трудов...», они должны стать концентрированным выражением научно-исследовательской деятельности коллектива факультета. На наш взгляд, сборник научных статей «Труды факультета международных отношений» стал именно таким изданием, он влияет на подготовку и выпуск научных кадров в Белорусском государственном университете. «Труды...» включены в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, юридическим и экономическим наукам.

В выпуске, подготовленном к юбилею факультета, авторский коллектив попытался показать историю развития факультета и его кафедр, проанализировать тенденции развития международного права и международных отношений.

Редколлегия

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Шадурский В. Г. Влияние украинского кризиса на баланс сил в геополитическом квадрате (США, ЕС, Россия, Китай)

Боровой В. Р. Внешняя политика КНР эпохи Ху Цзиньтао: основные особенности и тенденции

Гайдукевич Л. М. Становление кафедры международного туризма: состояние и перспективы развития

Достанко Е. А. Взаимоотношения Республики Беларусь и Европейского союза

Острога В. А. Роль вузовской науки в развитии таможенного дела в Республике Беларусь: состояние и перспективы

Русакович А. В. Отношения с Германией во внешнеполитическом курсе Беларуси в контексте глобальных перемен на постсоветском пространстве (конец 2013-го – начало 2015 г.)

Свилас С. Ф. О составе, направлениях и формах работы Комиссии Белорусской ССР по делам ЮНЕСКО (1956–1964 гг.)

Снапковский В. Е. О реакции США на предоставление союзным республикам СССР внешнеполитических полномочий в феврале 1944 г.

Чиж А. М. Внешняя энергетическая политика Европейского союза в 2006–2014 гг.

Шарапо А. В. Исламское государство халифат: теологические каноны прошлого в контексте современных ближневосточных событий

АВТОРЫ

Шадурский Виктор Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Боровой Виталий Ростиславович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой языкознания и страноведения Востока факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Гайдукевич Леонид Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международного туризма факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Достанко Елена Анатольевна – кандидат политических наук, доцент, директор центра международных исследований факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Острога Виктор Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой таможенного дела факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Русакович Андрей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой дипломатической и консульской службы факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Свилас Светлана Францевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Снапковский Владимир Евдокимович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Чиж Александр Михайлович – аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Шарапо Александр Викторович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

ВЛИЯНИЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА НА БАЛАНС СИЛ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ КВАДРАТЕ (США, ЕС, РОССИЯ, КИТАЙ)

В. Г. Шадурский

Сделана попытка определить влияние украинского кризиса на расстановку сил в геополитическом квадрате (США, ЕС, Россия, Китай). Автор отмечает, что в настоящее время наблюдается тенденция по формированию новой «биполярной» системы международных отношений, в которой коллективному Западу пытается противостоять клуб ведущих государств Востока и Юга. В основе нового клуба лежит взаимодействие России и Китая, которое заметно усилилось после введения санкций против России со стороны США и ЕС. В статье также анализируются противоречия, существующие в российско-китайских отношениях и вносящие неопределенность в будущую архитектуру мира.

The present publication makes an attempt to identify the Ukrainian crisis' impact on the balance of power in the geopolitical square (the USA, EU, Russia, China). The author notes that currently there is a tendency of formulating a new «bipolar» system of the international relations with a collective West being opposed by the club of the leading powers of the East and the South. Cooperation between Russia and China which has significantly strengthened after introduction of the sanctions against Russia from the side of the USA and EU is a cornerstone of the new club. The article is also devoted to the analysis of contradictions present in the Russian – Chinese relations, which brings uncertainty to the future world architecture.

Ключевые слова: украинский конфликт; геополитика; США; Европейский союз; Россия; Китай.

Keywords: Ukrainian conflict; geopolitics; the USA; the European Union; Russia; China.

Вооруженный конфликт в Украине резко обострил межгосударственные отношения не только в регионе Восточной Европы, но и в мировом масштабе. На европейской политической карте отчетливо проявились старые разделительные линии и появились новые. Многие политики и эксперты заговорили даже о возвращении эпохи холодной войны. Так, выступая на открытии общеполитической дискуссии на 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (29 сентября 2014 г.), Генеральный секретарь организации Пан Ги Мун высказал опасение о возвращении призрака холодной войны [18].

Свое отношение к событиям в Украине и вокруг Украины сформулировали и главные центры мировой политики: Россия, США, Китай и Европейский союз.

В данной статье сделана попытка ответить на два связанных между собой вопроса. Какие позиции заняли ведущие мировые акторы по отношению к украинскому кризису, какими они видят пути его разрешения? Как повлиял данный кризис на расстановку сил и баланс интересов в так называемом «геополитическом квадрате»?

I. Если попытаться кратко ответить на первый вопрос, прежде всего следует подчеркнуть, что мировые центры силы заняли противоположные и одновременно внутренне противоречивые позиции по отношению к украинскому кризису. Они по-разному видят пути разрешения конфликта, оценивают ответственность враждующих сторон. На момент подготовки публикации соперничающие стороны и поддерживающие их крупные мировые игроки не достигли необходимого согласия по поводу кризиса. Конфликтный потенциал не только не уменьшается, но и имеет тенденцию к увеличению.

Россия. Нелегитимная brutальная смена власти в Киеве (вынужденный отъезд украинского президента Виктора Януковича в Россию, преследования

коммунистов и представителей других политических сил, выступающих за союз Украины с Россией, за участие Киева в евразийской интеграции и т. д.), на наш взгляд, дали необходимый повод Москве устранить «историческую несправедливость» и включить Крым в состав России. Очевидно, что подавляющее большинство жителей полуострова с энтузиазмом поддержали присоединение к Российской Федерации. Автор считает, что не было представлено серьезных доказательств того, что Россия имела конкретный план по включению Крыма в состав России до кровавой развязки противостояния на майдане в Киеве [7].

На данном историческом этапе обсуждение иного статуса Крыма и Севастополя кроме как регионов Российской Федерации невозможно для Кремля. Следует подчеркнуть, что включение Крыма в состав России, несмотря на последовавшие за этим событием экономические и политические санкции США, Европейского союза и их союзников против России, вызвали мощную консолидацию российского населения вокруг президента Владимира Путина. По мнению ряда российских политиков и экспертов, эта массовая поддержка может быть конвертирована в повышение эффективности российской экономики, снятие с «газовой и нефтяной иглы» и т. д.

Другой после крымской проблемы составляющей украинского кризиса является вооруженное противостояние на востоке Украины. Как известно, Россия морально и материально поддержала про-российские силы на востоке Украины (Донецкая и Луганская области), взявшие курс на создание автономной или даже независимой от Киева «Новороссии». Украинские власти не сумели вернуть под свой контроль территорию самопровозглашенных Луганской и Донецкой народных республик даже с помощью массовой мобилизации военнослужащих, применения тяжелых вооружений, приведших

к разрушениям и многочисленным жертвам среди мирного населения.

В свою очередь, Москва не признает себя участником конфликта на востоке Украины и продолжает отрицать участие своих вооруженных сил в каких-либо военных действиях. В последние месяцы Россия в условиях многочисленных человеческих жертв, моральных и материальных потерь в результате вооруженного противостояния склоняется к необходимости мирного урегулирования конфликта, вплоть до признания самопровозглашенных Луганской и Донецкой народных республик частью Украины. Об этом неоднократно заявляли как российский лидер, так и другие руководители России. В частности, в интервью Российской газете (19 мая 2015 г.) министр иностранных дел Российской Федерации Сергей Лавров заявил следующее: «На всех уровнях, устами президента России, в других форматах говорим, что мы за то, чтобы они (ЛНР и ДНР — *В. Ш.*) стали частью Украины» [12].

Как следует из приведенного интервью, других официальных и неофициальных источников, российское руководство ищет приемлемые пути разрешения конфликта на Донбассе. Оно пытается сделать это с наименьшими моральными и материальными потерями.

США и ЕС. С самого начала протестных событий в Киеве США и Европейский союз выступили с резким осуждением политики и действий Кремля в Украине. Страны Запада взяли новое украинское руководство под свою «политическую и экономическую опеку». Киев начал получать серьезную финансовую помощь, которая однако, по нашему мнению, вряд ли способна остановить падение украинской экономики и обнищание населения.

Солидаризуясь с Киевом в сложившемся противостоянии, Запад предпочел официально не замечать разгул политического экстремизма в Украине, нелегитимного преследования инакомыслящих и других негативных явлений, никаким образом не вписывающихся в демократический процесс.

Через несколько дней после проведения общекрымского референдума (16 марта 2014 г.) по инициативе стран Запада 27 марта 2014 г. была принята Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «О территориальной целостности Украины (A/RES/68/262)». Согласно резолюции Генеральная Ассамблея ООН подтверждала суверенитет и территориальную целостность Украины в ее международно признанных границах и не признавала законности какого бы то ни было изменения статуса Автономной Республики Крым или города Севастополя, основывающегося на результатах общекрымского референдума (16 марта 2014 г.), поскольку этот референдум, согласно резолюции, не имел законной силы. Из 193 стран — членов ООН 100 высказались «за» принятие резолюции, 11 — «против» (Армения, Беларусь, Боливия, Венесуэла, Зимбабве, КНДР, Куба, Никарагуа, Россия, Сирия, Судан). 58 стран, в том числе Китай, «воздержались». 24 страны не принимали участия в голосовании [2; 14].

После принятия упомянутой резолюции США, ЕС и их союзники ввели против России серьезные визовые и экономические санкции. Было заморо-

жено участие России в «G-8». В ответ на жесткую критику российская делегация была вынуждена приостановить деятельность в Парламентской ассамблее Совета Европы до конца 2015 г. [10].

Запад продолжает декларировать угрозу принятия еще более жестких мер в случае, если Россия продолжит поддержку самопровозглашенных ДНР и ЛНР.

Наиболее жесткую позицию по отношению к России заняли США. Необходимо подчеркнуть, что в основе понимания Белым домом роли Украины для России лежит подход, сформулированный известным американским исследователем, советником по национальной безопасности в администрации президента США Д. Картера в его книге «Великая шахматная доска»: «...без Украины реставрация... империи стала бы нежизнеспособным делом» [1, с. 137].

Чтобы сократить либо вообще ликвидировать влияние Москвы в Украине, США начали активное обсуждение возможности масштабных поставок киевскому правительству современных вооружений. Несмотря на широко распространенное мнение о том, что эскалация вооруженного конфликта в Украине может привести к необратимым последствиям в июне 2015 г., Сенат США принял оборонный бюджет, согласно которому Украина может рассчитывать на радарные системы и противотанковые комплексы на общую сумму в 300 млн долл. США [11]. Хотя речь пока и не идет о тяжелом вооружении, такие действия не могут не настораживать сторонников мирного разрешения конфликта.

В отличие от США руководители ЕС и стран — членов Союза не видят военного разрешения кризиса. Они отдают себе отчет, что расширение вооруженного противостояния не ограничиться лишь границами Украины, оно может перекинуться на соседние государства.

В сложившихся условиях лидеры Германии и Франции выступили в качестве главных инициаторов мирного соглашения, достигнутого лидерами России, Украины, Германии и Франции («нормандская четверка») в Минске 11–12 февраля 2015 г. Были приняты решения, которые вошли в историю как «договоренности Минск-2». В частности, в подписанной лидерами 4 государств декларации отмечалось, что стороны подтверждают полное уважение суверенитета и территориальной целостности Украины и твердо убеждены в безальтернативности исключительно мирного урегулирования [13].

Следует подчеркнуть, что в связи с Минскими договоренностями заметно вырос авторитет Беларуси как страны-донора безопасности в регионе Восточной Европы. Позитивная роль Беларуси и его руководства была признана многими зарубежными политиками и экспертами.

Одновременно нужно заметить, что позиция ЕС по вопросу Крыма остается неизменной. На саммите «Восточного партнерства» Европейского союза в Риге (22 мая 2015 г.) в очередной раз было заявлено, что ЕС подтверждает свои позиции касательно незаконной аннексии Крыма и Севастополя: «Действия против Украины и события в Грузии с 2014 г. показали, что нарушение основополагающих принципов

суверенитета и территориальной целостности в рамках международно признанных границ не могут быть восприняты в XXI в. на европейском континенте».

Участники саммита также заявили о поддержке усилий, направленных на деэскалацию и политическое решение кризиса на юго-востоке Украины на основе уважения независимости Украины, ее суверенитета и территориальной целостности: «Призываем все стороны быстро и в полной мере осуществить Минские соглашения от сентября 2014 года и пакет мер по их реализации от февраля 2015 года» [15].

Китай. Китай, несмотря на определенную географическую удаленность от места конфликта, сформировал свою позицию по отношению к кризису в Украине и вокруг Украины очень осторожно. Так, Китай воздержался от голосования по резолюции ООН, осуждающей Россию из-за присоединения Крыма. Ни в одном официальном выступлении китайских представителей не было заявлено о поддержке включения Крыма в состав России.

Китай твердо настаивает на исключительно мирном решении конфликта. Позиция страны была озвучена президентом Китая Си Цзиньпином на встрече с Генеральным секретарем ООН Пан Ги Мун в августе 2014 г. В частности, китайский лидер заявил о необходимости «облегчить напряженную ситуацию и избежать усиления конфронтации и конфликтов альтернативным путем» [3].

II. Как было отмечено выше, украинский кризис существенно повлиял на расстановку сил и баланс интересов в геополитическом квадрате.

Заметно изменилась расстановка сил между ведущими мировыми центрами. Можно сделать вывод о том, что значительно усилились позиции Китая, расширение сотрудничества с которым стало краеугольным камнем российской внешней политики. Дополнительные рычаги влияния в Европе получили США. Военный конфликт в Восточной Украине дал возможность Вашингтону не только взять под свой политический контроль руководство Украины, но и дал повод для наращивания вооруженных сил НАТО в Польше, Прибалтике и других государствах региона.

Очевидно, что конфликт не усилил Европейский союз, который существенно потерял как от введения санкций против России, так и от ответных санкций Кремля. Нестабильная в политическом и экономическом плане Украина, скорее всего, ляжет тяжелым бременем на экономику стран — членов ЕС. Европе придется и дальше страдать от наплыва беженцев не только из Африки и Ближнего Востока, но и мигрантов из Украины. Для США в этом плане ситуация не так драматична, так как они находятся на безопасном удалении от зон конфликта.

Что касается России, то пока можно фиксировать в основном негативные последствия украинского кризиса для политики и экономики страны. Остановимся на этом вопросе более подробно.

Россия. Со всей очевидностью можно утверждать, что одним из результатов украинского кризиса стало заметное ослабление роли России в обозначенном геополитическом квадрате. Сократилось пространство для политического и экономического маневра Москвы. После присоединения Крыма

Россия столкнулась с серьезным экономическим упадком и, как следствие, с обострением социальных проблем и возможным ростом социальной напряженности. В качестве лишь одного примера возникающих как снежный ком трудностей стал скандал вокруг решения Арбитражного суда в Гааге о выплате Россией 50 млрд долл. США компенсации бывшим акционерам компании ЮКОС. Информация о том, что в Бельгии и Франции наложен арест на имущество государственных структур России. Эти события стали причиной нового витка напряженности в отношениях Россия — ЕС [4].

России придется искать весьма затратный ответ на расширение военного присутствия сил НАТО (страны Прибалтики) в непосредственной близости российских границ. Серьезным вызовом для Москвы стало то, что она потеряла многих бывших союзников. Показателем этого является упомянутое голосование по украинскому вопросу в ООН.

В сложившейся кризисной ситуации взоры российской политической элиты обратились к Востоку, и прежде всего к Китаю. Этот тренд наиболее открыто выразил председатель комитета Государственной думы по международным вопросам, профессор МГИМО Алексей Пушков. 9 мая 2015 г. российский политик написал на своей странице в социальной сети Twitter следующее: «США и НАТО 20 лет выстраивали мир под себя. В ответ на экспансию западного альянса выстраивается альтернативный альянс в лице России и Китая» [9].

Российские оппоненты Пушкова говорят об опасности превращения России в сателлит и сырьевой придаток мощного Китая, приводя пример о том, что российская доля во внешнеторговом обороте составляет лишь около 2 %.

Очевидно, что у сотрудничества России и Китая существует серьезный потенциал. Главное, что сближает две страны — это отстаивание принципа многополярности, сопротивление политике США в одиночку или со своими союзниками решать мировые и региональные проблемы (военные действия на территории бывшей Югославии, односторонний выход из системы ПРО, расширение военного присутствия в Центральной Азии, вторжение в Ирак, планы по размещению ядерных вооружений в Центральной Европе и др.).

В 2001 г. Китай и Россия подписали Договор о добрососедстве и дружеском сотрудничестве, который заложил основу для последующего сотрудничества. В мае 2008 г. оба государства подписали Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации по основным международным вопросам, в котором содержалось обоснование поддержки такого формата сотрудничества, как «Россия — Индия — Китай», и особенно БРИКС, которые противостояли руководимому США однополярному миру. В 2012 г. вновь избранный Председатель КНР Си Цзиньпин избрал Россию в качестве государства, куда он нанес первый зарубежный визит.

21 мая 2014 г. произошло эпохальное событие в сфере энергетической политики России. Во время визита В. Путина в Шанхае было подписано соглашение, согласно которому Россия обязалась

поставить Китаю на протяжении 20 лет газ на общую сумму в 400 млрд долл. США.

Конкретные примеры двустороннего сотрудничества можно найти и в военной сфере (совместные военно-морские учения в Заливе Петра Великого (июль 2013 г.) и Средиземном море (май 2015 г.) и др.).

Можно предположить, что после начала украинского кризиса российско-китайские отношения приблизились к пику своей активности.

Одновременно аналитики предупреждают, что у России есть не только широкое поле для сотрудничества с Китаем, но и серьезные проблемные зоны.

Так, риторический призыв российских политиков к созданию военно-политического союза, кажется, остается без конкретного ответа с китайской стороны. Одна из причин состоит в том, что Россия и Китай, являясь союзниками на глобальном уровне, имеют серьезные противоречия на региональном уровне.

В качестве первой проблемы для отношений по линии Москва — Пекин следует обозначить сотрудничество России с Вьетнамом — одним из конкурентов Китая в Южно-Китайском море. Россия, ни каким образом не осуждая действия Пекина, в то же время осуществляет военные и энергетические поставки Ханюю. Рост обозначенных поставок дал повод руководителю военного ведомства Вьетнама назвать Россию «главным стратегическим партнером Вьетнама в сфере военного технического сотрудничества». Очевидно, что такая расстановка сил не устраивает Пекин [19].

Вторая спорная тема в российско-китайских отношениях — доступ КНР к Северному морскому пути (СМП). Вследствие таяния арктических льдов этот морской маршрут, пролегающий вдоль российских территорий, стал более привлекательным не только для арктических государств, но и других крупных государств, в том числе КНР. Например, маршрут торгового судна из Шанхая в Гамбург по Северному морскому пути на 6400 км короче, чем маршрут через Суэцкий канал. Желая получить очевидные выгоды, Китай выступает за интернационализацию СМП. В свою очередь, Россия настаивает на том, чтобы все торговые суда в арктических водах двигались исключительно в сопровождении российских ледоколов, естественно, за серьезную оплату. Ответ планам КНР озвучил премьер-министр России Д. Медведев в интервью норвежскому каналу NRK (6 июня 2013 г.): «Доверие к Китаю существует, но правила игры должны определять государства Арктического региона» [6].

Третья группа противоречий связана с соперничеством двух стран в Центральной Азии. Главная сфера, где сталкиваются интересы России и КНР, — энергетика. В качестве лишь одного примера можно привести строительство в 2010 г. газового трубопровода из Туркмении в Китай через Узбекистан и Казахстан.

На разрешение энергетических и других противоречий в регионе Центральной Азии было направлено совместное заявление Путина — Си Цзиньпина, подписанное в Москве 8 мая 2015 г., в котором речь идет о гармонизации проекта «Экономиче-

ский пояс Великого шелкового пути» и Евразийского экономического союза [17].

Китай. Набирающий быстрыми темпами свой экономический и военно-политический вес Китай не спешит брать на себя долгосрочные обязательства ни перед одной страной. Пекин предпочитает, если так можно выразиться, решение проблем по мере их возникновения. Своеобразный ответ Китая на призыв Москвы создать военно-политический альянс содержится в «Белой книге» по вопросам военной стратегии, опубликованной в мае 2015 г. В частности, в новой доктрине отмечается важность и перспективность развития сотрудничества с Вооруженными силами Российской Федерации. Для дальнейшего развития отношений с Москвой в военной сфере, как заявлено в документе, будет создаваться комплексная, разносторонняя и устойчивая база [5].

В интересы КНР не входит вступление в военно-политические союзы и конкретные и долгосрочные политические обязательства. Это нашло закрепление в конституции страны. Китай делает упор на мирные политические и экономические методы (мегапроекты «Экономический пояс Великого шелкового пути», «Морской шелковый путь XXI столетия»). У Китая есть серьезный демографический запас прочности, чтобы не спешить принимать на себя долгосрочные политические обязательства.

Таким образом, в лице Китая Россия может иметь, как и в прежние годы, стратегического партнера, разделяющего схожие подходы к решению мировых проблем, а также общие ценности, но не постоянного военного союзника. Актуальными в двусторонних отношениях будут следующие темы: взаимозависимость двух интеграционных моделей (Экономический пояс Великого шелкового пути и Евразийского экономического союза) поставки российского газа в КНР, совместное освоение космоса, защита исторической правды и общей памяти о Второй мировой войне и др.

Пекином будет уделяться возрастающее внимание Шанхайской организации сотрудничества.

В качестве основных источников беспокойства в «Белой книге» называется растущая военная активность в регионе США и Японии, что требует серьезной корректировки политики Китая в сфере безопасности. В документе впервые поднимается проблема спорных морских территорий: «Ряд соседей Китая предпринимают провоцирующие действия, увеличивая свое военное присутствие на незаконно оккупированных китайских островах». Одновременно в «Белой книге» говорится о важности создания нормального диалога с США, а также постоянного информационного обмена с Вашингтоном [5].

Приведенные выше подходы свидетельствуют о том, что КНР не заинтересована в обострении отношений с США, являющимися главным экономическим партнером страны. Так, товарооборот между двумя странами с 2014 г. составил более 500 млрд долл. США. Объем торговли США с КНР намного превышает показатели Японии, Великобритании, Франции и Германии. Взаимные инвестиции также продолжают расти. Особенностью китайско-амер-

риканских отношений является рост в США количества китайских мигрантов (по приблизительным подсчетам — около 5 млн), которые также способствуют сближению стран.

США. США абсолютно не заинтересованы в сближении России и Китая, поэтому Вашингтон будет и впредь продолжать активные попытки не только ослабить Россию и Китай, но и создать любые бреши в двустороннем тандеме. Вместе с тем по отношению к России политика Белого дома будет оставаться гораздо более жесткой: экономические санкции, политические ограничения, воинствующая риторика и другие методы давления.

В Китае США будут продолжать поиск наиболее уязвимых мест для нанесения «болезненных уколов» (усиление военного потенциала Японии, других соседних с Китаем стран, попытки дестабилизации китайской периферии, военные учения вблизи китайских границ, обвинения Пекина в «строительстве Великой песчаной стены» и т. д.).

Традиционным оружием против КНР будет оставаться проблема прав человека.

Учитывая серьезные противоречия в отношениях двух стран, и Пекин, и Вашингтон понимают огромное значение взаимодействия государств как в экономической, так и в других сферах. Несмотря на растущую конкуренцию, элиты двух стран будут пытаться ограничивать соперничество мирными, дипломатическими средствами. Если за последние 40 лет США не удалось превратить Китай в «ответственного международного игрока», то, по крайней мере, они получили «ответственного конкурента», который, прежде чем идти на эскалацию противостояния, готов определить правила [16].

Горячей точкой в китайско-американских отношениях в последнее время стал конфликт Китая с государствами-соседями в Южно-Китайском море (ЮКМ). В самом начале кризиса США не стремились активизировать свое непосредственное участие в территориальных спорах Пекина с пятью другими государствами региона: Тайванем, Малайзией, Филиппинами, Брунеем и Вьетнамом. США предпочитали лишь призывать стороны к решению конфликта мирными средствами в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву. Вашингтон не обращал внимания на создание Китаем искусственных островов, что очень беспокоило американских союзников, — Филиппин и Тайвань.

В некоторой степени противоречия обострились в конце мая 2015 г. Это было связано с выступлением главы Пентагона Эштона Картера на международной конференции по безопасности «Диалог Шангри-Ла», проходившей в Сингапуре. Пекин недвусмысленно был обвинен в нарушении международных норм. Картер привел в пример Филиппины, обратившиеся со своими претензиями в международный суд в Гааге. Этим высокопоставленный политик дал понять, на чьей стороне находится Вашингтон. Более того, он заявил, что США «будут летать, плавать и действовать» в Южно-Китайском море в соответствии с международными нормами, гарантирующими свободу судоходства и воздушных перелетов. США и КНР вырабатывают правила на случай конфликта [16].

Европейский союз. Что касается Европейского союза, его политика по отношению к Китаю остается менее выраженной по сравнению с США в силу множества внешнеполитических и внешнеэкономических интересов 28 государств-членов. ЕС будет оставаться важнейшим экономическим партнером Китая. В отношениях ЕС и КНР будет все меньше политики, все больше экономики. Так, доля США в общем объеме торговли товарами в ЕС значительно уменьшилась и продолжает снижаться: с 24 % в 2002 г. до 15 % в 2014 г. В отличие от этого доля Китая увеличилась в два раза с 7 % в 2002 г. до 14 % в 2014 г.

Увеличение доли России в общем объеме торговли товарами в ЕС было менее значительным (от 5 % в 2002 г. до 8 % в 2014 г.). С большой долей вероятности экономическое сотрудничество двух центров силы будет сокращаться, и прежде всего поставки российского сырья в страны — члены ЕС. В краткосрочной и среднесрочной перспективе отношения ЕС и России будут оставаться неопределенными и плохо предсказуемыми. Как долго будет продолжаться такая ситуация, покажет дальнейший ход событий.

В начале августа 2014 г. в ответ на введение санкций со стороны ЕС Президент Российской Федерации Владимир Путин подписал Указ «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации». Документом предписано органам государственной власти Российской Федерации с 7 августа 2014 г. «в своей деятельности исходить из того, что в течение одного года со дня вступления в силу настоящего Указа запрещается либо ограничивается осуществление внешнеэкономических операций, предусматривающих ввоз на территорию России отдельных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых является государство, принявшее решение о введении экономических санкций в отношении российских юридических и (или) физических лиц или присоединившееся к такому решению» [8].

Как сообщило немецкое издание «Die Welt» в своем выпуске от 19 июня 2015 г. со ссылкой на данные Австрийского института экономических исследований (WIFO), страны ЕС рискуют лишиться из-за антироссийских санкций и ответных мер Москвы примерно 100 млрд евро и более 2 млн рабочих мест [20].

Вывод. Украинский кризис стал своеобразным поводом для начала очередной фазы по перегруппировке сил на мировой арене. Он ускорил оформление нового «биполярного мира», в котором коллективному Западу, вышедшему «победителем» в холодной войне, противостоит формирующийся клуб крупных государств Востока и Юга, в составе которых находятся Китай, Россия, Индия и др. В новой архитектуре существует комплекс серьезных противоречий, связанных с прочностью «антизападного» мира, перспективами экономического и политического развития России и др. Полная картина событий пока неясна, но очевидно, что человечество переживает рождение новой международной системы. Это рождение может иметь далеко идущие последствия.

Библиографические ссылки

1. *Бжезинский* З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М. : Междунар. отношения, 1999.
2. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию по Украине с призывом не признавать отделение Крыма [Электронный ресурс] // Информ. агентство «Интерфакс-Запад». 27.03.2014. URL : <<http://www.interfax.by/news/world/1151949>> (дата обращения : 11.06.2015).
3. Глава КНР призвал предотвратить гуманитарный кризис на Украине [Электронный ресурс] // РИА «Новости». 16.08.2014. URL : <<http://ria.ru/world/20140816/1020285902.html>> (дата обращения : 11.06.2015).
4. Европа вступилась за ЮКОС / А. Топалов [и др.] [Электронный ресурс] // газета.ru. 16.08.2015. URL : <<http://www.gazeta.ru/business/2015/06/18/6846297.shtml>> (дата обращения : 25.06.2015).
5. Китай выпустил «Белую книгу» по вопросам военной стратегии [Электронный ресурс] // LENTA.RU. 26.05.2015. URL : <<http://lenta.ru/news/2015/05/26/chinawp/>> (дата обращения : 11.06.2015).
6. Медведев: Страны Арктики доверяют КНР, но будут устанавливать правила [Электронный ресурс] // РИА «Новости». 04.06.2013. URL : <<http://ria.ru/world/20130604/941379869.html/>> (дата обращения : 11.06.2015).
7. Прямая линия с Путиным (17 апреля 2014 г.) [Электронный ресурс] // Президент России. URL : <<http://www.kremlin.ru/events/president/news/20796>> (дата обращения : 11.06.2015).
8. Путин подписал Указ об ответных санкциях против Запада [Электронный ресурс] // TUT.by: белорусский портал. 06.08.2014. URL : <<http://news.tut.by/world/410091.html>> (дата обращения : 26.06.2015).
9. Пушков назвал формирование альянса России и Китая ответом на экспансию Запада [Электронный ресурс] // LENTA.RU. 10.05.2015. URL : <<http://lenta.ru/news/2015/05/10/pushkov/>> (дата обращения : 11.06.2015).
10. Российская делегация покинула ПАСЕ до конца 2015 года [Электронный ресурс] // LENTA.RU. 28.01.2015. URL : <<http://lenta.ru/news/2015/01/28/leavepase/>> (дата обращения : 11.06.2015).
11. Сенат США одобрил поставки оружия в Украину. Обама намерен наложить вето на законопроект об оборонной политике [Электронный ресурс] // PANOPTIKON. 19.06.2015. URL : <<http://panoptikon.org/articles/69503-sen-at-ssha-odobril-postavki-oruzhija-v-ukrainu.html>> (дата обращения : 21.06.2015).
12. Сергей Лавров о том, кто и зачем искажает Минские договоренности [Электронный ресурс] // Российская газета. 19.05.2015. URL : <<http://www.rg.ru/2015/05/19/lavrov-dz-site.html>> (дата обращения : 11.06.2015).
13. Текст декларации «нормандской четверки» по итогам саммита в Минске [Электронный ресурс] // Агентство новостей «Telegraf.by». 12.02.2015. URL : <<http://telegraf.by/2015/02/279164-tekst-deklaracii-normandskoi-chet-verki-po-itogam-sammitya-v-minske>> (дата обращения : 21.06.2015).
14. Территориальная целостность Украины: док. ООН A/RES/68/262 [Электронный ресурс] // Орг. Объед. Наций. URL : <<http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/68/262>> (дата обращения : 11.06.2015).
15. Участники Рижского саммита подтвердили суверенитет и территориальную целостность стран «Восточного партнерства» [Электронный ресурс] // Информ. агентство «Интерфакс-Запад». 22.05.2014. URL : <<http://www.interfax.by/news/belarus/1184402>> (дата обращения : 11.06.2015).
16. Химера взаимодействия: США и КНР вырабатывают правила на случай конфликта [Электронный ресурс] // LENTA.RU. 23.06.2015. URL : <<http://lenta.ru/articles/2015/06/23/himerica/>> (дата обращения : 26.06.2015).
17. *Шишкин* О. По итогам российско-китайских переговоров подписаны десятки соглашений [Электронный ресурс] // Первый канал. 08.05.2015. URL : <<http://www.1tv.ru/news/economic/283392>> (дата обращения : 11.06.2015).
18. *Ban Ki-moon*. Address to the General Assembly – «From Turmoil to Peace» [Electronic resource] // United Nations. 24.09.2014. URL : <http://www.un.org/apps/news/infocus/sgspeeches/statments_full.asp?statID=2361> (date of access : 12.06.2015).
19. Russia is Vietnam's leading strategic partner in the sphere of military-technical cooperation – Defense Minister of Vietnam [Electronic resource] // SPUTNIK. URL : <http://in.sputniknews.com/indian.ruvr.ru/news/2013_08_05/Russia-Vietnam-cooperation/> (date of access : 21.03.2015).
20. Russland-Krise kostet Europa bis zu 100 Milliarden Euro [Electronic resource] // Die Welt. 19.06.2015. URL : <<http://www.welt.de/wirtschaft/article142742046/Russland-Krise-kostet-Europa-bis-zu-100-Milliarden-Euro.html>> (date of access : 26.06.2015).

Статья поступила в редакцию в июне 2015 г.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР ЭПОХИ ХУ ЦЗИНЬТАО: ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ

В. Р. Боровой

В эпоху Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао во внешней политике КНР начался медленный, но неизбежный процесс трансформации от осторожной стратегии Дэн Сяопина, которому пришлось действовать в ситуации частичной изоляции Китая после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., к гораздо более активной политике защиты национальных интересов, предлагаемой Си Цзиньпином. В качестве переходного периода данная эпоха характеризуется как появлением новых элементов и методов во внешней политике КНР, порожденных высоким уровнем интеграции китайской экономики в мировую, так и увеличением числа дестабилизирующих факторов, включая реакцию различных стран на постепенный подъем Китая в международных отношениях.

Under the leadership of Hu Jintao and Wen Jiabao China's foreign policy has began slow but inevitable transition from more cautious policy of Deng Xiaoping who had to deal with the aftershock of Tiananmen events in 1989, towards much more proactive strategy of protecting national interests pursued by Xi Jinping. As the transition period in the history of PRC foreign policy, the era of Hu Jintao is characterized by both introduction of new strategic approaches and methods induced by unprecedented level of China's economic integration into the world economic system, as well as the growing number of destabilizing factors, including international reaction to the gradual rise of China to the position of new prominence in world affairs.

Ключевые слова: Китай; внешняя политика; Ху Цзиньтао.

Keywords: China; foreign policy; Hu Jintao.

В 2012 г. закончилась эра Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао, которые возглавляли китайское руководство начиная с 2002 г. (16-й съезд КПК), и в свои права вступила новая эпоха. Открыл эту эпоху 18-й съезд КПК, на котором было выбрано новое руководство страны во главе с Си Цзиньпином. Для лучшего понимания основных тенденций внешней политики Китая под руководством Си Цзиньпина представляется необходимым прежде всего оценить основные особенности внешнеполитической стратегии эпохи Ху Цзиньтао, что является основной целью данной статьи. Это связано с тем, что эра Ху Цзиньтао стала переходным периодом, когда осторожность и сдержанность, которые были свойственны китайской внешней политике в последние два десятилетия XX в., постепенно трансформировались в более активный и наступательный подход, по крайней мере на региональном уровне. Признаки такой трансформации становятся особенно заметны после 2007 г., и хотя даже в настоящий момент она еще далека от завершения (в том смысле,

что китайская политическая элита еще не до конца определилась с тем, в какой мере и в каких областях Китаю следует брать на себя инициативу в преобразовании существующей системы международных отношений), однако ее истоки следует искать именно 2002–2012 гг., когда у власти в КНР находилось четвертое поколение китайских лидеров во главе с Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао.

Следует также отметить, что в русскоязычной литературе анализу специфики указанного периода с точки зрения эволюции внешней политики КНР все еще уделяется сравнительно мало внимания. Несмотря на то что такие российские авторы, как Я. Лексютина [1], В. Портяков [3; 4] и другие, весьма детально исследовали проблемы внешней политики КНР в это время, однако указанные авторы в основном либо сосредотачиваются на отдельных аспектах, либо писали свои работы тогда, когда еще рано было подводить итоги данного периода и к тому же отсутствовала возможность проводить сравнительный анализ с внешней политикой лидеров КНР пятого поколения.

СИТУАЦИЯ В МИРЕ И ВЫЗОВЫ, СТОЯВШИЕ ПЕРЕД КИТАЕМ В НАЧАЛЕ XXI в.

Как отмечает В. Портяков, «команда Си Цзиньпина — Ли Кэцзян демонстрирует готовность к большей, чем у предшественников, активности, а подчас и жесткости внешнеполитического курса, к расширению диапазона и более гибкому использованию внешнеполитического инструментария страны» [5, с. 18]. Данную оценку российского специалиста разделяет большинство экспертов по внешней политике КНР в различных странах мира, которые, в зависимости от личных предпочтений, говорят о возросшей «активности», «интенсивности» или «агрессивности» Пекина. Сказанное, однако, совсем не означает, что эпоха Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао прошла незаметно для внешней политики КНР. Скорее наоборот, это время, видимо, ста-

ло переходным периодом, когда Китай постепенно отказался от безусловного следования «ограничительным», по выражению того же В. Портякова, заповедям Дэн Сяопина, призывавшего к крайней степени осторожности во внешней политике, и занял более активную позицию в отстаивании своих интересов на мировой арене.

Прежде всего необходимо отметить, что, по мнению руководства КНР, в первом десятилетии XXI в. страна переживала важный этап развития, который характеризовался как стратегическими возможностями, так и стратегическими вызовами, реакция на которые предопределила развитие Китая на десятилетия вперед [17]. Хотя мир, развитие и сотрудничество между странами по-прежнему рассматривались

как доминирующие в международных отношениях (формулировка, уходящая корнями в эпоху Дэн Сяопина), однако отмечалось, что количество дестабилизирующих факторов возросло. Иными словами, появились новые вызовы, и внешняя политика КНР во многих стратегически важных отношениях стоит перед выбором. Что представляют собой эти новые вызовы?

По мнению автора, с одной стороны, это небывалый уровень интеграции Китая в мировую экономику и участия в работе международных организаций. С другой — понимание того, что в этот период рост китайского экономического и политического влияния в мире уже достиг того уровня, когда существующей системе международных отношений придется начать адаптацию к факту появления нового влиятельного актора (что, естественно, будет негативно воспринято другими акторами с устоявшимися интересами и сферами влияния) [6–8].

Показательно, что китайское руководство четко сознает то, что уровень интеграции между Китаем и мировым сообществом достиг небывалого в истории страны уровня. Как заявил председатель КНР Ху Цзиньтао, развитие Китая неотделимо от мирового, процветание и стабильность в мире также неотделимы от Китая [25]. Также подчеркивалось, что Китай сохраняет и будет сохранять приверженность политике открытости внешнему миру (один из базовых принципов внешней политики КНР начиная с 1980-х гг.). В этом отношении современная эпоха действительно представляет принципиально новое явление в китайской истории, поскольку до второй половины XIX в. Китай в экономическом и социальном плане оставался страной с самодостаточной экономикой. Позднее, несмотря на постепенную экономическую интеграцию с внешним миром, формирование экономических связей сдерживалось тем, что такая интеграция в мировую экономику была в значительной степени навязана Китаю извне и повлекла за собой множество негативных последствий для китайского общества. После создания КНР в 1949 г. китайское руководство до конца 1970-х гг. придерживалось курса на достижение экономической автаркии. Таким образом, Китай фактически впервые по собственной инициативе оказался включенным в мировые производственные процессы и достиг в этом отношении значительных успехов. Экспортно-ориентированная модель развития экономики позволила Китаю с 1980 по 2010 г. увеличить свою долю в мировом ВВП с менее чем 2 % в 1980 г. до 13,58 % (поднявшись с 10-го места на 2-е после США), в мировой торговле — с примерно 1,5 до 9 % (с 29-го места на 2-е). По объему внешней торговли Китай обошел США в 2012 г. (внешнеторговый оборот КНР составил 3,87 трлн долл. США, тогда как у США — 3,82 трлн). С 2004–2005 гг. в рамках стратегии «выхода вовне» существенно увеличился объем зарубежных инвестиций китайских компаний, а правительство КНР в 2013 г. стало, по некоторым данным, шестым крупнейшим в мире донором для развивающихся стран [1, с. 24–25]. В этой

ситуации одной из новых задач, стоящих перед МИД КНР на современном этапе, стало дипломатическое обеспечение совместных проектов по разработке полезных ископаемых (особенно энергоресурсов) в различных странах мира, а также обеспечение безопасности стратегических транспортных маршрутов, по которым в Китай поступает сырье. Эту задачу облегчает общая тенденция к глобализации и углублению экономической кооперации между странами [11, с. 36–38], но вместе с тем стратегическое соперничество на двустороннем и региональных уровнях также представляет с этой точки зрения серьезную угрозу.

Необходимо отметить, что Китай в эпоху Ху Цзиньтао начал довольно активно применять экономические санкции против тех стран, которые, с точки зрения Пекина, пытаются вмешиваться во внутренние дела КНР: например, в 2008 г. экономические меры воздействия были предприняты против Франции в связи с намерением президента Н. Саркози встретиться с далай-ламой; в 2010–2012 гг. весьма болезненные санкции имели место в отношении Норвегии за ее поддержку китайского диссидента Лю Сяобо в качестве кандидата на вручение Нобелевской премии в 2010 г.; в 2010 и 2012 гг., в периоды обострения отношений с Японией из-за островов Дяоюйдао, жесткие меры экономического давления (включая ограничения на экспорт редкоземельных металлов) стали инструментом дипломатии Пекина в отношениях с Токио и т. д. [1, с. 32–33]. Хотя применение экономических санкций носит в этот момент ограниченный характер, однако тот факт, что Пекин не останавливался перед использованием экономического давления даже в отношении таких крупных мировых держав, как Индия и Япония, говорит о возросшей уверенности руководства КНР в своих силах и желании использовать экономический вес Китая для защиты своих политических интересов.

Тем не менее вряд ли можно говорить об экономической (или политической) конфронтации и давлении на внешний мир как основном компоненте внешнеполитической стратегии КНР. Указанные санкции были реакцией на действия других стран, которые Пекин рассматривал как откровенно недружественные, и носили ограниченный характер как с точки зрения временных рамок, так и с точки зрения содержания. Кроме того, в некоторых случаях, даже если затрагивались ключевые интересы Китая (например, когда в 2010 г. шла речь о поставках США вооружений Тайваню), несмотря на жесткие декларации со стороны Пекина, санкции так и не были введены. Все это говорит о дополняющей и «корректирующей» роли экономической дипломатии в этот период, направленной на смягчение и регулирование эксцессов «антикитайской» (с точки зрения Пекина) политики некоторых стран, тогда как ядром внешнеполитической стратегии КНР по-прежнему оставались адаптация к существующей системе международных отношений и позитивное взаимодействие с ней, несмотря на существующие политические расхождения между Китаем и ведущими западными державами и их союзниками в регионе.

ОТВЕТНАЯ СТРАТЕГИЯ ХУ ЦЗИНЬТАО: «ОТВЕТСТВЕННАЯ МИРОВАЯ ДЕРЖАВА» И «ГАРМОНИЧНЫЙ МИР»

В рассматриваемый период Китай активно позиционировал себя как «ответственную мировую державу», принимающую активное участие в деятельности международных организаций и механизмов и готовая брать на себя соответствующее экономическое бремя для поддержания их деятельности. В этой концепции также содержится намек на то, что КНР не собирается бросать вызов или пытаться перестраивать существующую систему международных отношений и функциональных механизмов в ее рамках, хотя Пекин зачастую выстраивает приоритеты иначе, чем, например, США или ЕС (так Китай подчеркивает принцип невмешательства и неприкосновенности государственного суверенитета как основополагающий принцип Устава ООН, тогда как западные страны склонны все чаще пытаться использовать механизмы ООН для осуществления «гуманитарной интервенции») [14, с. 62–65].

Важным аспектом любых деклараций в сфере внешней политики остается приверженность мирному пути развития, по выражению министра иностранных дел КНР Ян Цзечи, «через поддержку мира во всем мире обеспечивать собственное развитие и через собственное развитие содействовать миру во всем мире» [25] и политике отказа от внешней экспансии и притязаний на гегемонию будь то на региональном или глобальном уровне. Одновременно с этим Китай провозглашает принцип гармонизации интересов развития китайской экономики и общества и интересов других стран. Концепция «гармоничного мира» впервые была провозглашена Ху Цзиньтао в 2005 г. и включает следующие аспекты: в политическом плане — взаимоуважение, равноправные консультации и демократизацию международных отношений; в экономическом плане — сотрудничество, взаимодополнение экономик, взаимная выгода и сбалансированность развития; в культурном плане — взаимный обмен, уважение к культурному многообразию человеческой цивилизации; в сфере безопасности — взаимодоверие, мирное разрешение конфликтов и совместные усилия по поддержанию мира и стабильности; в сфере экологии — взаимопомощь и охрана окружающей среды общими усилиями всех стран [18], что весьма актуально на современном этапе, поскольку эко-

номический подъем КНР и связанные с этим рост дипломатического влияния и модернизация китайской армии воспринимаются в мире достаточно неоднозначно, порождая сомнения относительно будущей траектории развития Китая [15, с. 80].

Отметим, что концепция «гармоничного мира» фактически является продолжением и развитием «новой концепции безопасности», официально предложенной китайским руководством в 1997–2002 гг. в качестве принципиально нового подхода к проблемам глобальной безопасности. Как заявил Цзян Цзэминь в своем выступлении на 16-м съезде партии в ноябре 2002 г., «новая концепция безопасности» КНР строится на основе взаимного доверия, взаимной выгоды, равноправия и координации действий между странами [16]. В соответствии с интерпретациями, предлагаемыми китайскими авторами [9, с. 44–47; 20, с. 36–37; 21, с. 28–30], взаимное доверие является предпосылкой успешного сотрудничества и укрепляется по мере развития сотрудничества между странами. Принцип взаимной выгоды подчеркивает важность учета интересов каждого из государств. Поскольку понятие суверенитета это единственное, что делает различные по своим возможностям государства формально равными, то равноправие можно понимать как утверждение принципа государственного суверенитета. В свою очередь, необходимость координации между странами отражает как идею многополярности мира, так и неприятие односторонних действий со стороны некоторых мировых держав. Несмотря на более широкий и всеохватывающий характер концепции «гармоничного мира», несложно заметить ряд моментов, которые объединяют обе доктрины. Это позволяет утверждать, что Ху Цзиньтао и китайское руководство четвертого поколения довели до логического завершения и оформления внешнеполитические доктрины, начавшие формироваться еще в 1990-х гг. Вместе с тем нельзя не заметить, что в выступлениях Ху Цзиньтао гораздо более четко прослеживается осознание того, что вызовы, стоящие перед Китаем, становятся все более серьезными и потенциально могут затрагивать ключевые интересы КНР, а гармонизация интересов Китая и других стран — наиболее насущная задача китайской внешней политики на современном этапе и в ближайшие десятилетия.

Международные отношения и внешняя политика

ЗАДАЧИ КИТАЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ И ПРОБЛЕМА «МЯГКОГО ВЛИЯНИЯ»

В соответствии с общими задачами, обозначенными выше, китайская дипломатия выделяет три основные практические направления своей деятельности (перечислены в порядке приоритетности):

1) политика в отношении мировых держав (это прежде всего США, Россия, ведущие страны ЕС, Япония, т. е. страны, чьи действия или бездействие в определенной ситуации могут нанести ущерб безопасности и основным интересам КНР);

2) региональная сфера (включающая соседние с Китаем малые и средние государства Юго-Восточной, Южной и Средней Азии, а также региональные организации (АСЕАН, ШОС) и форумы), на данном уровне основная задача китайской дипломатии заключается в том, чтобы не допустить вовлечения этих стран в антикитайские коалиции, а также содействовать их участию в таких формах региональной интеграции, в которых КНР могла бы играть существенную роль;

3) политика в отношении развивающихся стран Африки, Латинской Америки и арабского мира (тесные связи с этими странами обеспечивают КНР необходимую поддержку в международных организациях, а также в ряде случаев позволяют обеспечивать потребности страны в энергоресурсах и сырье) [19].

На всех трех уровнях постепенно шло переосмысление знаменитых формулировок, долгое время лежавших в основе китайской внешней политики, о необходимости для Китая держаться в тени и не претендовать на ведущие роли в мировой политике, озвученных Дэн Сяопином в 1989–1992 гг. Данные принципы пересматривались и наполнялись новым, более активным содержанием, соответствующим возросшим возможностям и потребностям КНР [2]. Основная дискуссия развернулась вокруг вопросов, в какой степени необходимо продолжать руководствоваться принципами сдержанности, осторожности и умеренности, которыми, под влиянием Дэн Сяопина, характеризовалась внешняя политика КНР в 80–90-е гг. XX в., и насколько допустима более активная политика отстаивания собственных интересов на мировой арене. Судя по всему, к концу рассматриваемого периода Пекин решил перейти к более бескомпромиссной и решительной политике на региональном уровне с прицелом на выстраивание «китаеццентричного» регионального порядка, при этом сохраняя умеренность в отношениях с великими державами и проявляя щедрость и уступчивость во взаимодействии с развивающимися странами. В какой мере нарождающийся китайский региональный порядок может быть совместим с претензиями США на поддержание однополярного мира и доминирование в тихоокеанском регионе, а также с возрастающей внешнеполитической и военной активностью Японии, вероятно, можно будет с большой степенью определенности сказать ближе к концу второго десятилетия XXI в., однако уже теперь можно утверждать, что курс на утверждение регионального преобладания КНР в Восточной Азии был взят именно в эпоху Ху Цзиньтао и продолжен при Си Цзиньпине.

Интересно, что некоторые китайские авторы начали говорить о постепенном формировании новой двухполярной мировой системы, включающей США и КНР («большая двойка»), тогда как все остальные мировые державы рассматривались в этих работах как вторичные полюса силы [10, с. 4–8; 22, с. 21–25; 24, с. 1–5]. Известный китайский специалист по внешней политике КНР и международным отношениям Янь Сюэту в одной из своих статей, вышедшей в 2011 г. и анализирующей закономерности формирования «правил игры» в рамках существующей системы международных отношений, даже сделал следующий прогноз: до 2015 г. «правила игры» будут все еще формироваться прежде всего под воздействием США, тогда как с 2025 по 2050 г. влияние КНР в этом отношении станет преобладающим [23]. Как совершенно верно отмечает В. Портяков, подобные

радикальные идеи не были отражены в докладе Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК в 2012 г., где по-прежнему говорится лишь о движении к многополярности в мировой политике [4, с. 51]. Однако появление такого рода работ указывает на то, что в КНР идет активная дискуссия о том, в какой степени Китай может отказаться от заветов Дэн Сяопина во внешней политике и перейти к новым формам взаимодействия с окружающим миром.

Следует также отметить, что в рассматриваемое десятилетие Китай активно наращивал усилия по расширению своего «мягкого» влияния в мире. Смысловым ядром здесь выступает концепция «светлых перспектив китайского развития», призванная продемонстрировать положительные аспекты подъема Китая для мирового сообщества и сформировать более сбалансированное видение Китая в мире. Не случайно и то, что именно Ху Цзиньтао в 2004 г. впервые поставил перед китайской дипломатией задачу «добиваться... формирования объективного и доброжелательного (по отношению к КНР. — В. Б.) мирового общественного мнения» [12; 13]. В истории внешней политики КНР это первый случай, когда «публичная дипломатия» была на уровне высшего руководства страны обозначена как одно из приоритетных направлений внешней политики, что также свидетельствует о достаточно существенной качественной активизации внешней политики Пекина по сравнению с последним десятилетием XX в.

Таким образом, эпоха Ху Цзиньтао в истории китайской дипломатии стала тем временем, когда китайское руководство четко осознало тот факт, что рост китайской экономической мощи и политического влияния в мире неизбежно вызовет ответную реакцию со стороны ряда стран, и попыталось сформулировать стратегию максимально безболезненной интеграции «нового Китая» (т. е. Китая с принципиально новыми международными возможностями) в существующую систему международных отношений. В основу такой стратегии были положены концепции «ответственной мировой державы» и «гармоничного мира», призванные продемонстрировать, что подъем Китая не представляет угрозы для существующей системы международных отношений и во многом способствует ее развитию и укреплению. Вместе с тем мы наблюдаем также и переход к более активным действиям на региональном уровне с целью защитить базовые интересы КНР в непосредственной близости от собственных границ и создать условия для постепенного возникновения региональной подсистемы международных отношений во главе с Китаем. Однако если десяти лет правления Ху Цзиньтао было достаточно для того, чтобы осознать внешнеполитические проблемы, связанные с подъемом Китая, и сформулировать ответную стратегию, то развитие и реализация подобной стратегии, а также ее конечный успех зависят как от ситуации в мире, так и от последовательности и эффективности действий следующих поколений лидеров КНР.

Библиографические ссылки

1. Лексютин Я. В. Экономическая дипломатия Китая в XXI веке // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 2. С. 24–37.
2. Мамонов М. В. Инерция и новации во внешней политике Китая [Электронный ресурс] // Междунар. процессы. 2010. № 3 (24). URL : <http://www.intertrends.ru/twenty-four/005.htm> (дата обращения : 31.05.2015).
3. Портяков В. Я. Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 5. С. 14–27.
4. Портяков В. Я. О некоторых аспектах внешней политики Китайской Народной Республики в 2012 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 3. С. 50–58.
5. Портяков В. Я. Контуры внешней политики лидеров Китайской Народной Республики пятого поколения // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 1. С. 16–20.
6. Фридберг А. Несговорчивый Пекин [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2012. № 5. URL : <http://www.globalaffairs.ru/number/Nesgovorchivyi-Pekin-15731> (дата обращения : 31.05.2015).
7. Joo-Youn Jung. Rising China and the Chinese Public's Security Perceptions: Working Paper № 23 / Joo-Youn Jungio – Seoul: EAI, 2012. 21 p.
8. Waldron A. China's «Peaceful Rise» Enters Turbulence // Orbis. 2014. Vol. 58, № 2. P. 164–181.
9. Ли Сяоминь. Чжунгодэ синь аньцюаньгуань = Новая концепция безопасности, выдвигаемая Китаем // Хэпин юй фачжань = Мир и развитие. 2002. № 2. С. 44–47 (на кит. яз.).
10. Линь Лиминь. 2011 нянь гоцзи чженчжидэ цзигэ синь каньдянь = Некоторые новые взгляды на проблемы международной политики в 2011 г. // Дандай шицзе = Современный мир. 2011. № 12. С. 4–8 (на кит. яз.).
11. Лю Цзяньфэй. Хэпин цзюэци ши чжунгодэ чжанлюе сюаньцзэ = Мирный подъем как стратегический выбор Китая // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи = Мировая политика и экономика. 2006. № 2. С. 36–40 (на кит. яз.).
12. Ди ши цы чжувай шицзе хуэйи цзай цзин цзюйсин = О 10-й встрече послов КНР в Пекине [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао. 30.08.2004. URL : <http://www.people.com.cn/GB/shizheng/1024/2748201.html> (дата обращения : 31.05.2015 (на кит. яз.)).
13. Вайцзяобу гунгун вайцзяочу шэнгэ бангунши тусянь чжунго вайцзяо фансян = Отдел общественной дипломатии МИД КНР получил статус канцелярии: новые тенденции во внешней политике Китая [Электронный ресурс] // Ляован = Обзор. 31.05.2010. URL : http://news.xinhuanet.com/politics/2010-05/31/c_12159797.htm (дата обращения : 31.05.2015 (на кит. яз.)).
14. Сюэ Чэнь. Фэйчуаньгун аньцюань вэньти юй гоцзи гунгун чаньпинь гунцзи – цзяньлунь «Чжунго цзежэньлунь» юй хэсе шицзе линяньдэ шицзянь = Проблемы нетрадиционной безопасности и общественные блага в мировой политике: к вопросу об «ответственности Китая» и реализации концепции гармоничного мира // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи = Мировая политика и экономика. 2009. № 3. С. 62–69 (на кит. яз.).
15. Чжан Пэй. «Чжунго дуйвай чжанлюе синь сыкао» сюешу яньтаохуэй цзуншу = Сжатое изложение материалов научной конференции «Новые подходы к внешнеполитической стратегии Китая» // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи = Международная экономика и политика. 2007. № 5. С. 80 (на кит. яз.).
16. Цзян Цзэминь. Цзян Цзэминь цзай Чжунго гунчаньдан ди шилю цы цюаньго дайбяо дахуэйшандэ баогао = Доклад Цзян Цзэмина на 16-м съезде КПК [Электронный ресурс] // Китай. 08.11.2002. URL : <http://www.china.com.cn/chinese/2002/Nov/233867.htm> (дата обращения : 31.05.2015 (на кит. яз.)).
17. Ху Цзиньтао. Ху Цзиньтао цзуншуцзи «7.23» чжуняо цзянхуа цюаньвэнь цзи силе цзеду = Полный текст выступления генерального секретаря КПК Ху Цзиньтао от 23.07.2012 с комментариями [Электронный ресурс] // Сянси вейшен синьсиван = Сайт спутникового телевидения Сянси. URL : <http://www.xxwsj.com/Article.asp?newsid=1656> (дата обращения : 31.05.2015 (на кит. яз.)).
18. Ху Цзиньтао. Ху Цзиньтао цзай дандэ шицидашандэ баогао = Доклад Ху Цзиньтао на 17-м съезде КПК [Электронный ресурс] // Агентство Синьхуа. 24.10.2007. URL : http://news.xinhuanet.com/newscenter/2007-10/24/content_6938568.htm (дата обращения : 31.05.2015 (на кит. яз.)).
19. Ху Цзиньтао. Ху Цзиньтао цзай Чжунго гунчаньдан ди шиба цы цюаньго дайбяо дахуэйшандэ баогао = Доклад Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК // Жэньминь жибао = Народная ежедневная газета. URL : <http://cpc.people.com.cn/n/2012/1118/c64094-19612151.html> (на кит. яз.).
20. Юй Цзэминь. Чжунгодэ синь аньцюань гуань – цун Мо-цзы дэ аньцюань линянь шоци = Новая концепция безопасности Китая и ее истоки в философии Мо-цзы // Данши цзунхэн = Анналы партийной истории. 2002. № 9. С. 36–37 (на кит. яз.).
21. Янь Сюэту. Чжунгодэ синь аньцюань гуань юй аньцюань хэцзо гоусян (Новая концепция безопасности КНР и проблемы сотрудничества в области безопасности) // Сяньдай гоцзи гуаньси (Современные международные отношения). 1997. № 11. С. 28–32 (на кит. яз.).
22. Янь Сюэту. Вэньбин У. Чжунго цзюэци као шэньмэ: цзюэци ши игэ будуань айпи хэ маосяньдэ гочэн = На чем базируется подъем Китая: подъем как процесс, связанный с постоянной критикой со стороны и опасностями // Хунань жэньминь чубаньшэ = Хунаньское народное издательство, 2010. 280 с. (на кит. яз.).
23. Янь Сюэту. Гоцзи линдао юй гоцзи гуйфаньдэ яньхуа = Лидерство на мировой арене и трансформация международных норм // Гоцзи чжэнчжи кэсюэ = Международная политика. 2011. № 1. С. 1–28 (на кит. яз.).
24. Янь Сюэту. Ци Хайся. Чжунмэй цзинчжэн цянцзин: цзя пэню эр фэй синь лэнчжань = Перспективы соперничества между Китаем и США: фальшивая дружба, а не новая холодная война // Гоцзи чжэнчжи кэсюэ = Международная политика. 2012. № 3. С. 1–23 (на кит. яз.).
25. Ян Цзечи. Шиняньлай вого вайцзяо гунцзодэ хуэйгу юй чжаньван = Обзор дипломатии КНР за последние десять лет и перспективы развития [Электронный ресурс] // Цюши = В поисках истины. 24.10.2012. URL : http://www.cnr.cn/kby/wjsn/snwj/201210/t20121024_511210328.shtml (дата обращения : 31.05.2015 (на кит. яз.)).

СТАНОВЛЕНИЕ КАФЕДРЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ТУРИЗМА: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Л. М. Гайдукевич

Исследуется 17-летний период становления и развития кафедры международного туризма факультета международных отношений Белорусского государственного университета по подготовке кадров для туристической Республики Беларусь. Акцентируется внимание на основных направлениях организации учебного процесса в соответствии с современными тенденциями в сферах туризма, образования, реального сектора. Обозначены формы сотрудничества и причины различий в подготовке специалистов в отечественных и зарубежных учебных заведениях.

The article analyses a 17-year period of formation and development of the International Tourism Department of the Faculty of International Relations of Belarusian State University in preparation of tourist staff of the Republic of Belarus. The attention is focused on the main directions in the educational process in accordance with the modern trends in the tourism sphere, education and real sector of economy. Forms of cooperation and reasons for differences in professional training of tourist staff in national and foreign educational institutions are indicated.

Ключевые слова: международный туризм; образовательные технологии; учебный процесс; реальный сектор экономики; туристический комплекс.

Keywords: international tourism; educational technologies; educational process; real sector of economy; tourist complex.

Республика Беларусь с каждым годом становится все привлекательнее для международных туристов. Только в 2014 г. республику посетило 5,3 млн иностранных граждан, что на 20 % больше, чем в 2013 г. Экспорт туристических услуг составил более 251 млн долл. США и вырос за год на 107,3 % [3]. Все это свидетельствует о динамичном развитии туристического комплекса Беларуси, который требует и соответствующего кадрового обеспечения.

Подготовка таких кадров на факультете международных отношений Белорусского государственного университета началась в октябре 1998 г. 17 лет назад на факультете международных отношений Белорусского государственного университета была создана кафедра международного туризма. Этому предшествовал ситуационный анализ развития туркомплекса республики, который показал, что необходимы специалисты, хорошо владеющие иностранными языками и обладающие принципиально новыми экономическими знаниями. Два этих фактора стали определяющими в организации работы кафедры. Сегодня блок экономических знаний дает возможность студентам хорошо разбираться в современных экономических процессах, создании и функционировании предпринимательской среды, основных тенденциях в международном туризме. Что касается языковой подготовки, то у студентов есть возможность выбора, так как на факультете преподаются 16 иностранных языков.

За прошедший период развития кафедре во многом удалось достичь поставленных целей: обеспечить подготовку специалистов именно в русле двух вышеотмеченных приоритетов и удерживать достаточно высокое качество обучения. Разумеется, это не значит, что полностью обеспечен кадрами туристический комплекс страны. Наши выпускники уходят работать не только в туристическую сферу. Кафедра подготовила более 450 специалистов. Учитывая, что студенты получают двоякую квалификацию («экономист-менеджер» и «переводчик со знанием двух иностранных языков»), выпускники имеют не только соответствующую туристическую

подготовку, но и обладают хорошими знаниями во внешнеэкономической сфере в целом. Проведенные кафедрой исследования свидетельствуют, что 55 % выпускников трудоустраиваются на туристических предприятиях, 25 % — в различных банковских и финансовых институтах, структурах внешнеэкономической деятельности, а остальные находят себе применение в малом и среднем бизнесе, в том числе в семейном.

Сегодня много внимания в процессе обучения уделяется экологическому туризму. Кафедра тесно сотрудничает с Белорусским общественным объединением «Отдых в деревне», где в январе 2015 г. на его базе создан филиал кафедры. Несколькими годами ранее на факультете был организован научно-практический центр агроэкотуризма. Это направление динамично развивается в стране, на рынке есть спрос на соответствующих специалистов, и мы их готовим. Поступают заявки из агроусадб на дипломные работы, в которых разрабатывается концепция продвижения агротуристического продукта. Таким образом, мы подошли к практическому соединению теории и практики, а наши студенты способны оказать конкретную помощь развивающемуся отечественному туркомплексу. Мы мечтали на этапе становления совместить теорию и реальный сектор, и это нам удалось.

К безусловным достижениям кафедры необходимо отнести положительные отзывы о выпускниках. Ежегодно на кафедре организуются дни карьеры. Анкетирование работодателей свидетельствует о том, что наших специалистов достаточно высоко оценивают в реальном секторе. Отличная экономическая подготовка, свободный английский, высокий уровень эрудиции — таковы отзывы работодателей. Наши специалисты способны выдерживать конкуренцию на рынке труда, и мы этот тренд стремимся поддерживать.

На этапе становления особое внимание было уделено разработке учебно-методических материалов. Вначале мы попытались использовать наработки Российской международной академии туризма.

Но очень быстро убедились в том, что у Беларуси своя специфика, и механический перенос российского опыта не всегда был удачен. Поэтому все силы профессорско-преподавательского состава были брошены на подготовку собственных учебно-методических материалов. Сейчас на кафедре все учебные дисциплины обеспечены учебной литературой. Ежегодно издается не менее трех учебно-практических пособий, функционирует система «электронной книги».

Республика Беларусь не имеет таких финансовых возможностей, как, например, Россия. Российская международная академия туризма еще в 1990-х гг. организовала учебный процесс с учетом предоставления студентам зарубежной практики (конечно же, за счет студентов!). Мы также прорабатывали эти варианты, но очень быстро выяснилось, что это невозможно. Ни студенты, ни их родители не могли себе позволить платить четыре с половиной тысячи долларов в год за обучение с учетом зарубежных стажировок. Поэтому пришлось иным способом привносить зарубежный опыт подготовки в образовательный процесс.

Мы пошли по пути адаптации лучших зарубежных учебных методик. Вместе с Белорусским государственным экономическим университетом и пятью другими вузами республики участвовали в реализации проекта ТЕМПУС IV «Модернизация и внедрение бизнес-образовательных программ для подготовки специалистов в туристической индустрии Республики Беларусь (MIBET) № 144522 — Tempus — 2008 — 1 — DE — Tempus 1 — PCR» по модернизации учебного процесса [1, с. 110–119]. Именно тогда создали новые экспериментальные планы по подготовке специалистов и внедрили на факультете систему кредитно-модульной оценки знаний студентов. Мы взяли все самое лучшее из опыта стран, с которыми сотрудничали, а это вузы Германии, Словакии, Чехии, Польше, Италии. Закупили в библиотеку англоязычную литературу по туризму, совместно с зарубежными коллегами разработали современные учебные пособия в рамках проекта. В настоящее время наши студенты активно пользуются возможностью программы «Эразмус Мундус». Ежегодно около 10 студентов выигрывают гранты по этой и другим образовательным программам и обучаются за рубежом — в Финляндии, Швеции, Германии, Чехии, Польше. Мы убеждены, что стажировать студентов необходимо там, где успешно развивается турбизнес, отельный бизнес. Они должны не только знать зарубежный опыт, но и овладевать современными технологиями его применения.

Большое значение на кафедре придается практической подготовке. Студенты младших курсов проходят учебную практику, старшекурсники — производственную в фирмах и отелях г. Минска. Гостиница «Виктория» постоянно организует ознакомительную практику для наших первокурсников. Плотное сотрудничаем с отелями «Краун Плаза», «Европа», «Ренессанс». Эти отели сами проявляют заинтересованность, и мы благодарны им за это. В данных организациях очень грамотно поставлена работа с персоналом, владеющим современными

образовательными методиками. Сотрудники помогают студентам практически постичь азы будущей профессии. В дальнейшем многие там и трудоустраиваются. Но чтобы работать менеджером в звездном отеле, нужно знать весь технологический процесс — от технологии уборки номеров и функционирования ресторанной кухни до продвижения отеля на внешних рынках. На этом и основаны все этапы практической подготовки студентов.

Тесные и плодотворные отношения сложились с отечественными турпредприятиями «Вокруг света», «Топ-Тур», «Белвнешинтурист» и др. Они направляют своих специалистов по персоналу, которые в ходе учебного процесса выбирают способных студентов и впоследствии приглашают на работу в фирму. Ряд учебных дисциплин на кафедре преподают руководители-практики: Г. Потаева («Ви-аполь»), В. Клицунова (БОО «Отдых в деревне»), Л. Кобзик (главный редактор газеты «Туризм и отдых») и другие. Это хороший пример участия реального сектора в организации подготовки кадров.

Нельзя не отметить, что белорусский туристический рынок еще структурно не сформировался. Рынок, где функционируют более 700 фирм, в которых работают несколько десятков, а в большинстве — всего лишь два-три сотрудника, может быть только на этапе формирования. У подобных турфирм нет передовых навыков работы с персоналом. В этих условиях многие наши выпускники предпочитают серьезно заниматься вопросами внешнеэкономической деятельности в торговых, промышленных и финансовых компаниях, где существуют другие материальные стимулы и качественно иные перспективы роста, ведь к нам приходят очень целеустремленные абитуриенты. Молодые люди хотят не только получить хорошее образование, но впоследствии найти работу с хорошим материальным вознаграждением. В 2013 г. мы выпустили 65 специалистов, из них 40 % защитили дипломные работы на «девять» и «десять», 17 человек были рекомендованы в магистратуру. Как видно, потенциал у наших выпускников очень высокий. Поэтому ничего удивительного в том, что, приходя на турпредприятия, они хотели бы видеть достойное вознаграждение. Анализируя ситуацию, мы понимаем, что и у турфирм тоже могут быть определенные претензии к нам. Реальному сектору хотелось бы видеть практически подготовленных молодых специалистов, чтобы они могли сразу выполнять поставленные производственные задачи. К сожалению, не всегда так бывает. Несмотря на ежегодно организуемые производственные практики, которые студенты проходят в течение обучения, практические навыки получают только с опытом, в процессе работы на предприятии.

Республика Беларусь реализует внешнеэкономическую концепцию развития, которая заключается в многовекторности. И наша задача — обеспечить эту многовекторность кадрами. Мы исходим из того, что туристический потенциал Беларуси еще не реализован. Наши специалисты должны будут и завтра, и через пять — десять лет продвигать страну на мировом туристическом рынке, в том числе используя зарубежный опыт, с которым мы знакомим

студентов через систему привлечения зарубежных преподавателей, приглашаем знаковых специалистов в области маркетинга и менеджмента из Германии, Словакии, Чехии, США. Они рассказывают о мировых тенденциях в турбизнесе, знакомят студентов с передовыми маркетинговыми технологиями. Естественно, мы нацеливаем студента на завтрашний день. В Беларуси начинают работу гостиничные цепи мировых брендов, поэтому ведется соответствующая подготовка студентов в этой области совместно с гостиницей «Ренессанс».

Еще одним важным аспектом вопроса о повышении качества подготовки является стажировка преподавательского состава за рубежом, в том числе в Германии, Италии, Словакии. В ходе зарубежных стажировок наши преподаватели убедились, что модели развития туристического комплекса в разных странах могут быть совершенно разные, а значит, и технологии их функционирования тоже разные. В той же Словакии, например, до недавнего времени существовали депрессивные шахтерские районы, которые удалось реанимировать именно с помощью туризма. В Беларуси также необходимо вдохнуть жизнь в заброшенные деревни с помощью создания интересного регионального турпродукта, в основе которого — местный колорит и неповторимая аутентичность. Современный мир взаимозависим, но у нас своя национальная специфика, своя природная среда, собственная система коммуникаций, которая активно развивается. Используя передовые технологии в туризме, мы должны показать свое национальное своеобразие. Именно этим национальным своеобразием мы будем интересны и Западу, и Востоку. Но для реализации этих задач кадры нужно готовить уже сегодня.

В сфере туризма в настоящее время в республике наблюдаются положительные тенденции — через событийный туризм, культурный туризм и агроэкотуризм все больше проявляется этнографическая специфика национального турпродукта. Здесь у нас огромный потенциал, например Белорусское Полесье — колоритное, живое, уникальное. Сегодня все удивляются, как такое историко-культурное и природное наследие вообще могло сохраниться?! Показать национальный колорит — вот в чем специфика развития туризма современной Беларуси. Ведь далеко не все на Западе знают о существовании нашей страны, по-прежнему нередко можно слышать вопрос: а где это? Над этим всем надо усиленно работать.

17 лет — это период начала взрослой жизни, а для кафедры — это период поиска и новых творческих свершений. Наша первоочередная задача —

вносить в студенческую аудиторию новые образовательные технологии, создавая таким образом надежный фундамент знаний будущих специалистов. Должны эффективно работать мастер-классы, малые образовательные проекты. Классическая курсовая работа теряет свою актуальность как основная форма в организации учебного процесса. В то же время необходимо активно использовать в учебном процессе мобильные курсовые и дипломные проекты по заказу реального сектора. Включаем интеллект молодежи в научный поиск, в исследования. Ежегодно более 35 % студентов участвуют в различных формах студенческой науки. В этом направлении мы активно работаем.

Будем продолжать формировать у студентов понимание того самого национального своеобразия. Если студент знает и любит свою Родину, все будет в порядке и с туризмом. Воспитание национально сознательного специалиста — наша задача. Мы как нация формируемся в очень сложных международных условиях, и студенту надо объяснять, в чем это своеобразие, чтобы через понимание данного своеобразия он уважительно относился к богатой белорусской истории и культуре, к опыту старших поколений. В 2014 г. в рамках развития культурного туризма мы реализовали грант ЮНЕСКО «Участие студенческого сообщества в сохранении и использовании культурного наследия в целях поощрения культуры мира и устойчивого развития» [2]. Очень рады тому факту, что основное участие в выполнении этого проекта взяло на себя студенческое сообщество.

Крайне важно привить студенту уважительное отношение к обществу — через гуманизацию и интеллектуализацию, через культуру. Мы пытаемся донести до будущих специалистов туристической отрасли элементарные вещи: встречайте и провожайте человека с улыбкой. Несмотря на кажущуюся простоту и элементарность, все эти и многие другие воспитательные и образовательные вопросы требуют кропотливой и повседневной работы.

В своем становлении и развитии кафедра прошла несколько последовательных этапов:

I этап (1998—2003 гг.) — период становления и оптимизации образовательного процесса;

II этап (2003—2011 гг.) — период активной включенности кафедры в международные образовательные и научно-исследовательские проекты, подключение к их реализации студенческой молодежи;

III этап (с 2011 г. по настоящее время) — период совершенствования и развития образовательного процесса на основе тесной интеграции кафедры с реальным сектором экономики страны.

Библиографические ссылки

1. Модернизация и внедрение бизнес-образовательных программ подготовки кадров для туриндустрии : сб. науч. ст. / редкол. : К. Розенталь (отв. ред.) [и др.]. Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2011. 136 с.
2. Текущий архив кафедры международного туризма факультета международных отношений БГУ. Отчет кафедры о реализации Проекта программы ЮНЕСКО «Участие студенческого сообщества в сохранении и использовании культурного наследия для содействия культуре мира и устойчивому развитию», 2014 г.
3. Туристы не торопятся. План по экспорту услуг не выполнила ни одна область страны [Электронный ресурс]. TUT.by: белорусский портал. URL : <<http://news.tut.by/economics/442442.html>> (дата обращения : 03.04.2015).

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Е. А. Достанко

Рассматриваются взаимоотношения между Республикой Беларусь и Европейским союзом, автором выделяются этапы, характеризуются их особенности и проблемные поля. Анализируются действующие инструменты и инициативы ЕС в отношении Беларуси. Подчеркивается значимость реализации идеи «интеграции интеграций», а именно непротивопоставления членства Беларуси в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), Союзном государстве Беларуси и России развитию сотрудничества с Европейским союзом.

Relations between Belarus and the European Union are considered in the article, the author distinguishes the stages of relations, their peculiarities and problem fields are characterized. The author analyzes the existing EU instruments and initiatives in relation to Belarus. The importance of implementing the idea of «integration of integrations», namely non-opposing of Belarus' membership in the Eurasian Economic Union (EAEU), the Union State of Belarus and Russia to cooperation with the European Union is emphasized.

Ключевые слова: Европейский союз; Республика Беларусь; этапы взаимоотношений; экономическое сотрудничество; «интеграция интеграций».

Keywords: European Union; the Republic of Belarus; the stages of relations; economic cooperation; «the integration of integrations».

Дипломатические отношения между Европейскими сообществами и Республикой Беларусь установлены в августе 1992 г. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС, 1995), Временное (промежуточное) торговое соглашение (ВТС, 1996) были подписаны и ратифицированы белорусской стороной [6]. СПС ратифицировали семь государств — членов Европейского союза, однако процесс ратификации соглашений был приостановлен на основании решения Совета ЕС 1997 г., действующего до сих пор [10]. Действуют только Соглашение между Европейским экономическим сообществом и Европейским сообществом по атомной энергетике и СССР по торговле и коммерческому и экономическому сотрудничеству (1989), которым регулируются двусторонние экономические отношения [8], а также Рамочное соглашение между Правительством Республики Беларусь и Комиссией европейских сообществ от 18 декабря 2008 г., регулирующее техническое сотрудничество. Двустороннее соглашение о торговле текстилем между ЕС и Беларусью, устанавливающее квоты на экспорт белорусского текстиля, подписано в 1993 г., пролонгировалось в 1995, 1999, 2003—2007 гг., закончило действие в 2009 г. [14].

На Беларусь распространяются следующие ключевые инициативы ЕС:

- Европейская политика соседства (ЕПС, 2004) не активна для Беларуси, поскольку не подписан согласованный план действий Беларуси как страны — участницы ЕПС с Европейской комиссией;

- «Восточное партнерство» (ВП, 2009), состоящее из многостороннего формата (4 платформы плюс 6 флагманских инициатив) и двустороннего формата (подписание планов действий, соглашений об ассоциации), Беларусь осуществляет только в многостороннем формате;

- Северное измерение. Беларусь участвует в партнерстве по окружающей среде;

- проекты международной технической помощи и трансграничного сотрудничества в рамках Европейского инструмента соседства (ЕИДП).

На определенные периоды времени Европейский союз формулирует Стратегический документ и Индикативную программу, в которых выделяются приоритетные сектора для технического сотрудничества между сторонами [17; 20].

В отношениях между Европейским союзом и Республикой Беларусь можно выделить следующие этапы (с определенной долей условности):

1994—1996 гг. (активная фаза, подписание СПС, ВТС);

1997—2007 гг. (ратификация соглашений приостановлена, «замороженные» политические отношения и одновременно развитие экономического сотрудничества);

2008—2010 гг. (нормализация отношений, посещение Беларуси представителями ЕС высокого уровня, Европейская комиссия открыла Представительство в Минске, присоединение к ВП);

2011—2012 гг. (введение ограничительных мер как ответ на события вокруг президентских выборов 2010 г., снижение уровня политических контактов);

2013 г. — настоящее время (интенсификация контактов, переговоры об упрощении визового режима и реадмиссии, консультации по вопросам модернизации).

1994—1996 гг.

Процедура подготовки Соглашения о партнерстве и сотрудничестве была начата 1 октября 1994 г., когда Совет ЕС предложил Комиссии ЕС представить предложения об изменениях в директивах по переговорам с Беларусью. В ноябре 1994 г. Совет ЕС утверждает измененные директивы для Европейской комиссии по переговорам по СПС, что позволило ЕК вести такие же переговоры с Украиной и Молдовой. В декабре 1994 г. СПС (109 статей и 8 приложений) было парафировано и подписано в марте 1995 г. [6]. Это позволило установить всеобъемлющий политический диалог, включение в СПС статьи о развитии давало в дальнейшем

возможность преобразования СПС в Соглашение о зоне свободной торговли.

В марте 1996 г. было подписано Временное (промежуточное) торговое соглашение, в которое вошли наиболее важные положения СПС, но не требующие ратификации парламентами стран — членов ЕС. В апреле 1995 г. Европарламент принимает резолюцию о том, что условием для выполнения СПС является соблюдение прав человека и меньшинств. В октябре 1996 г. принимается резолюция Европейского парламента о приостановлении процесса ратификации СПС и введении в действие Временного соглашения. Причиной этому послужил недемократический, с точки зрения ЕС, порядок формирования Национального собрания Республики Беларусь. После визитов делегаций ЕС в январе — марте 1997 г. был представлен доклад о ситуации в Беларуси, на основании которого в сентябре этого года было принято решение Совета ЕС о том, что «ЕС и страны — члены ЕС не будут включать ни Временного соглашения, ни СПС», которое фактически действует и до настоящего времени [10].

1997–2007 гг.

Данный период характеризуется низким уровнем политических контактов и одновременным развитием двусторонних экономических отношений: на протяжении всего периода сотрудничества независимой Беларуси ЕС занимает 2-е место в товарообороте страны после Российской Федерации. Политические отношения обосновывались степенью выполнения белорусской стороной следующих требований ЕС, ОБСЕ, Совета Европы: расширение полномочий парламента; представительство оппозиции в избирательных комиссиях; предоставление равного доступа оппозиции к государственным СМИ; приближение избирательного законодательства к международным стандартам. Президентские выборы 2006 г., парламентские выборы 2000 и 2004 гг. признавались миссиями ОБСЕ как не соответствующие международным стандартам демократических выборов. В основе политики ЕС в отношении Беларуси также лежал подход «ценностного» давления: на декабрьском саммите 2002 г. в Копенгагене ЕС подтвердил свое стремление строить отношения со странами-соседями на основе общеевропейских ценностей.

11 марта 2003 г. ЕС представил документ под названием «Большая Европа — соседство: новые рамки отношений ЕС с нашими восточными и южными соседями», который стал рамочным для формирования Европейской политики соседства, объявленной ЕС в 2004 г. как инструмент сотрудничества с соседними странами вследствие восточного расширения ЕС (2004). Необходимо отметить, что ЕС не имел на тот момент предложения, которое могло бы стать альтернативой сложившимся взаимоотношениям ЕС и Беларуси. Основную цель ЕС усматривал в том, чтобы «обязать Республику Беларусь в преддверии парламентских выборов 2004 года к соразмерному постепенному процессу, который должен быть сосредоточен на создании предпо-

лок для свободных и честных выборов и, в случае достижения этого, на вовлечении Беларуси в политику соседства, не компрометируя при этом позицию ЕС в отношении защиты общих демократических ценностей» [15, с. 15].

В официальной позиции Беларуси подчеркивалось: «...представляет достаточно высокий интерес концепция “соседского” сотрудничества ЕС» [5]. Необходимо отметить активность МИД Польши: польская сторона выступала с инициативами по разработке «Восточного измерения» ЕС, охватывающего четыре страны — Россию, Беларусь, Украину и Молдову — и институционализированного в форме Восточноевропейского регионального форума, а также по созданию в среднесрочной перспективе Общеввропейского экономического пространства и политического сплочения (все были изложены *non-paper*).

Однако Европейский союз принял ряд новых жестких решений в отношении Беларуси: не были признаны итоги парламентских выборов и референдума, прошедших 17 октября 2004 г., введены запреты на выдачу виз в страны ЕС в отношении высокопоставленных чиновников Беларуси. Формально Беларусь была включена в Европейскую политику соседства (2004), но ее участие в очередной раз обуславливалось требованиями существенных политических и экономических реформ. В этот период Беларуси оказывалась международная техническая помощь через реализацию проектов в рамках Европейского инструмента соседства, региональных программ Балтийского моря, «Латвия — Литва — Беларусь», «Польша — Украина — Беларусь» [18, р. 11–12].

В целом этот период характеризуется отсутствием сбалансированной стратегии ЕС в отношении Беларуси, скорее это был набор краткосрочных тактических действий, которые не снимали напряженности в политической сфере; условным вовлечением Беларуси в политику соседства; принятием решения об исключении Беларуси из Общей системы преференций с июня 2007 г., что привело к финансовым потерям Беларуси в торговых отношениях с ЕС; началом перехода от политики изоляции к «пошаговой» стратегии. Последнее нашло отражение в документе *non-paper*, который представлял новое, с точки зрения ЕС, видение развития взаимоотношений с Беларусью: «Что Европейский союз мог бы дать Беларуси?» [13, р. 6, 19].

2008–2010 гг.

Наметилась определенная положительная динамика, обусловленная как внутривнутриполитическими событиями в нашей стране (парламентские выборы в сентябре 2008 г. и президентские выборы в 2010 г.), так и внешнеполитическими (грузино-южноосетинский конфликт в августе 2008 г., мировой экономический кризис, непризнание Беларусью независимости Абхазии и Южной Осетии).

В решении Совета ЕС от 13 октября 2008 г., которое регулировало отношения Беларуси и ЕС до января 2011 г., констатируется, что парламентские

выборы 2008 г. не соответствовали демократическим стандартам ОБСЕ [11]. Тем не менее отмечался определенный прогресс во время избирательной кампании по сравнению с прошлыми выборами, в частности сотрудничество с ОБСЕ/БДИПЧ и широкий доступ оппозиции к СМИ, а также освобождение до выборов последних политических заключенных, признанных таковыми на международном уровне. Также сообщалось о возобновлении контактов с белорусскими властями и приостановлении на полгода запрета на въезд в страны ЕС белорусских чиновников, в отношении которых действовали ограничения. Было объявлено о принятом Советом ЕС решении и полугодовом испытательном сроке для нашей страны [11].

В этот период состоялся ряд визитов делегаций и представителей ЕС на высоком уровне, уменьшилась жесткость риторики официальных документов структур ЕС в отношении Беларуси [19].

В Люксембурге состоялась первая за три года встреча «министерской тройки» ЕС (глава МИД председательствующей в ЕС Франции Б. Кушнер, еврокомиссар по внешним связям и Европейской политике соседства Б. Ферреро-Вальднер и Верховный представитель ЕС по общей внешней политике и политике безопасности Х. Солана) с главой белорусского внешнеполитического ведомства С. Мартыновым. 5 ноября 2008 г. в ходе визита делегации Европейской комиссии во главе с заместителем генерального директора генерального директората по внешним связям ЕК Х. Мингарелли были обсуждены вопросы активизации сотрудничества между Беларусью и Европейским союзом и инициирование трех новых и важных для Беларуси направлений в сотрудничестве: регулирование качества продуктов, в области стандартизации, взаимодействие финансовых институтов и в области сельского хозяйства и продовольственной безопасности [3].

18 декабря 2008 г. Минск посетил с первым визитом Глава представительства Европейской комиссии в Беларуси и Украине Ж. М. П. Тейшейра. Было открыто Представительство Комиссии европейских сообществ (КЕС) в Минске. 19 февраля 2009 г. состоялся первый визит в Беларусь Верховного представителя ЕС по общей внешней политике и политике безопасности Х. Соланы, в ходе которого он встретился с Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко [7].

17 апреля и 22 июня 2009 г. состоялись встречи Министра иностранных дел Чехии (председателя ЕС в первой половине 2009 г.) К. Шварценберга и Комиссара ЕС по внешним связям и Европейской политике соседства Б. Ферреро-Вальднер с А. Г. Лукашенко. 7 мая 2009 г. белорусская делегация приняла участие в учредительном саммите инициативы ЕС «Восточное партнерство». 27 октября 2009 г. в Люксембурге в ходе совместной встречи представителей Совета Европы и Европейского союза была подтверждена готовность ЕС к сотрудничеству в рамках «Восточного партнерства» и подчеркнута стремление Беларуси к дальнейшим шагам навстречу (например, открытие Информационного пункта Совета Европы в Минске) [9].

Решения Совета ЕС от 13 октября 2008 г. представляли собой сигнал для начала нового этапа взаимоотношений между ЕС и Беларусью, когда после более десятилетнего ограничения контактов на высшем уровне принято принципиальное решение о возобновлении диалога с руководством Беларуси. ЕС не отказался в должной мере от достаточно субъективного подхода в построении отношений с Республикой Беларусь, когда приверженность демократическим ценностям можно трактовать в зависимости от собственной выгоды ЕС и степени европейских устремлений страны-партнера, в данном случае Беларуси.

2011–2012 гг.

Европейский союз выступил с негативной оценкой проведенных 19 декабря 2010 г. президентских выборов, а также событий вокруг них. Это нашло отражение в решении Совета ЕС от 31 января 2011 г., которым были введены ограничительные меры (запрет на въезд в ЕС определенному кругу лиц, граждан Беларуси, и запрет на ведение экономической деятельности ряду белорусских компаний) против Беларуси. Решением от 20 июня 2011 г. Совет ЕС наложил эмбарго на поставку вооружения в Беларусь и заморозил активы трех крупных белорусских компаний. Решениями Совета ЕС в январе и от 15 октября 2012 г. действие ограничительных мер было продлено [12].

2013 г. — настоящее время

Сегодня политика Европейского союза в отношении Беларуси обуславливается принятым 15 октября 2012 г. решением Совета ЕС и определяется как политика критического взаимодействия и направленных ограничительных мер [12]. Ограничительные меры в отношении ряда граждан и компаний были отменены, и с конца 2012 года наблюдается восстановление и активизация контактов между ЕС и Беларусью на высоком уровне.

Для Республики Беларусь в рамках Европейского инструмента соседства (2014–2020 гг.) были сформулированы Стратегический документ и Индикативная программа по поддержке Беларуси со стороны Европейского союза на 2014–2017 гг., которые определяют только техническое сотрудничество. В документе признается стремление Беларуси участвовать в евразийских интеграционных процессах (членство в Евразийском экономическом союзе), а также интерес в поддержке и усилении сотрудничества с Европейским союзом, несмотря на трудности в политической сфере. В рамках Инструмента европейского соседства Беларуси на 2014–2017 гг. выделяется 71–89 млн евро для финансирования проектов в трех приоритетных секторах: социальная инклюзивность (30 %), окружающая среда (25 %), местное и региональное экономическое развитие (25 %) [20, р. 12, 16–18].

В начале 2014 г. были начаты переговоры по подписанию соглашения об упрощении визового режима и реадмиссии, а также консультации по

вопросам модернизации для сотрудничества между Правительством Беларуси и ЕС в этой сфере [16]. Экономическая составляющая двустороннего сотрудничества на протяжении всего периода взаимоотношений ЕС и Беларуси развивалась активно: так в ноябре 2014 г. доля Российской Федерации в общем товарообороте Республики Беларусь составила 48,5 %, Европейского союза — 26,6 %, Украины — 7,8 % [4]. И белорусская сторона, и ЕС на официальном и экспертном уровне подчеркивают, что существуют направления, которые представляют безусловный двусторонний интерес. Это торгово-экономическое сотрудничество, сотрудничество по таможенным вопросам, развитие транзитной инфраструктуры, энергетическая безопасность, регулирование качества продуктов и принятие соответствующих стандартов, взаимодействие финансовых институтов в области сельского хозяйства и продовольственной безопасности и, безусловно, сотрудничество по противодействию торговле людьми и нелегальной миграции. Развитие именно отраслевого сотрудничества может составить суть среднесрочной перспективы взаимодействия Беларуси и Европейского союза.

И ЕС, и Беларусь признают важность всестороннего сотрудничества, однако пути достижения этой цели обуславливаются рядом условий: со стороны ЕС — политическими, связанными с правочеловеческой тематикой, со стороны Беларуси — преимущественно экономическими (отмена принятых ограничительных мер). Применяемый ЕС принцип «меньшее за меньшее, большее за большее» неэффективен как в двусторонних отношениях, так и в рамках «Восточного партнерства». Целостность самой инициативы нарушена, очевидна существенная дифференциация отношений ЕС со странами «Восточного партнерства» как в двустороннем, так и в многостороннем формате. Двусторонний формат «Восточного партнерства» с Республикой Беларусь не открыт. В многостороннем формате, в котором Беларусь частично принимает участие, основными событиями с 2011 г. являются саммиты глав государств (Варшава, Вильнюс, Рига), ежегодные встречи министров иностранных дел, создание

дополнительных панелей к четырем тематическим платформам (экономическая интеграция и политика ЕС, демократия, управление и стабильность), неправительственные организации принимали участие в заседаниях Евронеста, а также в деятельности Форумов гражданского общества.

Существенное влияние на реализацию инициативы ЕС «Восточное партнерство» оказали формирование Евразийского экономического союза Беларуси, России и Казахстана; противодействие России ценностному и политико-экономическому давлению ЕС и, как следствие, активизация позиции России на постсоветском пространстве (вступление Армении в ЕАЭС 10 октября 2014 г. и Республики Кыргызстан 8 мая 2015 г., торговые споры с Украиной, Арменией, Молдовой, Грузией в 2013–2014 гг., принятие Республики Крым в состав Российской Федерации); события вокруг Украины 2013–2015 гг. За исключением Беларуси, в остальных 5 государствах «Восточного партнерства» есть различного вида нерешенные конфликты.

Результаты проведенного в октябре 2013 г. Институтом социологии НАН Беларуси исследования показывают, что 62,5 % (а по Брестской области — 73,7 %) положительно относятся к улучшению отношений Беларуси с ЕС. Результаты июльского 2014 г. исследования показали, что 12,2 % респондентов хотели бы видеть Беларусь членом ЕС (наиболее распространены эти суждения среди молодых людей возраста 23–39 лет — 24 %) [1, с. 136]. Результаты опроса 2015 г., проведенного Независимым институтом социально-экономических и политических исследований, показали, что 58 % респондентов не поддерживают «вступление Беларуси в состав России», 50 % также отрицательно относятся к вступлению в ЕС [2].

Беларусь последовательно выступает сторонницей интеграционных процессов. Реализуется выдвинутая Главой государства идея «интеграции интеграций», а именно непротивопоставление членства Беларуси в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), Союзном государстве Беларуси и России развитию сотрудничества с Европейским союзом.

Библиографические ссылки

1. *Бабосов Е. М.* Противоречия во взаимоотношениях Европейского союза и Республики Беларусь // Межнациональное согласие и толерантность — ценностная основа евразийской интеграции : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 9 дек. 2014 г. / Ин-т философии НАН Беларуси. Минск : Право и экономика, 2015. С. 136–141.
2. Динамика белорусского общественного мнения по некоторым социально-экономическим и политическим проблемам (по результатам национальных опросов Независимого института социально-экономических и политических исследований [Электронный ресурс] / Независимый ин-т соц.-экон. и полит. исследований. URL : <<http://iiseps.org/trends/11>> (дата обращения : 17.04.2015).
3. ЕС инициирует три новых направления в сотрудничестве с Беларусью. 05.11.2008 [Электронный ресурс] / Информ. агентство «Интерфакс-Запад». URL : <http://www.interfax.by/news/belarus/1048045> (дата обращения : 15.06.2015).
4. Итоги внешней торговли Республики Беларусь за январь — ноябрь 2014 года // Гос. тамож. ком. Респ. Беларусь. URL : <http://gtk.gov.by/ru/stats/itogi_vnesh_torgovli2014/yanv_maj14> (дата обращения : 26.01.2015).
5. Ответы министра иностранных дел Республики Беларусь С. Н. Мартынова на вопросы, заданные во время «прямой линии» на Белорусском радио, состоявшейся 11 марта 2004 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт М-ва иностр. дел Респ. Беларусь. URL : http://mfa.gov.by/press/news_mfa/defca538a9ac0cd6.html (дата обращения : 15.06.2015).

6. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Европейскими сообществами и их государствами-членами и Республикой Беларусь: [подписано г. Брюссель, 6 марта 1995 г., ратифицировано Верховным советом Респ. Беларусь 12 апреля 1995 г., № 3719-XII] // Ведомости Верховного Совета Респ. Беларусь. 1996. № 1–2. С. 75–104.
7. Стенограмма подхода к прессе министра иностранных дел Республики Беларусь Сергея Мартынова по итогам визита в Республику Беларусь делегации Евросоюза во главе с Верховным представителем по вопросам общей внешней политики и политики безопасности ЕС, Генеральным секретарем Совета ЕС Хавьером Соланой, состоявшегося 19 февраля 2009 года в МИД Беларуси [Электронный ресурс] / М-во иностр. дел Респ. Беларусь. URL : <<http://mfa.gov.by/print/ru/press/news/c71346718f4008ce.html>> (дата обращения : 19.02.2009).
8. Agreement between the European Economic Community and the European Atomic Energy Community and the Union of Soviet Socialist Republics on trade and commercial and economic cooperation – Declaration by the USSR – Joint Declaration // Official Journal of the European Communities. 1990. Vol. 33, L 068. P. 2–17.
9. Conclusions of the 29th Quadripartite meeting between the Council of Europe and the European Union. Luxembourg, 27 October 2009: Doc. 15129/09 (Presse 312) / Council of the European Union. Brussels, 2009.
10. Council Conclusions on Belarus: 2027th Council meeting. Brussels, 15 September 1997. 10368/97 (Presse 269) [Electronic resource] // European Union. URL : <http://europa.eu/rapid/press-release_PRES-97-269_en.htm> (date of access : 16.06.2015).
11. Council conclusions on Belarus: 2897th external relations Council meeting. Luxembourg, 13 October 2008 [Electronic resource] // Official site of the EU Delegation to the UN. URL : <http://eu-un.europa.eu/articles/es/article_8215_es.htm> (date of access : 16.06.2015).
12. Council conclusions on Belarus: 3191st Foreign Affairs Council meeting Luxembourg, 15 October 2012 [Electronic resource] // Council of the European Union. URL : <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/press-data/EN/foraff/132836.pdf> (date of access : 13.09.2013).
13. ENPI Implementation: the case of Belarus European Commission: July 2008 [Electronic resource] // European Parliament. URL : <http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2004_2009/documents/dv/belaruspe388964/Belarus-PE388964en.pdf> (date of access : 15.06.2015).
14. EU relations with Belarus [Electronic resource] // European Union External Action. URL : <http://eeas.europa.eu/belarus/index_en.htm> (date of access : 13.09.2013).
15. European Commission, Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours, Communication, 11 March 2003, COM (2003) 104 final [Electronic resource] // EU-LEX. Access to European Union law. URL : <http://eur-lex.europa.eu/procedure/EN/181231/> (date of access : 15.06.2015).
16. European dialogue on modernisation with Belarusian society [Electronic resource] // European Union External Action. URL : <http://eeas.europa.eu/delegations/belarus/press_corner/all_news/news/2012/european_dialogue_modernisation_en.htm> (date of access : 13.09.2013).
17. European Neighbourhood and Partnership Instrument. Belarus. Country Strategy paper 2007–2013 and National Indicative programme 2007–2011 [Electronic resource] // European Union External Action URL : <http://eeas.europa.eu/delegations/belarus/eu_belarus/political_relations/political_framework/index_en.htm> (date of access : 15.06.2015).
18. European neighbourhood policy. Strategy paper. Communication from the Commission, 12 May 2004, COM (2004) 373 final [Electronic resource] // The Archive of European Integration (AEI). URL : <<http://aei.pitt.edu/38132>> (date of access : 15.06.2015).
19. European Parliament resolution of 15 January 2009 on the European Union strategy towards Belarus: Doc. P6_TA-PROV(2009)0027 [Electronic resource] // European Parliament. URL : <<http://www.europarl.europa.eu/document/activities/cont/200901/20090122ATT46869/20090122ATT46869EN.pdf>> (date of access : 13.09.2013).
20. Programming of the European neighbourhood Instrument (ENI) – 2014–2020. Strategy Paper and Multiannual Indicative Programm for EU support to Belarus (2014–2017). – Brussels: European External Action Service. European Commission-Directorate general for Development and Cooperation-EuropeAid, 2014.

Статья поступила в редакцию в мае 2015 г.

РОЛЬ ВУЗОВСКОЙ НАУКИ В РАЗВИТИИ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В. А. Острога

Рассматривается развитие науки в области таможенного дела. Анализируется развитие научных центров в университетах, где имеются кафедры таможенного дела и квалифицированные научные кадры. Охарактеризованы тематика и опыт проведения научных таможенных исследований в Российской таможенной академии. Вносятся предложения по совершенствованию научного обеспечения таможенного дела в Республике Беларусь.

Development of science in the field of customs affairs is considered in the article. Development of scientific centers at universities with departments of customs affairs and qualified scientific personnel is analyzed. The subject and experience of carrying out scientific customs researches in the Russian Customs Academy are characterized. Suggestions for improvement of scientific provision of customs affairs in the Republic of Belarus are made.

Ключевые слова: таможенное дело; наука; кафедра таможенного дела; таможенная служба; научные исследования; научные кадры.

Keywords: customs affairs; science; Department of Customs Affairs; customs service; scientific research; scientific personnel.

На современном этапе роль науки и научный подход в развитии любой отрасли человеческой деятельности, несомненно, важны. Тем более если это касается такой мультипрофильной сферы, как таможенное дело. Полномасштабно таможенное дело в Беларуси осуществляется сравнительно недавно, с 1991 г. Но основы отраслевой научно-исследовательской работы в сфере таможенного дела, как фундаментальной, так и прикладной, стали закладываться лишь во второй половине 1990-х — начале 2000-х гг., и сегодня система научного обеспечения таможенного дела окончательно не создана.

Необходимо отметить, что на фоне незначительных самостоятельных исследований по проблемам таможенного дела в НАН Беларуси белорусская таможенная наука изначально развивается по «университетской» модели, и в настоящее время в четырех крупнейших университетах страны, где ведется подготовка специалистов таможенного дела (БГУ, БНТУ, БелГУТ и БГЭУ), сосредоточены основные научные силы и исследования. Научная деятельность подчиненного Государственному таможенному комитету (ГТК) Республики Беларусь ИППКО в данный момент не рассматривается как учебного заведения иного типа.

БГУ. Кафедра таможенного дела. Научный потенциал: из 18 преподавателей 12 имеют ученую степень в области истории, экономики, права, психологии. Другие преподаватели являются аспирантами БГУ в области права и экономики. Сотрудники кафедры выполняют три НИР:

«Экономическое обоснование инновационного развития таможенной системы в целях роста конкурентоспособности национальной экономики»;

«Исторический опыт деятельности белорусской таможни в 20–30-х гг. XX ст.»;

«Теория и практика таможенного дела в Таможенном союзе Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации».

На кафедре с 2011 г. выходит научный сборник «Труды кафедры таможенного дела». Работает научный центр по проблемам Таможенного союза. По

заказу ГТК выполняются научные поручения. Кафедра — одна из организаторов проведения международной конференции «Таможенный союз: современность и перспективы», второй год проводит конференцию «Управление в области таможенного дела».

БНТУ. Кафедра таможенного дела. Научный потенциал: из 20 преподавателей 12 имеют ученую степень в области техники, экономики, права, педагогики. Кафедра выполняет НИР «Экономические, юридические и информационные аспекты таможенной деятельности».

БелГУТ. Кафедра таможенного дела. Научный потенциал: из 11 преподавателей 6 имеют ученую степень в области экономики и права. Выполняется НИР «Разработка методологических основ формирования компетентности будущих специалистов таможенного дела в контексте информационных угроз современного общества».

БГЭУ. Кафедра бюджета и финансов ВЭД. Специализацию «Финансы и контроль в сфере таможенной деятельности» обеспечивают 7 преподавателей, 5 имеют ученые степени в области экономики и истории.

Итого на этих кафедрах 35 преподавателей (свыше 50 % профессора и доценты) имеют ученую степень.

Есть и иные 19 вузов во всех областях страны, где читаются учебные курсы таможенного цикла, в первую очередь это таможенное право и таможенное дело.

Определенную перспективу в научно-кадровом плане нам предоставляет магистратура. Так, в БГУ с 2004 г. научную магистратуру по специальности «Управление в социальных и экономических системах» окончил 41 чел. (30 % из них — таможенники). Ныне обучается 8 чел., из них — 4 из таможенных органов. В БНТУ с 2009 г. магистратуру по специальности «Инновационный менеджмент» окончил 38 чел.

Но, несомненно, главный источник научных кадров — это аспирантура. В связи с отсутствием

собственно таможенной научной специальности желающие заниматься научной работой специализируются преимущественно в области экономики и права. Так, на 2015 г., только из таможенных органов работают над кандидатскими диссертациями 11 чел.: 4 — по экономике, 4 — по праву, 2 — по политологии и один — по математике.

Таким образом, имеющийся кадровый потенциал вузовской науки и осуществляемые исследования дают ей возможность играть активную роль в развитии таможенного дела в Республике Беларусь. В дальнейшем белорусская таможенная наука может развиваться именно по «вузовской» модели.

Каковы же проблемы и перспективы развития науки в сфере таможенного дела?

Чтобы их определить, обратимся к опыту организации таможенной науки наших соседей, например российскому.

В России центром научно-исследовательской деятельности является Российская таможенная академия (РТА). Тематика ее НИР закреплена в «Тематике перспективных научных исследований РТА на 2014–2020 гг.», разработанной на основании требований «Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2020 г.». Среди важнейших научных проблем:

- 1) защита таможенными методами экономики России;
- 2) совершенствование таможенного контроля;
- 3) управление таможенным делом;
- 4) правоохранительная деятельность, борьба с контрабандой и коррупцией, противодействие терроризму;
- 5) развитие образовательных технологий в интересах формирования эффективного кадрового потенциала таможенных органов;
- 6) обеспечение деятельности таможенных органов;
- 7) содействие развитию интеграционных процессов и развитие международного сотрудничества;
- 8) исторические и гуманитарные аспекты таможенного дела.

Что мы имеем сегодня у нас? Во-первых, есть правовая основа. В Законе «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» в п. 1.17 ст. 12 «Основные функции таможенных органов» сказано, что они проводят научно-исследовательские работы в сфере таможенного дела. Во-вторых, в таможенных органах нашей страны с 2012 г. также есть координирующий науку центр — Научно-технический совет ГТК, реализующий цель — формирование единой научно-технической политики — и соответственно план научно-исследовательской деятельности до 2015 г. Но НТС координирует только технические науки, обществоведческих (экономика, право, история и др.) он не касается, что резко сужает его эффективность и влияние. Потенциально большую роль может сыграть Общественно-консультативный совет (ОКС) при ГТК, но среди его задач напрямую не прописано содействие прикладной научной деятельности, хотя в его составе с недавних пор имеются представители научных и учебных организаций, четырех университетов. Это прогрессивный шаг. Ныне в

составе ОКС при ГТК также работают экспертно-консультативные группы, в составе которых представители вузов. В этих условиях сегодня реальную работу в обозначенных лакунах с 2013 г. начал проводить межвузовский Научно-практический центр при ИППКО. Он объединяет деятельность БГУ, БНТУ, БелГУТ и БГЭУ. Играет свою роль и Научно-методический совет вузов. Но в целом сегодняшние усилия в области науки разрознены, не сконцентрированы, ибо даже в действующих «Основных направлениях развития таможенной службы Республики Беларусь на период до 2015 г.» из 19 задач развития таможенного дела непосредственно науки не касается ни одна. Есть только один пункт. Широкая научная работа не была запланирована. Поэтому ситуация требует не только констатации, но и изменения.

В качестве перспективных направлений развития прикладной науки и увеличения ее роли в сфере таможенного дела в Республике Беларусь считаем целесообразным:

- 1) включить в новую Концепцию направлений развития таможенных органов Республики Беларусь на 2016–2020 годы отдельную позицию по развитию науки и научному обеспечению таможенного дела;
- 2) перед наукой, в первую очередь таможенной службой (ГТК и таможни), поставить конкретные задачи, для чего необходимо составить Тематику перспективных научных исследований совместных, а также отдельно в вузах;
- 3) в составе ОКС создать Секцию науки и образования;
- 4) при возможности внести изменения в Положение о Научно-техническом совете ГТК с учетом необходимости ликвидации технической одностронности в его работе;
- 5) привлечь к работе ученых НАН Беларуси, в первую очередь профильных институтов экономики и т. д.;
- 6) фундаментальную и прикладную науку поддерживать финансово. Это задача не только государства, но и социальная ответственность бизнеса, представленного в ОКС;
- 7) обсудить вопросы о подготовке кадров высшей квалификации, численной потребности в них, специальностях;
- 8) при создании новых научно-образовательных центров (кафедр таможенного дела) закладывать обоснованную тематику НИР;
- 9) активизировать научное сотрудничество с зарубежными центрами, в первую очередь с РТА, в области таможенных исследований, обсудить тематику совместных исследований и научных интересов.

Таким образом, перед нами стоит серьезная задача — совместными усилиями таможенной службы и научно-образовательных центров, опираясь на отечественный и зарубежный опыт, вывести современную «таможенную» науку на новый уровень в целях эффективного и плодотворного научного обеспечения развития таможенного дела в нашей стране.

Статья поступила в редакцию в мае 2015 г.

ОТНОШЕНИЯ С ГЕРМАНИЕЙ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ КУРСЕ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (КОНЕЦ 2013-го – НАЧАЛО 2015 г.)

А. В. Русакович

В статье рассмотрена позиция руководства Беларуси относительно развития отношений с Германией в контексте улучшения отношений с Европейским союзом и в процессе урегулирования ситуации вокруг Украины, проанализированы подходы ФРГ относительно Беларуси в новых геополитических условиях, изучено состояние межгосударственных отношений. Автор отмечает, что новая ситуация в регионе, пересмотр Европейским союзом Европейской политики соседства создали определенные основы для восстановления полноформатных отношений между Беларусью и странами ЕС.

The article deals with the position of the Belarusian authorities on the development of relations with Germany within the context of improving relations with the European Union and the process of the settlement of the situation around Ukraine. Germany's approaches towards Belarus in the new geopolitical conditions are analyzed. The overall state of bilateral relations is studied. The author notes that the new situation in the region, EU revision of its European Neighborhood Policy created a certain basis for the restoration of full relations between Belarus and the EU.

Ключевые слова: Беларусь; Германия; постсоветское пространство; кризис вокруг Украины; региональная безопасность; евразийская интеграция; Европейская политика соседства; «Восточное партнерство».

Keywords: Belarus; Germany; the post-Soviet space; the crisis around Ukraine; regional security; Eurasian integration; European Neighborhood Policy; Eastern Partnership.

Конец 2013-го — начало 2015 г. — один из сложных этапов в истории развития внешней политики Беларуси. В это время произошли важные изменения на постсоветском пространстве: реализация новых подходов российского руководства относительно развития региона; политический кризис в Украине и формирование российско-украинского межгосударственного конфликта; усиление противоречий в отношениях России со странами Запада; развитие евразийской интеграции и подписание Россией, Беларусью, Казахстаном Договора о Евразийском экономическом союзе; подписание Грузией, Молдовой и Украиной Соглашений с Европейским союзом и формирование на этой основе экономических противоречий с Россией и другими государствами Таможенного союза; эскалация напряженности в зонах «замороженных» конфликтов. Данные обстоятельства, по мнению исследователей, определили новый этап развития постсоветского пространства.

Внешняя политика Беларуси на данном этапе осуществлялась на основе учета новых реалий в регионе и была направлена на укрепление государственности и национальной безопасности, поддержание стабильности, участие в евразийской интеграции, развитие взаимовыгодных экономических и политических отношений с основными партнерами в различных регионах мира, сотрудничество в рамках международных организаций. Важное направление внешней политики — задача укрепления позитивных тенденций в отношениях с Европейским союзом.

Следует отметить, что рассматриваемый период внешней политики Беларуси привлекает внимание отечественных и зарубежных ученых, имеется ряд исследований, публикаций в СМИ, в которых рассмотрены подходы Беларуси в связи с изменениями

на постсоветском пространстве, отношения Беларуси со странами ЕС, Германией [36; 42; 44; 48; 53; 54; 56; 57]. Вместе с тем представляется необходимым проанализировать позицию руководства Беларуси относительно развития отношений с ФРГ в контексте улучшения отношений с Европейским союзом и в процессе урегулирования ситуации вокруг Украины, рассмотреть подходы ФРГ в отношении Беларуси в новых геополитических условиях, включая отношение к евразийской интеграции, проанализировать общее состояние межгосударственных отношений.

К рассматриваемому периоду Беларусь и Германия подошли, имея сложный комплекс отношений как на двустороннем уровне, так и в формате Беларусь — Европейский союз [42]. Президентские выборы в Беларуси в декабре 2010 г. обозначили новый этап в истории страны. Основным направлением внешней политики являлось участие Беларуси совместно с Казахстаном и Россией в формировании Таможенного союза и Единого экономического пространства. В 2011 г. произошло осложнение политических отношений Беларуси со странами Европейского союза и США, свои отношения с Беларусью Европейский союз осуществлял на основе решения от 31 января 2011 г., которое возобновило ограничительные меры относительно республики и сформировало основы «политики критического взаимодействия» [52]. Германия участвовала в формировании общей позиции ЕС, критическое отношение германского руководства к белорусским политическим реалиям оказывало значительное влияние на «белорусскую» политику ЕС [42]. Вместе с тем необходимость взаимодействия государств ЕС и Беларуси по широкому кругу проблем региональной безопасности, экономического сотрудничества, контактов между людьми обусловила стремление сторон к улучшению отношений.

Белорусское руководство неоднократно заявляло о намерении к нормализации отношений с государствами ЕС. Президент Республики Беларусь А. Лукашенко в августе 2012 г., представляя коллективу Министерства иностранных дел В. Макея, отметил, что с назначением нового министра связаны процессы нормализации отношений Беларуси с Западом [4]. Принимая в октябре 2012 г. верительные грамоты послов ряда государств, в том числе посла ФРГ В. Мааса, президент Беларуси отметил, что республика последовательно придерживается сбалансированного и миролюбивого курса во внешней политике и готова к взаимовыгодному сотрудничеству со всеми странами мира без исключения. Важность сотрудничества Беларуси с ЕС, по мнению белорусского президента, обусловлена также тем, что «по соседству с Евросоюзом динамично развивается конструктивно настроенный евразийский интеграционный проект» [6]. Как отметил глава белорусского государства, в Беларуси ожидают, что «...Евросоюз откажется от бессмысленного давления на нашу страну, предпримет шаги для восстановления доверия к себе как к серьезнейшему партнеру и доброму соседу» [6]. По мнению белорусского президента, «мы едины с европейцами в понимании конечной цели наших реформ: укрепление позиций Беларуси как современного, ответственного, демократического европейского государства» [6]. В Послании к белорусскому народу и Национальному собранию в апреле 2013 г. белорусский президент отметил, что роль республики как «связующего звена» между Западом и Востоком, ее значение в транзитном отношении, противодействии незаконной миграции, наркотрафику и организованной преступности создает «хорошую повестку дня для начала нормализации отношений с Европейским союзом и Штатами» [38]. Белорусский президент также подчеркнул, что Европейскому союзу необходимо отказаться от политики санкций и не ставить Беларусь перед выбором: или союз с Россией, или с ЕС [38]. Глава государства проанализировал и основные причины сложных отношений с Западом: независимый и самостоятельный курс Беларуси во внутренней и внешней политике, особенности ее политического устройства, конкурентные возможности [3; 38]. Президент Беларуси А. Лукашенко неоднократно критически отзывался о политике ЕС относительно Беларуси и, в частности, подчеркивал, что правительство ФРГ несправедливо относится к Беларуси, как наиболее пострадавшей от германской оккупации в годы Второй мировой войны [11, с. 1; 39]. Представители белорусского руководства критически оценивали подходы германских политиков относительно социально-экономической модели Беларуси и не поддерживали идею механического переноса западноевропейского опыта на страны постсоветского пространства [18].

Процесс улучшения отношений с ЕС белорусское руководство связывало с возможным содействием государств Балтии и других государств Центральной и Восточной Европы. Например, определенные надежды в плане «активной нормализации белорусско-европейских отношений» возлагались на период председательства Литвы в ЕС

во второй половине 2013 г. [5]. В конце 2013 г. положительные тенденции в отношениях Беларуси с ЕС получили дополнительный импульс. В конце ноября 2013 г. белорусская делегация во главе с министром иностранных дел Беларуси В. Макеем приняла участие в саммите «Восточного партнерства» в Вильнюсе. Белорусский министр высказался за больший учет в рамках «Восточного партнерства» специфики стран-партнеров, за недопущение превращения данной инициативы в «яблоко раздора», появления новых разделительных линий в Европе и отметил важность реализации на практике белорусской идеи «интеграции интеграций» в целях построения общего экономического пространства «от Лиссабона до Владивостока» и выстраивания эффективного взаимодействия между ЕС и Таможенным союзом (ЕЭП) [27]. Министр В. Макей подчеркнул необходимость отмены со стороны ЕС санкций и ограничительных мер в отношении Беларуси. На саммите была подтверждена заинтересованность Беларуси в развитии открытого диалога и взаимовыгодного сотрудничества с Европейским союзом и официально заявлено о готовности начать переговоры с ЕС по заключению соглашений об упрощении визовых процедур и реадмиссии [27].

В принятой на Вильнюсском саммите «Восточного партнерства» декларация были подтверждены основополагающие принципы данной инициативы, и в частности, признана важная роль Беларуси в обеспечении энергобезопасности Европы, отмечена важность диалога между руководством Беларуси и ЕС по вопросам модернизации, упрощения визовых процедур и реадмиссии [27]. В интервью для СМИ по итогам Вильнюсского саммита В. Макей сказал, что «мы хотим иметь нормальные политические и торгово-экономические отношения с ЕС», и не исключил, что «в будущем может идти речь и о каких-то более тесных отношениях. Ведь белорусы, судя по опросам общественного мнения, проведенным европейскими исследовательскими учреждениями, ощущают себя европейцами в большей степени, чем граждане некоторых наших соседних стран» [37]. Германская сторона положительно оценила факт участия представителей Беларуси в Вильнюсском саммите и заявление В. Макея о готовности к началу переговоров о заключении с ЕС соглашений об упрощении визового режима и о реадмиссии [31].

Важным событием в развитии контактов между Беларусью и ЕС являлось подписание в декабре 2013 г. Соглашения о финансировании проекта «Схема мобильности для целевых контактов между людьми (MOST)» в рамках Ежегодной программы действий ЕС для Беларуси. Соглашение предусматривало выделение технической помощи ЕС в размере 5 млн евро для расширения межличностных контактов между Беларусью и ЕС в сферах культуры, образования и научных исследований [34]. Важной составной частью политики ЕС в отношении Беларуси являлся также Европейский диалог по модернизации, о начале которого было объявлено весной 2012 г. Данный проект предусматривал многосторонний обмен мнениями между ЕС и представителями белорусского гражданского общества и политической оппозиции по вопросам реформ,

необходимых для Беларуси, и поддержки в этом со стороны ЕС. При финансировании Европейской комиссии осуществлялась реализация проекта по уничтожению противопехотных мин [25; 26]. По мнению экспертов МИД Беларуси, в 2013 г. наметились позитивные сдвиги в деле нормализации и развития отношений с Европейским союзом [26, с. 6].

В конце 2013 г. в ФРГ было сформировано правительство «большой коалиции», пришедшее к власти по итогам парламентских выборов. Пост министра иностранных дел в коалиционном правительстве занял Ф.-В. Штайнмайер, который уже имел опыт работы в предыдущих правительствах. В коалиционном договоре были определены общие цели Германии и ЕС в отношении стран «Восточного партнерства». Было подчеркнуто, что ФРГ будет содействовать развитию стран региона на основе стабильности, демократии, правового государства, роста экономики. В качестве основных инструментов поддержки стран «Восточного партнерства» были определены соглашения об ассоциации, создание зоны свободной торговли, либерализация визового режима [51]. Следует отметить, что «Восточное партнерство» правящие партии Германии на тот момент рассматривали в контексте расширения Европейского союза и «усиления Европы», тогда как партнерство с Россией предполагалось осуществлять путем реализации основных направлений внешней политики ФРГ на мировой арене [51]. Данная дихотомия германской внешней политики усиливала негативное отношение российского руководства к политике ЕС относительно стран Восточной Европы и, как выяснилось в скором времени, оказала противоречивое воздействие на развитие политической ситуации на постсоветском пространстве. Приход к власти социал-демократов и их руководство германским МИД создавали предпосылки для развития диалога между Беларусью и Германией, однако данный процесс зависел от подходов ХДС/ХСС, руководство которой продолжало придерживаться позиции относительно Беларуси, сформированной в начале 2011 г.

Украинский кризис конца 2013-го — 2014 г., переход Крыма под контроль России, российско-украинский межгосударственный конфликт, военные действия на юго-востоке Украины поставили перед системой региональных отношений сложные задачи. Большинство стран мира не признали законность референдума в Крыму и вхождение полуострова в состав Российской Федерации. 27 марта 2014 г. Генеральная ассамблея ООН на 80-м пленарном заседании 68-й сессии приняла резолюцию о территориальной целостности Украины, за которую проголосовало 100 государств-членов, 11 высказалось «против», 58 стран «воздержались» и 24 страны не голосовали [40]. В документе содержался призыв к государствам и международным организациям «не признавать любое изменение статуса Автономной Республики Крым и города Севастополя на основе вышеупомянутого референдума и воздерживаться от любых действий или шагов, которые можно было бы истолковать как признание любого такого измененного статуса» [40]. Следует отметить, что позицию России поддержали Армения и Беларусь.

США, Европейский союз, ряд других стран в ответ на включение Крыма в состав России ввели в действие пакет санкций против Российской Федерации, который предусматривал визовые ограничения и замораживание активов для ряда российских официальных лиц. Было принято решение о сворачивании контактов и сотрудничества с Россией в ряде областей. «Большая восьмерка» была переформатирована в «Большую семерку» без участия России, Организация экономического сотрудничества и развития приостановила процесс вступления России, было ограничено участие России в Совете Европы, Организация Североатлантического договора также прекратила сотрудничество с Российской Федерацией. В период эскалации конфликта на юго-востоке Украины летом 2014 г. страны Запада ввели против России дополнительные санкции, которые расширяли политические ограничения и затрагивали экономическую и финансовую сферы сотрудничества [7; 16; 24]. Российское руководство осудило введение санкций и в качестве ответной меры ввело визовые ограничения для представителей стран Запада, приняло меры экономического и финансового характера, направленные на повышение защищенности экономики от воздействия санкций. В начале августа 2014 г. президент России В. Путин своим указом ввел запрет на импорт ряда сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия из государств, принявших решение о введении экономических санкций в отношении России [46]. Следует отметить, что Беларусь и Казахстан как партнеры России по Единому экономическому пространству и Таможенному союзу не поддерживали меры российского руководства, что создало определенные сложности в функционировании данных объединений.

Международное сообщество предпринимало неоднократные попытки урегулирования ситуации вокруг Украины. Вопрос обсуждался в Совете Безопасности ООН, в рамках других международных организаций и механизмов. Важную роль среди западных стран в этом процессе играла Германия. В июне 2014 г. на церемонии, посвященной 70-летию высадки союзных войск в Нормандии, состоялась первая встреча президентов России и Украины с участием президента Франции и канцлера ФРГ, которая положила начало «нормандскому формату» урегулирования конфликта.

Реакция постсоветских государств на вооруженный конфликт в Украине и позицию России была осторожной и взвешенной. Большинство руководителей постсоветских стран при формировании своих подходов в отношении кризиса в Украине исходили из необходимости решения конфликта мирным путем. В сложившейся ситуации важное место приобрела позиция Республики Беларусь. После смены власти в Киеве белорусское руководство заняло реалистичную и сбалансированную позицию относительно происходящих процессов, признало новое украинское правительство, сохранило достигнутый уровень политических и экономических отношений с Украиной. Важным элементом позиции республики являлось признание территориальной целостности Украины, особенностей ее государственного устройства и выдвижение инициатив по

мирному разрешению конфликта [2; 44]. Руководство республики в своей политике исходило из необходимости поддержания стабильности в регионе. В то же время в связи с обострением обстановки на юго-востоке Украины, усилением военной активности стран НАТО вблизи западных границ страны белорусские власти усилили взаимодействие в сфере безопасности с Россией в рамках действующих двусторонних и многосторонних соглашений [44].

Позиция руководства Беларуси, направленная на содействие мирному урегулированию конфликта, поддержание стабильных отношений как с Россией, так и с Украиной, привела к тому, что именно Минск в 2014 г. стал важной площадкой, где международное сообщество предприняло попытки разрешения украинского конфликта. В конце июля 2014 г. в Минске начала работу контактная группа по урегулированию украинского кризиса. В переговорах участвовали представители России, Украины и ОБСЕ, представители самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик. 26 августа 2014 г. в Минске на встрече президентов стран Таможенного союза, Украины и представителей Европейского союза было достигнуто понимание о необходимости деэскалации конфликта, освобождения заложников, решения проблем беженцев, гуманитарного содействия на юго-востоке Украины. На встрече также были обсуждены вопросы, связанные с отношениями стран Таможенного союза и Украиной в связи с подписанием последней Соглашения об ассоциации с Европейским союзом, проблемы транзита и поставок углеводородного сырья [17]. В ходе переговоров состоялся визит в Минск Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности, заместителя председателя Европейской комиссии К. Эштон. Визит К. Эштон и ее переговоры с президентом Беларуси А. Лукашенко фактически означали восстановление диалога на высшем уровне между ЕС и Беларусью [9]. 5 сентября 2014 г. представителями ОБСЕ, России, Украины, ДНР и ЛНР был подписан Минский протокол. Документ предусматривал систему мер, направленных на стабилизацию обстановки на юго-востоке Украины [45]. Реализация Минского протокола позволила снять напряженность на Донбассе в конце 2014 г.

Сбалансированная позиция белорусской стороны по украинскому вопросу, вклад республики в обеспечение безопасности в регионе, действия белорусского руководства, направленные на нормализацию отношений с Европейским союзом, позволили в 2014 г. активизировать контакты Беларуси с ЕС и его странами-членами. Представители белорусского внешнеполитического ведомства позитивно оценивали результаты взаимодействия с ЕС в 2014 г., это касалось и развития отношений с Германией: был «разморожен» ряд механизмов межведомственного взаимодействия, расширена двусторонняя повестка. Активно использовалось появившееся «окно возможностей» для закрепления положительных тенденций в сотрудничестве» [26]. В частности, в 2014 г. состоялся ряд встреч министра иностранных дел Беларуси, других руководителей внешнеполитического ведомства с официальными

представителями Германии. В данных встречах с германской стороны участвовали представители исполнительной власти, парламента и других государственных структур [1; 29; 30]. Так, в апреле 2014 г. в Берлине состоялись консультации между внешнеполитическими ведомствами Беларуси и Германии, на которых были обсуждены вопросы двустороннего сотрудничества, развития диалога между Беларусью и ЕС, взаимодействия в целях решения международных проблем [1]. Германский МИД со своей стороны также отмечал оживление контактов между руководством Республики Беларусь и Европейским союзом в связи с усилиями международного сообщества по урегулированию ситуации вокруг Украины [50]. В 2014 г. на новый уровень вышел диалог Беларуси с ЕС: были начаты переговоры по заключению соглашений об упрощении визовых процедур и о реадмиссии, осуществлялись консультации по вопросам модернизации и определения перспектив сотрудничества, Беларусь продолжила активное участие в мероприятиях многостороннего формата «Восточного партнерства» [26]. Вместе с тем ЕС в течение 2014 г. сохранял режим ограничения политических контактов в отношении Беларуси, что, по мнению белорусской стороны, являлось «основным препятствием для нормализации отношений» [21]. Согласно заявлению белорусского внешнеполитического ведомства, принятого в связи с продлением 30 октября 2014 г. Советом ЕС ограничительных санкций относительно Беларуси, «наша принципиальная позиция в отношении неприемлемости выстраивания отношений на основе санкций и давления остается неизменной» [21].

Важным событием, которое оказало значительное воздействие на расстановку сил в регионе, стало создание Евразийского экономического союза, инициаторами которого являлись Беларусь, Казахстан, Россия. 29 мая 2014 г. на встрече президентов в Астане Договор о ЕАЭС был подписан и вступил в силу 1 января 2015 г. Белорусская сторона выступала активным сторонником евразийской экономической интеграции. С учетом геополитического положения страны, развивающихся интеграционных процессов в Европе представители белорусского руководства еще в начале 2000-х гг. обосновали в качестве возможного сценария развития «интеграцию интеграций» как вариант взаимодействия двух экономических блоков [23, с. 7]. Президент Беларуси А. Лукашенко неоднократно подчеркивал, что Евразийский союз видится как неотъемлемая часть общеевропейской интеграции и «Беларусь, находясь на стыке двух интеграционных союзов, особенно заинтересована в их взаимном сближении» [22]. Эксперты обращают внимание на тот факт, что формирование Евразийского экономического союза осуществлялось с использованием опыта Европейского союза [47]. Следует отметить, что после формирования конфликтных отношений с Россией страны Запада заняли критическую позицию относительно действий России и данный подход касался и проекта создания Евразийского экономического союза, вследствие чего уровень доверия западных государств и объединений к ЕАЭС как к перспективному партнеру остается невысоким. В 2014 – начале 2015 г.

в результате экономических санкций и неблагоприятной конъюнктуры цен на энергоносители российская экономика испытывала значительные трудности, что повлияло и на экономическое положение Беларуси и Казахстана и снизило эффект от создания ЕАЭС. Тем не менее политики и эксперты стран ЕС обращают внимание на потенциал данного объединения и выдвигают различные проекты взаимодействия. Например, министр иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайер в ноябре 2014 г. отметил сложности развития экономики России и региона в целом и предложил организовать встречу представителей ЕС и Евразийского экономического союза для обсуждения спорных вопросов [14]. Германские эксперты рассматривали также различные варианты нового регионального порядка с учетом новых реалий, включая создание Евразийского экономического союза. Например, эксперты отмечали, что «новый порядок будет сформулирован на основе сотрудничества и конкуренции между двумя интеграционными проектами, которые хотя и основаны на различной философии, но открыты для двойного членства и сотрудничества» [53]. Важное место в этой системе уделялось Беларуси, роль которой германские эксперты традиционно определяли в качестве связующего звена между Россией и Западом [49]. Германские исследователи и эксперты отмечали значение республики как переговорной площадки по ситуации вокруг Украины и подчеркивали необходимость укрепления независимости Беларуси, необходимость нормализации отношений и отмены ограничительных мер ЕС в отношении Беларуси [12]. По мнению бывшего посла ФРГ в Минске Г. Вайса, немаловажное значение в этом отношении имеют экономические интересы Германии в регионе: «Многие инвесторы свернули или отложили свои программы в России. Европейские деньги могли бы хлынуть в Беларусь, а с ними рабочие места, новые технологии и поступления в государственный бюджет» [12]. На официальном уровне германская сторона в отношении Беларуси придерживалась общей позиции ЕС, сформулированной в начале 2011 г. В частности, это касалось освобождения белорусских граждан, признанных со стороны ЕС политзаключенными, установления официальных контактов между парламентами Беларуси и Германии и других вопросов [49; 50].

Важные события в отношениях Беларуси и Германии произошли в начале 2015 г. Следует отметить активизацию политических контактов между двумя государствами как на двустороннем, так и многостороннем уровне. В начале февраля 2015 г. состоялся визит министра иностранных дел Беларуси В. Макея в ФРГ для участия в 51-й Мюнхенской конференции по вопросам безопасности. В ходе визита состоялась встреча белорусского министра с министром иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайером, другими представителями руководящих структур ЕС и стран — членов ЕС. Основные темы переговоров: обсуждение перспектив развития диалога между Беларусью и ЕС, вопросы нормализации отношений, урегулирование конфликта в Украине [28].

Важнейшим событием в отношениях Беларуси и Германии в XXI в. стал визит канцлера ФРГ А. Меркель в Республику Беларусь 11–12 февраля

2015 г. для участия в четырехсторонних переговорах по Украине на высшем уровне с участием президентов России, Украины, Франции («Нормандский формат») [8]. Визит лидеров четырех европейских государств в Минск — это признание роли и вклада Беларуси в стабилизацию ситуации в регионе. В результате сложных переговоров было достигнуто соглашение о прекращении огня на юго-востоке Украины и принятии комплекса мер по урегулированию кризиса [8; 15; 60]. Следует подчеркнуть, что за всю историю межгосударственных белорусско-германских отношений это первый визит канцлера ФРГ в Минск. Рабочая встреча президента Беларуси А. Лукашенко и канцлера ФРГ А. Меркель в ходе переговоров обозначила новые возможности для нормализации и развития двусторонних отношений. Координатор межобщественного сотрудничества с Россией, Центральной Азией и странами «Восточного партнерства» МИД ФРГ Г. Эрлер, оценивая результаты саммита в Минске, подчеркнул, что это «повод для осторожного оптимизма». По мнению германского политика, самой сложной проблемой в урегулировании конфликта является «непредсказуемость» политики России в отношении Украины [13].

Важным фактором, который дополнил положительные тренды в процессе нормализации между Беларусью и ЕС, было инициирование Европейской комиссией пересмотра Европейской политики соседства. Опубликованный в начале марта 2015 г. проект документа предусматривал важные изменения в данной программе. В основу новой политики соседства были положены такие элементы, как необходимость реагирования ЕС на широкий спектр вызовов в регионе ЕПС, что предполагало проведение «сильной политики»; учет интересов партнеров, необходимость «лучше понимать различные устремления, ценности и интересы наших партнеров»; выстраивание «здоровых политических отношений с соседями», равноправие, учет интересов других государств; приостановление «политики расширения ЕС» в рамках ЕПС [58]. Документ предусматривал проведение консультаций со странами-партнерами по новой ЕПС по следующим вопросам: дифференциация, сосредоточенность, гибкость, сопричастность и наглядность. В документе определялись области, в которых обе стороны имеют общие интересы: торговля и экономическое развитие, взаимосвязанность, безопасность, надлежащее управление, миграция и мобильность [58].

Рижский саммит «Восточного партнерства», состоявшийся в мае 2015 г., подтвердил приверженность стран — участниц программы и государств ЕС развивать сотрудничество на основе понимания общих интересов. Министр иностранных дел Беларуси В. Макей, выступая на саммите, отметил, что главная цель «Восточного партнерства» — укрепить безопасность, стабильность и процветание в регионе — «еще более далека от достижения, чем прежде... регион «Восточного партнерства» так и не стал звеном, соединяющим Восток и Запад, пространством сотрудничества, основанным на общих ценностях, взаимных интересах и совместной ответственности» [10]. Белорусский министр выска-

зался за необходимость модернизации «Восточного партнерства», «чтобы сохранить его целостность и актуальность как совместного регионального проекта для всех его участников» [10]. В. Макей также отметил, что в рамках «Восточного партнерства» достигнут определенный прогресс в отношениях между Беларусью и ЕС: осуществляются консультации по вопросам модернизации, переговоры по соглашениям об упрощении визовых процедур и реадмиссии, подписана Договоренность о сотрудничестве по механизму раннего предупреждения в сфере энергетики, начинается реализация партнерства по вопросам мобильности [10]. Канцлер ФРГ А. Меркель, выступая в бундестаге 21 мая 2015 г., изложила подходы федерального правительства к развитию «Восточного партнерства» в новых геополитических условиях, подчеркнув, что основы данной политики — демократия, свободная рыночная экономика, права человека и хорошее управление — остаются неизменными [59]. В качестве прогресса в рамках «Восточного партнерства» канцлер ФРГ отметила подписание Соглашений об ассоциации с Украиной, Грузией и Молдовой. Глава германского правительства в своем выступлении выделила три момента, которые определяют отношение Германии к программе «Восточное партнерство» в настоящее время. Во-первых, германское руководство не рассматривает эту программу как инструмент политики расширения ЕС. Во-вторых, в рамках «Восточного партнерства» страны ЕС взаимодействуют с разными странами, которые имеют различные геополитические интересы, в том числе с Арменией и Беларусью, участвующими в евразийской интеграции. Как подчеркнула глава федерального правительства, Германия с уважением относится к их выбору. В этом контексте канцлер ФРГ отметила готовность «активизировать сотрудничество с Беларусью, несмотря на все очевидные различия», и вместе с тем выразила мнение, что белорусская сторона также должна создать условия для этого процесса и в этом отношении важными показателями являются проблема политзаключенных и проведение президентских выборов в Беларуси. В-третьих, «Восточное партнерство» не направлено против третьих стран, и в первую очередь против России, и все сложные вопросы региона должны решаться путем дискуссий [59].

Следует также отметить, что германская сторона оказала поддержку Беларуси в таких вопросах, как присоединение к Европейскому пространству высшего образования и вступлению в Болонский процесс [49]. Определенное внимание бундестага к Беларуси выразилось в активизации деятельности немецко-белорусской парламентской группы, которую возглавил депутат О. Корчмарек [49].

Экономическая сфера сотрудничества Германии и Беларуси в рассматриваемый период развивалась, как и в предыдущие годы, достаточно стабильно. В сфере внешней торговли Германия сохраняла свои позиции как одного из ведущих торговых партнеров Беларуси. По итогам 2014 г., по данным белорусской стороны, торговый оборот составил 4082,7 млн долл. США, что соответствовало 5,3 % всего объема внешней торговли Беларуси. Германия занимала третью

позицию в списке основных торговых партнеров республики. Экспорт Беларуси в ФРГ в 2014 г. составил 1643,7 млн долл. США (94 % по сравнению с 2013 г.), импорт из ФРГ — 2439,0 млн долл. США (81 % по сравнению с 2013 г.). Торговля с ФРГ составляла около 20 % торгового оборота Беларуси со странами ЕС [19]. Некоторое падение объемов торговли в 2014 г. объяснялось неблагоприятной конъюнктурой белорусских товаров на внешних рынках, финансовыми сложностями белорусских предприятий и другими проблемами. По итогам января — марта 2015 г. показатели свидетельствовали о тенденции падения объемов торговли между Беларусью и Германией. По итогам трех месяцев 2015 г. Германия занимала пятую позицию в списке основных торговых партнеров республики (4,4 % всего объема внешней торговли Беларуси), экспорт Беларуси в ФРГ составил 265,6 млн долл. США (60 % по сравнению с соответствующим периодом 2014 г.), импорт из ФРГ — 312,8 млн долл. США (57 % по сравнению с соответствующим периодом 2014 г.) [20]. Развивалось сотрудничество в сфере инвестиций. В 2013 г. из ФРГ в белорусскую экономику поступило 150,9 млн долл. США прямых инвестиций (1,4 % общего объема прямых иностранных инвестиций) [43, с. 455]. По официальным данным белорусской стороны за 9 месяцев 2014 г. в реальный сектор Республики Беларусь поступило 11,7 млрд долл. США валовых иностранных инвестиций, из них прямых — 8,0 млрд долл. (68,7 % от общего объема) [41]. Основными странами, из которых поступили прямые иностранные инвестиции, являлись: Россия — 50,5 %, Великобритания — 24,6, Кипр — 6,9, Германия — 4,3, Литва — 1,9, Австрия — 1,6, Польша — 1,3, Китай — 1,3, Украина — 1,2, Швейцария — 1,0 % [39]. В конце 2013 г. в Беларуси действовало 351 предприятие с германским капиталом (6-е место среди других государств) [43, с. 462].

После ограничительных решений Совета ЕС в отношении Беларуси стороны возобновили практику координации экономического сотрудничества в рамках Белорусско-германской рабочей группы по торговле и инвестициям. В июне 2014 г. в Берлине состоялось очередное, двенадцатое, заседание рабочей группы. В центре внимания участников мероприятия находились вопросы привлечения инвестиций, активизации взаимодействия в области промышленности, малого и среднего предпринимательства, логистики, стандартизации и сертификации, расширения сотрудничества в области энергосбережения и возобновляемых источников энергии [32]. В сентябре 2014 г. в г. Франкфурте-на-Майне состоялось информационное мероприятие «День белорусской экономики. Германия и Беларусь — партнеры в экономической и инвестиционной областях» [35]. Стабильно развивалось сотрудничество Беларуси и Германии в таких сферах, как укрепление границы между Беларусью и ЕС [55].

Следует также отметить, что в 2013 г. белорусская сторона переформатировала свое дипломатическое присутствие в ФРГ. В рамках реализации решений главы государства о мерах по оптимизации системы государственных органов было принято решение о закрытии отделения Посольства Республики Беларусь в ФРГ в Бонне, и с декабря 2013 г.

консульские услуги гражданам Германии предоставлялись Посольством Республики Беларусь в Берлине и Генеральным консульством в Мюнхене [33].

Таким образом, в конце 2013-го — начале 2015 г. отношения Беларуси с Германией и другими государствами Европейского союза вступили в новый этап развития, который характеризовался осложнением обстановки в регионе. Беларусь в этот период стала важнейшей международной площадкой для решения вопросов, связанных с прекращени-

ем вооруженного конфликта на юго-востоке Украины, определенные результаты принесла политика нормализации отношений с Европейским союзом. Эти факторы выдвинули Республику Беларусь в качестве важного субъекта международных отношений. Новая ситуация в регионе, процесс пересмотра ЕС Европейской политики соседства создали определенные основы для восстановления полноформатных отношений между Беларусью и Европейским союзом.

Библиографические ссылки

1. Аб кансультацыях паміж МЗС Беларусі і МЗС Германіі [Электронный ресурс] // М-во иностр. дел Респ. Беларусь. 17.04.2014. URL : <http://mfa.gov.by/press/news_mfa/e4bb8deef907fd5.html> (дата обращения : 17.05.2015).
2. Александр Лукашенко: обстановку на Украине можно стабилизировать в течение года [Электронный ресурс] // Euronews. 03.10. 2014. URL : <<http://ru.euronews.com/2014/10/03/lukashenko-ukraine-could-be-stabilised-within-a-year-if-all-sides-wanted-to/>> (дата обращения : 10.11.2014).
3. Александр Лукашенко посетил с рабочей поездкой Хойникский район Гомельской области [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. 26.04.2013. URL : <http://president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-posetil-s-rabochej-poezdnoj-hojnikskij-rajon-gomelskoj-oblasti-5331> (дата обращения : 21.07.2014).
4. Александр Лукашенко представил в должности нового министра иностранных дел Владимира Макея [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. 22.08.2012. URL : <http://president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-predstavil-v-dolzhnosti-novogo-ministra-inostrannykh-del-vladimira-makeya-3297> (дата обращения : 21.07.2014).
5. Александр Лукашенко принял верительные грамоты послов зарубежных государств [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. 16.04.2013. URL : <http://president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-prinjal-veritelnye-gramoty-poslov-zarubezhnyx-gosudarstv-5078> (дата обращения : 22.07.2014).
6. Александр Лукашенко принял верительные грамоты послов иностранных государств [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL : http://president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-prinjal-veritelnye-gramoty-poslov-inostrannyx-gosudarstv-830/ (дата обращения : 15.04.2014).
7. Вашингтон: Россия не предприняла шагов для деэскалации конфликта на Украине [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. 16.07.2014. URL : <<http://dw.de/p/1CeFX>> (дата обращения : 28.11.2014).
8. Встреча на высшем уровне в «нормандском формате» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. 11.02.2015. URL : <http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-na-vysshem-urovne-v-normandskom-formate-10799> (дата обращения : 21.04.2015).
9. Встреча с Верховным представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности, заместителем председателя Европейской комиссии Кэтрин Эштон [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь, 26.08.2014. URL : <http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-verhovnym-predstavitelem-es-po-inostrannym-delam-i-politike-bezopasnosti-zamestitelem-9624> (дата обращения : 21.11.2014).
10. Выступление министра иностранных дел Республики Беларусь Владимира Макея на пленарной сессии саммита инициативы «Восточное партнерство» (22 мая 2015 г., г. Рига) [Электронный ресурс] // М-во иностр. дел Респ. Беларусь. URL : <<http://mfa.gov.by/press/statements/a901f7d53305c181.html>> (дата обращения : 28.05.2015).
11. Выступление Президента на параде войск Минского гарнизона в ознаменование Дня Независимости Республики Беларусь 3 июля 2013 г. // СБ — Беларусь Сегодня. 2013. 4 июля. С. 1, 3.
12. Гебхардт Вайс: Минск опасается «гибридной войны» [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. 07.03.2015. URL : <<http://dw.com/p/1EmnH>> (дата обращения : 30.05.2015).
13. Гернот Эрлер: «Непредсказуемость политики России — главный враг партнерства» [Электронный ресурс] // Germania-Online. URL : <<http://www.germania-online.diplo.de/Vertretung/russland-dz/ru/01-politik/bilaterale-beziehungen/gernot-erler-interview-maerz-2015.html>> (дата обращения : 30.04.2015).
14. Глава МИД ФРГ предложил новый способ улучшить отношения между ЕС и Россией [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. 16.11.2014. URL : <<http://www.dw.de/глава-мид-фрг-предложил-новый-способ-улучшить-отношения-между-ес-и-россией/a-18067597>> (дата обращения : 20.11.2014).
15. Декларация Президента Российской Федерации, Президента Украины, Президента Французской Республики и Канцлера Федеративной Республики Германия в поддержку Комплекса мер по выполнению Минских соглашений, принятого 12 февраля 2015 года [Электронный ресурс] // Президент России. 12.02.2015. URL : <<http://kremlin.ru/supplement/4803>> (дата обращения : 22.05.2015).
16. Запад ввел против России самые жесткие санкции со времен холодной войны [Электронный ресурс] // Информационное агентство «РосБизнесКонсалтинг». 30.07.2014. URL : <<http://top.rbc.ru/politics/30/07/2014/939745.shtml>> (дата обращения : 30.11.2014).

17. Заявление Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко для СМИ по итогам встречи президентов стран таможенной «тройки», Украины и высоких представителей Евросоюза [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. 26.08.2014. URL : <http://president.gov.by/ru/news_ru/view/zajavlenie-prezident-respubliki-belarus-aleksandr-lukashenko-dlja-smi-po-itogam-vstrechi-prezidentov-stran-9628/> (дата обращения : 10.11.2014).
18. Интервью Чрезвычайного и Полномочного Посла Беларуси в Германии А. Гиро газете «Советская Белоруссия» (6 ноября 2014 г.) [Электронный ресурс] // М-во иностр. дел Респ. Беларусь. URL : <<http://mfa.gov.by/press/smi/c9fd40168f106fa0.html>> (дата обращения : 17.05.2015).
19. Итоги внешней торговли Республики Беларусь за январь — декабрь 2014 года [Электронный ресурс] // Гос. тамож. ком. Респ. Беларусь. URL : <http://gtk.gov.by/ru/stats/itogi_vnesh_torgovli2014/dec_2014> (дата обращения : 28.05.2015).
20. Итоги внешней торговли Республики Беларусь за январь — март 2015 года [Электронный ресурс] // Гос. тамож. ком. Респ. Беларусь. URL : <http://gtk.gov.by/ru/stats/itogi_vnesh_torgovli2015/march2015> (дата обращения : 28.05.2015).
21. Комментарий пресс-службы Министерства иностранных дел Республики Беларусь в связи с решением Совета ЕС [Электронный ресурс] // М-во иностр. дел Респ. Беларусь. 30.10.2014. URL : <http://mfa.gov.by/press/news_mfa/a162fe447c14ff84.html> (дата обращения : 17.05.2015).
22. Лукашенко А. О судьбах нашей интеграции [Электронный ресурс] // Известия. 2011. 17 окт. URL : <<http://izvestia.ru/news/504081>> (дата обращения : 16.10.2014).
23. Мартынов С. ЕС — Беларусь: требование времени // Беларусь в мире. 2002. № 2. С. 3—7.
24. Меркель объяснила ужесточение санкций ЕС против России [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. 17.07.2014. URL : <<http://dw.de/p/1CeIS>> (дата обращения : 30.11.2014).
25. Обзор итогов внешней политики Республики Беларусь и деятельности Министерства иностранных дел в 2013 году. Минск : МИД Респ. Беларусь, 2014.
26. Обзор итогов внешней политики Республики Беларусь и деятельности Министерства иностранных дел в 2014 году [Электронный ресурс] // М-во иностр. дел Респ. Беларусь. URL : <<http://mfa.gov.by/publication/reports/a2973e28e4b86261.html>> (дата обращения : 17.05.2015).
27. Об участии министра иностранных дел Республики Беларусь В. Макея в саммите «Восточного партнерства» [Электронный ресурс] // М-во иностр. дел Респ. Беларусь. 29.11.2013. URL : <http://mfa.gov.by/press/news_mfa/f60de712b9eff05.html> (дата обращения : 17.04.2015).
28. О визите министра иностранных дел Беларуси В. Макея в Германию [Электронный ресурс] // М-во иностр. дел Респ. Беларусь, 08.02.2015. URL : <http://mfa.gov.by/press/news_mfa/d801b7dc6e65cd8a.html> (дата обращения : 17.05.2015).
29. О встрече заместителя министра иностранных дел Беларуси А. Гурьянова с членом Германско-Белорусской парламентской группы бундстага [Электронный ресурс] // М-во иностр. дел Респ. Беларусь. 20.06.2014. URL : <http://mfa.gov.by/press/news_mfa/de5731da99c09ff8.html> (дата обращения : 27.05.2015).
30. О встрече министра иностранных дел Беларуси В. Макея с исполнительным директором Восточного комитета немецкой экономики Р. Линднером [Электронный ресурс] // М-во иностр. дел Респ. Беларусь. 04.09.2014. URL : <http://mfa.gov.by/press/news_mfa/f5d2a350a424665b.html> (дата обращения : 17.05.2015).
31. О встрече Посла Беларуси А. Гиро с политическим директором МИД ФРГ Х.-Д. Лукасом [Электронный ресурс] // М-во иностр. дел Респ. Беларусь. 06.12.2013. URL : <http://mfa.gov.by/press/news_mfa/da3006bcc308d791.html> (дата обращения : 17.05.2015).
32. О 12-м заседании Белорусско-Германской рабочей группы по торговле и инвестициям [Электронный ресурс] // М-во иностр. дел Респ. Беларусь. 26.06.2014. URL : <http://mfa.gov.by/press/news_mfa/f4ecf5ecf0779431.html> (дата обращения : 17.05.2015).
33. О закрытии отделения Посольства Республики Беларусь в Федеративной Республике Германия в г. Бонне [Электронный ресурс] // М-во иностр. дел Респ. Беларусь. 06.12.2013. URL : <http://mfa.gov.by/press/news_mfa/b7702c26eda94528.html> (дата обращения : 17.05.2015).
34. О подписании Соглашения о финансировании проекта «Схема мобильности для целевых контактов между людьми (MOST)» [Электронный ресурс] // М-во иностр. дел Респ. Беларусь. 20.12.2013. URL : <http://mfa.gov.by/press/news_mfa/d4d77f76e60e5c7e.html> (дата обращения : 17.03.2015).
35. О проведении Дня белорусской экономики в г. Франкфурте-на-Майне [Электронный ресурс] // М-во иностр. дел Респ. Беларусь. 09.09.2014. URL : <http://mfa.gov.by/press/news_mfa/cbab49c2f96453ee.html> (дата обращения : 17.05.2015).
36. Организация Договора о коллективной безопасности и планирование на случай чрезвычайных обстоятельств после 2014 года / под ред. Е. Ф. Довгань и А. В. Русаковича. Женева ; Минск, 2015. 257 с.
37. Ответы министра иностранных дел Республики Беларусь В. Макея на вопросы представителей СМИ по итогам участия в саммите инициативы «Восточное партнерство», 29 нояб. 2013 г., г. Вильнюс [Электронный ресурс] // М-во иностр. дел Респ. Беларусь. URL : <http://mfa.gov.by/press/news_mfa/d147b6973988a90.html> (дата обращения : 17.05.2015).
38. Послание к белорусскому народу и Национальному собранию, 19 апреля 2013 года [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. 19.04.2013. URL : <http://president.gov.by/ru/news_ru/view/poslanie-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-8567/> (дата обращения : 21.07.2014).
39. Пресс-конференция белорусским и зарубежным средствам массовой информации 15 января 2013 года [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. 15.01.2013. URL : <http://president.gov.by/ru/news_ru/view/press-konferentsija-belorusskim-i-zarubezhnym-sredstvam-massovoj-informatsii-5791/> (дата обращения : 21.07.2014).

40. Резолюция Генеральной Ассамблеи «Территориальная целостность Украины» : док. ООН A/RES/68/262, принята 27.03.2014 г. [Электронный ресурс] // Орг. Объед. Наций. URL : <http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/68/262&referer=/english/&Lang=R> (дата обращения : 22.10.2014).
41. Результаты инвестиционной политики [Электронный ресурс] // М-во экономики Респ. Беларусь. URL : <<http://www.economy.gov.by/ru/invpolicy/invest-klimat/pezzultat>> (дата обращения : 27.05.2015).
42. *Русакович А. В.* Германия во внешней политике Беларуси (1990–2012 гг.). Минск : РИПО, 2015.
43. Статистический ежегодник Республики Беларусь 2014 : стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь ; редкол. : В. И. Зиновский (пред. редкол.). Минск, 2014.
44. *Тихомиров А. В.* Украинский кризис и Беларусь: итоги года // Беларуско-польскія адносіны: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. круглага стала, Мінск, 30 кастр. 2014 г. / рэдкал. : В. Г. Шадурскі (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2015. С. 69–84.
45. Текст Минского протокола опубликован в парламентской газете «Голос Украины» [Электронный ресурс] // Информативное агентство FORUM. 10.09.2014. URL : <<http://for-ua.com/article/1053420>> (дата обращения : 10.11.2014).
46. Указ Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Российская газета. 07.08.2014. URL : <<http://www.rg.ru/2014/08/07/sankcii-dok.html>> (дата обращения : 26.11.2014).
47. *Трещенков Е.* Европейская и евразийская модели интеграции: пределы соизмеримости // Мировая экономика и международн. отношения. 2014. № 5. С. 31–41.
48. Украинский кризис: экспертная оценка : по материалам Ученого совета Института Европы РАН // Современная Европа. 2014. № 3. С. 10–33.
49. *Шрайбман А.* Депутат бундестага: Беларусь может стать мостом между Россией и Евросоюзом [Электронный ресурс] // TUT.by: белорусский портал. 14.10.2014. URL : <<http://news.tut.by/politics/419524.html>> (дата обращения : 29.05.2015).
50. Belarus. Politische Beziehungen [Electronic resource] // Auswärtige Amt. Februar 2015. URL : <http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Laender/Laenderinfos/Belarus/Bilateral_node.html#top> (date of access : 05.05.2015).
51. Deutschlands Zukunft gestalten. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. 18 Legislaturperiode, Berlin, 16 Dezember 2013 [Electronic resource] // Christlich Demokratische Union. URL : http://www.cdu.de/system/tdf/media/dokumente/koalitionsvertrag_1.pdf?file=1 (date of access : 05.05.2015).
52. Council conclusions on Belarus: 3065 Foreign Affairs Council meeting. Brussels, 31 January 2011 [Electronic resource] // Council of the European Union. URL : <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/press-data/EN/foraff/119038.pdf> (date of access : 15.03.2011).
53. *Leonard M, Krastev I.* Die neue europäische Unordnung // Internationale Politik. 2015. Januar/Februar. S. 42–51.
54. *Libman A.* Wirtschaftskrise in Russland. Risiken und Kosten für andere Länder Eurasiens SWP-Aktuell 2015/A 10, Februar 2015.
55. Maßnahmen der Europäischen Union und der Bundesregierung zur Migrationskontrolle und zur Polizeizusammenarbeit in Belarus. Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Abgeordneten Andrej Hunko, Wolfgang Gehrcke, Annette Groth, weiterer Abgeordneter und der Fraktion DIE LINKE [Electronic resource] // Deutscher Bundestag 18. Wahlperiode. – 13.05.2014. URL : <<http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/014/1801423.pdf>> (date of access : 05.05.2015).
56. *Petz I.* Alle Macht dem Präsidenten! Wie das System Lukaschenko funktioniert // Internationale Politik. 2013. September/Okttober. S. 80–87.
57. *Sahm A.* Verhaltene Reaktionen in Belarus auf die Ukraine-Krise / SWP-Aktuell 2014/A 46, Juni 2014.
58. Towards a new European Neighbourhood Policy. Joint consultation paper, Brussels, 04.03.2015. Doc. JOIN(2015) 6 final [Electronic resource] // European Commission. URL : <<http://ec.europa.eu/enlargement/neighbourhood/consultation/consultation.pdf>> (date of access : 05.05.2015).
59. Tagesaktuelles Plenarprotokoll, 18106, Freitag, den 21. Mai 2015 [Electronic resource] // Deutscher Bundestag. 21.05.2015. URL : <<http://www.bundestag.de/dokumente/protokolle/vorlaeufig/18106/375568>> (date of access : 30.05.2015).
60. Ukraine: Schwierige Verhandlungen in Minsk mit Vereinbarung über Waffenruhe beendet [Electronic resource] // Auswärtige Amt. 12.02.2015. URL : <http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Laender/Aktuelle_Artikel/Ukraine/150212_Minsk-II.html> (date of access : 15.05.2015).

Статья поступила в редакцию в июне 2015 г.

О СОСТАВЕ, НАПРАВЛЕНИЯХ И ФОРМАХ РАБОТЫ КОМИССИИ БЕЛОРУССКОЙ ССР ПО ДЕЛАМ ЮНЕСКО (1956–1964 гг.)

С. Ф. Свилас

На основе архивных материалов впервые в историографии рассмотрены состав Комиссии Белорусской ССР по делам ЮНЕСКО и его изменения в период хрущевской оттепели, организация работы, основные направления и формы деятельности, взаимодействие с ЦК КПБ, министерствами иностранных дел и культуры, другими ведомствами республики, Комиссией СССР по делам ЮНЕСКО, достигнутые успехи и нереализованные возможности.

On the basis of archive materials for the first time in the historiography the composition of the Commission of the Byelorussian SSR for UNESCO and its changes within the period of Khrushchev thaw, organization of its work, the main directions and forms of activities, cooperation with the Central Committee of CPB, ministries of foreign affairs and culture, other republican institutions, USSR Commission for UNESCO, achieved success and unrealized opportunities are considered in the article.

Ключевые слова: Беларусь; ЮНЕСКО; хрущевская оттепель; Национальная комиссия по делам ЮНЕСКО.
Keywords: Belarus; UNESCO; Khrushchev thaw; National Commission for UNESCO.

Инициирование и процесс создания Комиссии Белорусской ССР исследованы в монографии автора, изданной в 2013 г. [4, с. 57–60]. В предлагаемой статье впервые в историографии прослежены изменения состава Комиссии, направления и формы ее работы в систематизированном виде. Цель публикации – на основе архивных материалов дать всестороннюю характеристику деятельности Комиссии Белорусской ССР в период хрущевской оттепели.

Комиссия Белорусской ССР по делам ЮНЕСКО была создана постановлением Совета Министров республики 13 октября 1956 г. в составе восьми человек – (председателя) министра культуры республики Г. Я. Киселева, заместителя министра иностранных дел П. Е. Астапенко, заместителя министра просвещения С. А. Умрейко, действительного члена АН БССР, директора Института языкознания К. К. Атраховича, доктора филологических наук, директора Института литературы и искусства АН БССР В. В. Борисенко, проректора БГУ по учебной части А. Я. Малышева, председателя правления Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами Г. Н. Вересова, секретаря Белорусского республиканского совета профсоюзов Т. И. Новиковой [1, д. 339, л. 47–48]. В тот же день министр иностранных дел Белорусской ССР К. В. Киселев направил Генеральному директору ЮНЕСКО Л. Эвансу сообщение о том, что правительство республики, придавая важное значение роли организации «в деле содействия развитию между государствами связей в области культуры, науки и просвещения», создало в соответствии со статьей VII ее устава Комиссию под председательством министра культуры Г. Я. Киселева. На этот орган возлагалось проведение мероприятий, связанных с участием Белорусской ССР в деятельности ЮНЕСКО. Сообщался и адрес: Минск, Дом правительства, Министерство культуры БССР [3, ф. 907, оп. 1, д. 214, л. 187; 2, с. 81–82].

Протокол № 1 заседания Белорусской национальной комиссии по делам ЮНЕСКО датируется 8 октября 1956 г., т. е. она собралась за несколько

дней до постановления правительства, но после положительного решения ЦК КПБ. Комиссия постановила организовать при министерстве культуры рабочую группу из двух человек, а для этого ходатайствовать перед правительством о выделении министерству дополнительных штатных единиц, проведении 15 октября второго заседания, на котором заслушать доклад П. Е. Астапенко о подготовке материалов к сессии [3, ф. 907, оп. 1, д. 244, л. 172–174; д. 349, л. 181–183]. Члены Комиссии Г. Я. Киселев, А. Я. Малышев, С. А. Умрейко были включены в состав республиканской делегации из семи человек на 9-ю сессию Генеральной конференции ЮНЕСКО, однако последний не смог вылететь в Нью-Дели из-за болезни [4, с. 60].

В апреле 1957 г. постановлением Коллегии второй секретарь МИД, участник 9-й сессии Генеральной конференции Б. В. Кудрявцев был назначен ответственным за связь внешнеполитического ведомства с Комиссией, которой рекомендовалось уделить особое внимание подготовке вопросов к очередной сессии Генеральной конференции, более полному использованию ЮНЕСКО «в целях пропаганды и популяризации достижений БССР в области культуры, науки и искусства» [1, д. 353, л. 16–18].

Первое в 1957 году заседание Национальной комиссии БССР по делам ЮНЕСКО состоялось в августе, во время Московского международного фестиваля молодежи и студентов. Обсуждались доклад ответственного секретаря Комиссии сотрудника министерства просвещения Е. Ф. Безродного о подготовке делегации республики ко 2-й Конференции европейских национальных комиссий по делам ЮНЕСКО в югославском Дубровнике, информация Г. Я. Киселева о подготовке приема начальника отдела связей ЮНЕСКО с государствами-членами Ж. Шевалье, вопрос распределения обязанностей среди членов Комиссии, материалы о белорусской национальной культуре (слово «национальная» было зачеркнуто Г. Я. Киселевым) для распространения в Дубровнике, предложение о праздновании 75-летия Я. Купалы и Я. Коласа «по

линии ЮНЕСКО». Ответственность за научную работу была возложена на К. К. Крапиву и А. Я. Малышева, за «педагогически воспитательную» — на С. А. Умрейко, за культурную — на Г. Н. Вересова и Т. И. Новикову, за «библиотечарскую и библиографическую» — на В. В. Борисенко. Постановление обязывало членов Комиссии разработать предложения о расширении связей с другими комиссиями «в целях пропаганды достижений республики за границей» [3, ф. 907, оп. 1, д. 349, л. 148–150]. Е. Ф. Безродный заявил, что «проамериканское руководство ЮНЕСКО по многим вопросам занимает необъективную позицию и тормозит выполнение программы, уводя ЮНЕСКО от решения главных вопросов», и выделил четыре задачи: укрепление дружбы и взаимопонимания между народами, борьба с «империалистической идеологией колонизаторов», улучшение пропаганды на Востоке достижений советской культуры, развитие научной работы по изучению стран Азии и Африки. Он отметил, что Комиссия установила контакты с национальными комиссиями Болгарии, Венгрии, Румынии, Польши, Чехословакии, подготовила для ЮНЕСКО доклад с общими сведениями о Белоруссии. «Все материалы согласовывались с МИДом, Комиссией СССР по делам ЮНЕСКО и другими органами». Докладчик предложил расширить состав Комиссии за счет привлечения специалистов по обозначенным им задачам [3, ф. 907, оп. 1, д. 349, л. 151–155].

На следующий день после заседания в Минск прибыл начальник отдела связей ЮНЕСКО с государствами-членами Ж. Шевалье — первый представитель ЮНЕСКО, посетивший республику. 9 августа 1957 г. в министерстве культуры, в кабинете Г. Я. Киселева, состоялась встреча Ж. Шевалье с членами Комиссии. Он подчеркнул, что национальные комиссии призваны выполнять две функции — консультативного и исполнительного органа, призвал проявлять активность в написании статей для журнала «Курьер», передал приглашение Генерального директора Л. Эванса посетить семинар ЮНЕСКО, организуемый в Париже для секретарей комиссий. Г. Н. Вересов информировал о культурных связях республики, А. Я. Малышев — об участии Белорусского государственного университета в международном научном сотрудничестве и обучении иностранных студентов. Председатель Комиссии Г. Я. Киселев отметил, что республика «в состоянии поделиться опытом народного образования со странами Латинской Америки, где... царит большая неграмотность», выразил обеспокоенность тем, что среди двух тысяч сотрудников аппарата ЮНЕСКО отсутствуют белорусские представители, из Парижа не получено ответа на стипендиальную заявку, а также обратился с просьбой отметить 75-летие Я. Коласа, поднял вопрос о Постоянном представителе республики при ЮНЕСКО. Т. И. Новикова выразила пожелание, чтобы русский язык стал рабочим языком Секретариата [3, ф. 907, оп. 1, д. 288, л. 129–139]. В отчете Генеральному директору Ж. Шевалье подчеркнул, что в состав Национальной комиссии СССР вхо-

дят председатели национальных комиссий УССР и БССР, причем «частные проблемы... могут рассматриваться непосредственно с национальными комиссиями Киева и Минска» [3, ф. 907, оп. 1, д. 349, л. 8–37].

Ответственный секретарь Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО Е. Ф. Безродный на встрече с Ж. Шевалье не присутствовал, находясь в Москве на Международном фестивале молодежи и студентов. На семинар секретарей национальных комиссий (август — сентябрь 1957 г., Париж) был послан третий секретарь МИД БССР, участник 8-й сессии Генеральной конференции В. С. Колбасин, кандидатуру которого поддержало Бюро ЦК КПБ еще в июне 1957 г. [3, ф. 4-п., оп. 81, д. 1224, л. 10]. Выполнив программу семинара, представитель БССР нанес более 50 визитов сотрудникам аппарата ЮНЕСКО, поставил вопрос о публикации статей по истории культуры белорусского народа, получив ответное предложение о направлении в республику экспертов организации, что не устраивало белорусскую сторону [1, д. 367, л. 149]: КГБ республики в январе 1957 г. предоставил К. В. Киселеву справку «О подрывной деятельности американских разведывательных органов против Белорусской ССР» [1, д. 357, л. 7–21]. В докладе Генеральному директору Л. Эвансу, согласованном с Постоянным представительством Советского Союза, В. С. Колбасин подчеркнул «большие возможности для усиления активного участия БССР в деятельности ЮНЕСКО» [3, ф. 907, оп. 1, д. 288, л. 186–189].

В октябре 1957 г. состоялась 2-я Конференция европейских национальных комиссий по делам ЮНЕСКО. В форуме такого формата республика участвовала впервые. В состав делегации из пяти человек вошли члены Комиссии: министр культуры Г. Я. Киселев (руководитель), заместитель министра просвещения С. А. Умрейко, проректор БГУ им. В. И. Ленина А. Я. Малышев. При обсуждении вопроса «Основной проект обоюдного признания ценностей народных культур Востока и Запада» Г. Я. Киселев отметил, что нельзя считать полноценной работу по реализации проекта без участия в нем КНР, «народ которой составляет более половины населения стран Востока». Он подверг критике Секретариат ЮНЕСКО, который «крайне односторонне» популяризирует достижения в области литературы, искусства и в целом современной культуры стран Востока. По настоянию делегации Белорусской ССР Конференция приняла «принципиально важное» предложение Г. Я. Киселева о внесении в решения следующей записи: «Некоторые делегаты выразили сожаление их национальных комиссий по поводу отстранения Китайской Народной Республики от основного проекта «Восток — Запад» и подчеркнули усилия, прилагаемые их национальными комиссиями для того, чтобы приобщить КНР к основному проекту». По оценке главы делегации СССР В. С. Кеменова, принятие этого предложения явилось «наиболее важным успехом» советских делегаций на Конференции [1, д. 367, л. 157–158].

В феврале 1958 г. Комиссия БССР по делам ЮНЕСКО направила в МИД республики письмо

с изложением «своей позиции по вопросу о дальнейшем развитии международного сотрудничества в области науки, культуры и образования» [3, оп. 1, д. 345, л. 68, 69–78]. Комиссия отмечала, что членство республики в организации способствует росту ее международного авторитета, расширению культурных и научных связей, популяризации достижений. Делегации БССР «в тесном контакте с делегациями Советского Союза и УССР, странами социалистического лагеря и другими миролюбивыми силами» выступают в защиту универсальности ЮНЕСКО. Комиссия указывала на необходимость направления представителя республики для постоянной работы в Секретариате: «На наш взгляд, от Белорусской ССР требуется не пассивное ожидание и использование того, что предложит Секретариат ЮНЕСКО, а активная наступательная деятельность по всем линиям» [3, ф. 907, оп. 1, д. 345, л. 70]. В письме указывалось, что в ряде учреждений недооценивались возможности, которые предоставляет членство в ЮНЕСКО. Когда Комиссия обращается с просьбой о предоставлении информации в компетентные по интересующим ЮНЕСКО вопросам республиканские органы, эти просьбы «большой частью встречают на своем пути стену чрезмерной осторожности и, не пробив ее, тонут в архивах этих учреждений. Этим самым мы закрываем себе один из международных каналов для распространения правдивой информации о развитии науки и культуры в БССР». В документе содержались предложения о расширении секретариата Комиссии за счет компетентных лиц со знанием иностранных языков, выделении средств, а также комнаты для работы [3, ф. 907, оп. 1, д. 345, л. 71].

Из протокола мартовского 1958 г. заседания Комиссии следует, что ответственный секретарь Е. Ф. Безродный выступил с докладом «Об активизации работы Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО в свете предложений Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО». Рассматривались вопросы о разработке конкретных мер по участию БССР в осуществлении проекта «Восток – Запад», подготовке замечаний и предложений по проекту программы и бюджета ЮНЕСКО на 1959–1960 гг., о работе аппарата и секретариате Комиссии, о составе делегации на 10-ю сессию Генконференции, утверждение годового плана работы. При Комиссии были созданы комитеты по науке, культуре и просвещению из 15 членов каждый, их председателями для утверждения ЦК КПБ рекомендовались: академик Н. Ф. Ермоленко (комитет по науке), заместитель министра культуры М. А. Минкович (комитет по культуре), заместитель министра просвещения С. А. Умрейко (комитет по просвещению) [3, оп. 1, д. 345, л. 91, 93; д. 349, л. 158–161]. В комитет по просвещению вошли: директор НИИ педагогики П. С. Солнцев, заведующий кафедрой педагогики Минского института иностранных языков А. И. Кравцов, редактор «Настаўніцкай газеты» И. Г. Есьман, старший инспектор по международным связям министерства просвещения БССР, секретарь комитета А. П. Сердюков, начальник управления школ министерства просвещения БССР М. И. Дорофеен-

ко, начальник отдела педвузов и педучилищ министерства просвещения БССР В. А. Жучкевич, доцент Минского института иностранных языков Н. К. Соловьева, директор средней школы № 21 г. Минска В. В. Пушкаревич, доктор филологических наук Минского пединститута им. А. М. Горького И. В. Гуторов, заведующий кафедрой французского языка Минского института иностранных языков Н. Я. Агапов, секретарь Республиканского комитета профсоюзов работников просвещения, высшей школы и научных учреждений Е. Т. Смирнова [3, оп. 1, д. 349, л. 165]. В комитет по науке были включены: академик заведующий лабораторией М. А. Безродов, член-корреспондент АН БССР заведующий лабораторией М. М. Павлюченко (химики), член-корреспондент АН БССР директор Института физиологии И. А. Булыгин, член-корреспондент АН БССР архитектор А. И. Воинов, кандидат исторических наук заведующий сектором Института истории АН БССР Н. В. Каменская, член-корреспондент АН БССР заведующий лабораторией Института физики и математики Ф. И. Федоров, член-корреспондент АН БССР заведующий кафедрой Института геологии В. Н. Щербина, кандидат экономических наук директор Института экономики Г. Т. Ковалевский, член-корреспондент АН БССР заведующий отделом права в Институте философии С. П. Моргунский, кандидат исторических наук директор Института философии К. П. Буслов, член-корреспондент АН БССР заведующий лабораторией Института энергетики А. И. Винник, академик директор Института биологии Н. В. Турбин, вице-президент АН БССР К. И. Лукашев, президент АН БССР В. Ф. Купревич, ученый секретарь Совета по координации АН БССР, секретарь комитета А. Г. Хохлов [3, ф. 907, оп. 1, д. 349, л. 167]. Членами комитета по культуре, кроме М. А. Минковича, стали: директор Музея Великой Отечественной войны С. Р. Шуцкий, народный артист СССР Б. В. Платонов, директор Художественного музея БССР Е. В. Аладова, редактор еженедельника «Літаратура і мастацтва» Н. Г. Ткачев, заведующий кафедрой библиотекосведения Минского пединститута доцент Н. Т. Толкачев, кинорежиссер В. В. Корш-Саблин, ответственный секретарь Общества по распространению политических и научных знаний БССР Г. И. Гужавин, заведующий отделом зарубежных связей БелОКС А. К. Грецкий, директор республиканской библиотеки им. В. И. Ленина И. Б. Симановский, директор музыкального училища А. И. Колоденко, писатель П. Ф. Глебка, заведующий отделом международной информации газеты «Советская Белоруссия» А. Е. Грицанов, доцент БГУ им. В. И. Ленина, историк П. Т. Петриков, композитор Е. К. Тикоцкий [3, ф. 907, оп. 1, д. 345, л. 96–97]. Создание комитетов по науке, культуре и просвещению преследовало цель укрепления связи Комиссии с экспертами, заинтересованными учреждениями и ведомствами, оперативное получение информации, совместные ответы на запросы организации, более компетентную реализацию решений Секретариата и форумов ЮНЕСКО.

В июне 1958 г. ЦК КПБ принял постановление «О недостатках в работе Белорусского общества культурной связи с заграницей». Так как при отправке материалов «часто не учитывались их идейно-художественные и политические качества», наблюдалась «неорганизованность в вопросах приема иностранных делегаций», выявлены случаи расточительства в расходовании государственных средств, член Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО Г. Н. Вересов был освобожден от обязанностей председателя правления БелОКС [3, ф. 4-п, оп. 81, д. 1317, л. 37–40].

Осенью 1958 г. в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина в Минске силами Комиссии (Г. Я. Киселев, Е. Ф. Безродный) была организована выставка «Навстречу 10-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО» [3, оп. 1, д. 346, л. 119; д. 401, л. 1]. Делегация Белорусской ССР на сессии (ноябрь — декабрь 1958 г., Париж) была одной из самых малочисленных, в ее состав вошли члены Комиссии: заместитель министра просвещения С. А. Умрейко, проректор БГУ А. Я. Малышев, секретарь Комиссии Е. Ф. Безродный, а также переводчик [1, д. 372, л. 27]. С. А. Умрейко следующим образом понимал очередность задач, поставленных перед делегацией: «защита и обеспечение интересов социализма», «разоблачение попыток западных держав превратить ЮНЕСКО в идеологическое оружие агрессивных кругов Запада», «использование ЮНЕСКО в качестве средства укрепления и расширения научного и культурного сотрудничества БССР с зарубежными странами», «популяризация за рубежом достижений БССР в области культуры, науки и образования» [1, д. 390, л. 121].

В январе 1959 г. коллегия республиканского внешнеполитического ведомства обсуждала вопрос «Об утверждении ответственного секретаря по делам ЮНЕСКО в штате МИД БССР». Сотрудник министерства культуры Е. Ф. Безродный лишился этой должности после поездки в Париж на 10-ю сессию, получив плохую характеристику других членов делегации: «Тов. Безродный — ограниченный человек, язык знает плохо» [1, д. 389, л. 29; 3, ф. 974, оп. 2, д. 13, л. 19]. К. В. Киселев информировал: «Вначале мы предложили эту работу т. Колбасину. Теперь есть новое предложение: утвердить ответственным секретарем тов. Терновую Г. Г., а т. Колбасина считать ее замом. Ходатайствовать перед Совмином о персональном окладе для нее» [1, д. 389, л. 13–14]. Документов, указывающих на то, что выпускница МГИМО, кандидат юридических наук Г. Г. Терновая находилась на этой должности, не обнаружено, как и протоколов заседаний Комиссии за 1959 г., а в 1960 г. она была уволена из аппарата министерства. На январском партийном собрании 1960 г. В. С. Колбасин, обращаясь к коллеге, сказал: «Вы сначала согласились быть секретарем Национальной комиссии БССР по делам ЮНЕСКО, а затем отказались» [3, ф. 907, оп. 2, д. 27, л. 10]. Третий секретарь МИД В. С. Колбасин (1930 года рождения, белорус, выпускник МГИМО 1953 г., историк-международник) был утвержден ответственным секретарем Комиссии БССР по де-

лам ЮНЕСКО с 1 августа 1959 г. единогласным решением Коллегии [1, д. 389, л. 129; д. 367, л. 168; д. 405, л. 53].

Белорусскую ССР на 3-й Конференции европейских национальных комиссий по делам ЮНЕСКО (февраль 1960 г., г. Таормин, Италия) представляли: министр культуры, председатель Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО Г. Я. Киселев (руководитель делегации), заместитель министра иностранных дел БССР, заместитель председателя Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО П. Е. Астапенко, ответственный секретарь Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО В. С. Колбасин [1, д. 399, л. 135; 3, оп. 1, д. 462, л. 2, 8; 3, ф. 4-п, оп. 81, д. 1458, л. 8–9]. В повестку дня Конференции были включены вопросы о роли европейских комиссий по делам ЮНЕСКО в разработке программ технической помощи, публикациях и распространении материалов организации, закрытая дискуссия об участии ЮНЕСКО в деятельности ООН, направленной на всеобщее и полное разоружение [1, д. 428, л. 9], причем делегаты БССР выступили по всем вопросам повестки дня [3, оп. 1, д. 422, л. 14–20]. В отчете делегации отмечалось, что «все еще недостаточно» используются те возможности, которыми БССР как член ЮНЕСКО располагает, для пропаганды через организацию успехов в области образования, науки и культуры, а также те «практические выгоды и средства», которые могут быть получены по линии реализации различных программ ЮНЕСКО, признавалась необходимость активизации Комиссии, пересмотра ее состава посредством замены формальных участников «инициативными товарищами», полугодового планирования с широким привлечением организаций и учреждений республики. Особо указывалось, что «секретарь Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО, находящийся в штате МИД БССР, не должен отвлекаться на исполнение каких-либо других работ, не связанных с ЮНЕСКО», ему поручалось в 1960 г. составить перечень статей для опубликования в изданиях организации при условии утверждения Комиссией, а также проект заявки на стипендии белорусским экспертам для поездки в зарубежные страны по «Программе участия ЮНЕСКО в деятельности государств-членов». Учитывая трудности в подборе специалистов со знанием иностранного языка, предлагалось обсудить вопрос о практическом участии БССР в программе технической помощи ЮНЕСКО посредством приема студентов из «слаборазвитых» стран на обучение в политехнический институт. Делегация отметила также важность работы по обучению «иноязыкам» прошедших отбор специалистов для направления их в качестве экспертов как по линии Расширенной программы технической помощи ООН, так и по программам ЮНЕСКО, «должной» подготовке белорусских экспертов для участия в тех конференциях ЮНЕСКО, «которые политически выгодны для нас», по приему на работу в Секретариат представителя республики, укреплению контактов с национальными комиссиями, прежде всего социалистических стран [3, ф. 907, оп. 1, д. 422, л. 14–20]. Апрельская коллегия 1960 г., заслушав отчет свое-

го члена, заместителя министра иностранных дел и одновременно заместителя председателя Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО П. Е. Астапенко, согласилась с рекомендациями делегации. Она постановила активизировать работу «по линии ЮНЕСКО» [1, д. 413, л. 71].

Повестка заседания межведомственной комиссии БССР по делам ЮНЕСКО, назначенного на 26 мая 1960 г. и посвященного вопросу подготовки к 11-й сессии Генеральной конференции, была разослана В. С. Колбасиным десяти адресатам, в том числе заместителю министра высшего, среднего специального и профессионального образования Н. И. Красовскому, заместителю председателя правления Белорусского общества по распространению политических и научных знаний В. Н. Позняку, председателю правления Белорусского общества дружбы и культурной связи И. К. Козлову, заместителю министра культуры М. А. Минковичу, председателю комитета по радиовещанию и телевидению при Совмине республики В. Н. Нестеровичу, секретарю Белорусского республиканского совета профессиональных союзов М. Л. Дубковой, а также четырем членам первого состава Комиссии: проректору БГУ А. Я. Малышеву, заместителю министра просвещения С. А. Умрейко, директору Института литературы и искусства АН БССР В. В. Борисенко, вице-президенту АН БССР К. К. Атраховичу [3, ф. 907, оп. 1, д. 465, л. 12].

28 мая 1960 г. письмом на имя первого секретаря ЦК КП Белоруссии К. Т. Мазурова министр К. В. Киселев просил ЦК «в связи с изменениями в составе Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО (выбыли товарищи Г. А. Вересов, Т. Т. Новикова) и необходимостью увеличения ее численного состава» утвердить новый состав Комиссии [3, ф. 907, оп. 1, д. 467, л. 174], что было оформлено постановлением Бюро ЦК КПБ от 6 августа 1960 г. Указанный список был дополнен Э. П. Герасимович (преподаватель Белорусского государственного театрально-художественного института, кандидат искусствоведческих наук и одновременно — заведующая сектором культуры и искусства ЦК КПБ). Совет Министров Белорусской ССР принял соответствующее постановление 13 августа того же года [3, ф. 4-п, оп. 81, д. 1517, л. 10–11; 3, оп. 1, д. 477, л. 175–179]. Таким образом, состав Комиссии был расширен на 3 человека, а из старых членов остались Г. Я. Киселев, К. К. Атрахович, П. Е. Астапенко, А. Я. Малышев, С. А. Умрейко. Обратим внимание, что заседание Комиссии в новом составе состоялось раньше его утверждения ЦК КПБ и постановления правительства, как и в 1956 г.

Члены делегации на 11-ю сессию Генеральной конференции (1960 г.) Г. Я. Киселев, С. А. Умрейко и В. С. Колбасин имели опыт участия в мероприятиях ЮНЕСКО, в том числе в работе Генеральной конференции, а В. Н. Позняк и Э. П. Герасимович являлись «новичками», но четверо входили в состав Комиссии Белорусской ССР по делам ЮНЕСКО, а пятый являлся ее ответственным секретарем. Результаты совещания делегации Белорусской ССР перед 11-й сессией Генеральной конференции отразил недатированный протокол,

составленный В. С. Колбасиным: «подумать о резолюции от БССР (запросить Комиссию Союза по этому вопросу)», «взять с собой подшивки газет, выступления Хрущева, Мазурова о достижениях БССР в области образования, культуры (доклады Ильюшина, Максимова на съезде учителей)», «взять с собой информацию от БССР в ООН по вопросу о заповедниках», «выяснить у тов. Кулаженкова о единице для БССР в Париже в представительстве СССР при ЮНЕСКО», «выяснить о представителях для делегации БССР», «создать Комиссию БССР по делам ЮНЕСКО» [3, ф. 907, оп. 1, д. 468, л. 61–62]. Инициатива В. С. Колбасина, с которой он выступил еще на январском 1960 г. референтском совещании в МИД республики — внести на 11-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО предложение о поощрении и финансировании международных контактов преподавателей иностранных языков в целях обмена опытом, — не нашла дальнейшей поддержки [3, ф. 907, оп. 1, д. 364, л. 7].

Второе заседание Комиссии в новом составе, утвержденном в августе 1960 г., состоялось в октябре 1960 г. в министерстве культуры. Г. Я. Киселев сообщил об итогах координационного совещания представителей социалистических стран в Будапеште в сентябре 1960 г. в связи с подготовкой к 11-й сессии ГК ЮНЕСКО [1, д. 423, л. 155–157]. Член Комиссии Н. И. Красовский информировал об участии делегации республики во Всемирной конференции по образованию взрослых (август 1960 г., Монреаль), а директор библиотеки АН БССР Ф. В. Степанюк — о Конференции по книгообмену (Будапешт, сентябрь 1960) [3, ф. 907, оп. 1, д. 422, л. 171].

В феврале 1961 г. ответственный секретарь Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО, руководитель «группы спецучреждений» В. С. Колбасин выступил с отчетом о «производственной, общественной работе и повышении своего делового и теоретического уровня» на партийном собрании. Его «товарищ по партии» Э. И. Борщевский отметил, что В. С. Колбасин «много делает в связи с участием БССР в ЮНЕСКО», «довольно много читает и на французском языке, и нашу советскую литературу, читает лекции, выступает в печати». Секретарь парторганизации заведующий отделом международных организаций Б. В. Кудрявцев охарактеризовал коллегу как «высокограмотного, эрудированного человека». Итоги подвел К. В. Киселев: «Колбасин — хороший коммунист, хороший товарищ. Личные интересы он ставит куда-нибудь на пятый план. Желаю ему большей самодисциплины, большей организованности. Он должен думать всегда, что каждое его слово должно иметь вес и значение» [3, ф. 907, оп. 2, д. 28, л. 24–27]. На заседании Коллегии в том же месяце ее член Б. В. Кудрявцев критиковал Национальную комиссию БССР по делам ЮНЕСКО за пассивность: «...почти всю работу ведет ее ответственный секретарь т. Колбасин», а К. В. Киселев указал руководителю группы специализированных учреждений ООН С. Колбасину на отсутствие оперативности в составлении плана распределения обязанностей внутри группы, подчеркнув при этом значимость указанного структурного подразделения

министерства. Посредством группы осуществляются «более четкое распределение обязанностей и ответственности», «более систематическая работа по оперативной переписке и подготовке материалов, связанных с участием БССР в работе МОТ, ЮНЕСКО, МАГАТЭ». Коллегия рекомендовала группе при подготовке к международным конференциям и сессиям специализированных учреждений ООН и при составлении материалов по линии этих учреждений поддерживать тесный контакт с Белорусским советом профсоюзов, АН БССР и другими учреждениями и ведомствами [1, д. 436, л. 40–41, 47].

На февральском 1961 года заседании Комиссии в план ее работы были включены корректура статей для направления в Париж, подготовка в Минске фотовыставки «Культура и быт стран Востока и Африки», мероприятия по «Программе участия» (оформление стипендий, получение оборудования для микрофильмирования), подбор кандидатур от БССР для работы в Секретариате ЮНЕСКО, подготовка к конференции по народному образованию, организация совместно с профсоюзами поездок групп трудящихся в ФРГ и Францию, решение вопроса об издании и распространении некоторых произведений белорусской литературы через ЮНЕСКО, обсуждение мероприятий по оказанию помощи развивающимся странам (подбор экспертов, предоставление стипендий от БССР) [3, ф. 907, оп. 1, д. 535, л. 104–106].

В декабре 1961 г. в составе Комиссии произошли некоторые изменения. Г. Я. Киселев в письме на имя председателя Совета Министров Белорусской ССР Т. Я. Киселева от имени Комиссии по делам ЮНЕСКО просил правительство назначить «в связи с переходом на другую работу П. Е. Астапенко и И. К. Козлова» заместителем председателя Комиссии заместителя министра иностранных дел А. Е. Гуриновича и членом Комиссии — В. С. Смирнова, председателя Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами, добавив при этом, что Бюро ЦК КПБ постановлением от 3 декабря 1961 г. утвердило эти кандидатуры. Секретарем Комиссии был назначен Г. К. Новицкий [3, оп. 1, д. 540, л. 139; д. 565, л. 1–2] — 1930 года рождения, белорус, после окончания МГИМО в 1953 г., где изучал международное право, был принят на работу в МИД республики, к тому времени состоял в КПСС и несколько лет занимал должность помощника министра [1, д. 285, л. 3; д. 367, л. 168; 3, ф. 907, оп. 1, д. 252, л. 1; д. 360, л. 3; д. 417, л. 1; д. 640, л. 1]. Заместитель председателя Комиссии П. Е. Астапенко был направлен Представителем республики при ООН, а В. С. Колбасин, оставшись членом Коллегии, перешел на должность первого секретаря [3, ф. 907, оп. 1, д. 640, л. 1].

В год Берлинского кризиса республика не принимала участия в международных конференциях организации, но Комиссия по делам ЮНЕСКО провела большую работу по подготовке визитов и приему высокопоставленных чиновников организации, а также американского сенатора, начала обобщение пятилетнего опыта своей деятельности в связи с запросом Национальной комиссии Ин-

дии. Во время однодневного посещения столицы республики в апреле 1961 г. заместитель Генерального директора ЮНЕСКО Р. Майо имел несколько встреч с председателем Комиссии Г. Я. Киселевым и ее членами, во время которых обсуждались такие вопросы, как прием граждан республики на работу в Секретариат, предоставление стипендий, выделение оборудования для библиотечного микрофильмирования и средств на организацию фотовыставки «Культура и быт стран Востока и Африки», субсидий для ознакомительных поездок «трудящихся» в страны Западной Европы, перевода и публикации в Париже белорусской художественной литературы, изучения иностранных языков в школах республики, а также устройства белорусских кандидатов на работу в Секретариат [3, ф. 907, оп. 1, д. 536, л. 137–145].

В июне 1961 г. в Минске находилась Е. Саввова, редактор журнала «Импакт» и начальник службы научной документации департамента естественных наук, для установления связей с белорусскими учеными. Она беседовала с членами Комиссии, президентом Академии наук В. Ф. Купревичем, сотрудниками академической библиотеки, при этом белорусская сторона выразила готовность предоставить статьи по проблемам естественных наук; а также предложила список ученых республики для справочника ЮНЕСКО [3, ф. 907, оп. 1, д. 537, л. 20, 23–25]. В сентябре 1961 г. Минск посетил заместитель начальника Бюро персонала Секретариата ЮНЕСКО Ж. Бола. Председатель Комиссии Г. Я. Киселев заявил, что БССР «крайне озабочена неудовлетворительным положением дел с распределением постов в Секретариате ЮНЕСКО: до сих пор там нет ни одного белорусского представителя» — и высказал пожелание, чтобы руководство ЮНЕСКО предоставило возможность послать на работу граждан БССР на посты высоких рангов. По мнению Ж. Бола, было бы целесообразным, чтобы СССР, Украина и Белоруссия не конкурировали между собой при выдвижении кандидатов, а согласовывали вопрос о заполнении вакансий между собой. А. Е. Гуринович поставил вопрос о более эффективном использовании средств, ежегодно вносимых в Расширенную программу технической помощи ЮНЕСКО и по другим линиям, заявив, что «мы готовы направлять специалистов вместе с переводчиками». Визитер приветствовал идею предварительной подготовки экспертов для их возможного использования по линии ЮНЕСКО [3, ф. 907, оп. 1, д. 539, л. 172–176; д. 553, л. 24–25].

Заместитель председателя Комиссии республики по делам ЮНЕСКО и заместитель министра иностранных дел А. Е. Гуринович в октябре 1961 г. направил «для сведения» редактору газеты «Советская Белоруссия» О. А. Здоровенину краткую запись беседы с американским сенатором А. Эллендером, проведенной ответственным секретарем Комиссии Г. Я. Новицким по указанию ЦК КПБ в форме интервью с ним корреспондента газеты. Для сенатора это была четвертая поездка в Советский Союз и первое посещение Минска. Он отметил доброту, гостеприимство минчан и властей, люди ста-

ли лучше одеваться, «изменения в лучшую сторону заметны на каждом шагу». В то же время американец обратил внимание на большую долю ручного труда, высказался за развитие производства «товаров для людей», повышение заработной платы при сокращении выплат из общественных фондов, положительно оценил конвейер на Минском часовом заводе. Обсуждая международное положение, визитер заявил, что «не существует проблем, которые нельзя разрешить», высказался за расширение культурного, туристического обмена, торговли между СССР и США, выразив твердую уверенность в мирном сосуществовании. По мнению сенатора, «незнание страны, ее народа рождает слепоту», «можно не любить Россию, можно не любить ее строй, можно не нравиться друг другу, но нельзя иметь темное представление о вашей стране с более чем 200-миллионным населением» [3, ф. 907, оп. 1, д. 539, л. 179–186].

В июне 1962 г. состоялся визит в Минск директора департамента социальных наук Секретариата ЮНЕСКО А. Бертрана. Члены Комиссии настаивали на реализации пяти проектов «первостепенной важности»: популяризация мирного сосуществования и сотрудничества; содействие укреплению независимости стран, освободившихся от колониализма, и ликвидации остатков колониализма в области просвещения, науки и культуры; исследования социальных и экономических аспектов всеобщего и полного разоружения; защита прав человека и борьба против расовой дискриминации и национальных предрассудков; содействие социально-экономическому развитию, особенно стран, недавно добившихся национальной независимости, включая исследование роли образования в этой сфере [3, ф. 907, оп. 1, д. 620, л. 156–158; 3, ф. 4-п, оп. 53, д. 67, л. 44–45]. А. Бертран направил ответственному секретарю Комиссии Белорусской ССР по делам ЮНЕСКО Г. К. Новицкому благодарность за «превосходную организацию визита» [3, ф. 907, оп. 1, д. 621, л. 225].

В 1962 г. было проведено одно заседание Комиссии, протокол которого обнаружить не удалось, но результаты работы этого органа отражены в пространном отчете. Комиссия поддерживала тесный контакт с представителями министерств и ведомств республики (ЦК ЛКСМБ, Академии наук, министерствами просвещения, культуры, министерством высшего, среднего специального и профессионального образования, Госкомитетом Совета Министров БССР по охране природы и др.). Она сотрудничала с Комиссией СССР по делам ЮНЕСКО (переписка по текущим вопросам, получение указаний и консультаций). Вся работа Комиссии проводилась «в соответствии с указаниями ЦК КПБ и Совета Министров БССР» [1, ф. 907, оп. 1, д. 565, л. 2].

По подсчетам автора Белорусская ССР в 1962 г. активно участвовала в работе десяти форумов организации, включая 12-ю сессию Генеральной конференции. С мая 1962 г. в Париже находился Постоянный представитель БССР при ЮНЕСКО Б. В. Кудрявцев, который «обеспечивал более оперативную и тесную связь между Секретариатом

ЮНЕСКО и Комиссией» [3, ф. 907, оп. 1, д. 565, л. 1–80].

Важным этапом в подготовке делегации Белорусской ССР к 12-й сессии Генеральной конференции стало Второе координационное совещание представителей национальных комиссий по делам ЮНЕСКО социалистических стран, которое состоялось в июне 1962 г. в Софии. На нем присутствовали Г. Я. Киселев и Г. К. Новицкий. Вопросы непосредственной подготовки к 12-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО рассматривало также Третье координационное совещание представителей национальных комиссий социалистических стран (октябрь 1962 г., Прага), в котором участвовал Г. Я. Киселев [2, с. 138]. На 4-й конференции национальных комиссий по делам ЮНЕСКО европейских стран (июнь 1962 г., София) белорусская делегация состояла из Г. Я. Киселева, Г. К. Новицкого и А. К. Зинина (редактора газеты «Знамя юности»). Конференция приняла ряд документов, направленных на развитие культурных связей, причем соавтором двух рекомендаций была БССР: рекомендации об участии в воспитании молодежи в духе мира, дружбы и взаимопонимания, представленной делегациями Румынии и Советского Союза, а также рекомендации делегаций Финляндии, Франции, Польши и УССР по вопросу о содействии развитию культурных связей между всеми странами Европы. Г. К. Новицкий, анализируя результаты указанных форумов, отмечал, что Секретариат ЮНЕСКО часто оставляет без внимания одобренные рекомендации, ссылаясь на то, что они не являются обязательными, «все это оставляет неприятный осадок», и «стоит подумать о том, чтобы конференции национальных комиссий принимали более обязывающие решения» [3, ф. 907, оп. 1, д. 744, л. 244].

Делегация Белорусской ССР на 12-й сессии Генеральной конференции (ноябрь – декабрь 1962 г., Париж) имела следующий состав: Г. Я. Киселев – министр культуры, председатель Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО (глава делегации), А. Е. Гуринович – заместитель министра иностранных дел БССР, заместитель председателя Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО, В. Н. Позняк – заместитель председателя правления Белорусского общества по распространению политических и научных знаний, член Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО, Б. В. Кудрявцев – Постоянный представитель БССР при ЮНЕСКО, Г. К. Новицкий – ответственный секретарь Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО [4, с. 222–223]. Делегация, сформированная в основном из членов Комиссии Белорусской ССР по делам ЮНЕСКО, к тому же имевших опыт работы с организацией, проявила большую активность: около 40 выступлений и заявлений, причем активность проявляли все делегаты. Впервые в истории членства Белорусской ССР в ЮНЕСКО была принята резолюция, в основе которой лежал белорусский (совместный с Румынией) проект – «Воспитание в духе международного взаимопонимания». В период сессии делегация встречалась с Р. Майо и другими ответственными работниками Секретариата ЮНЕСКО [1, д. 472, л. 85–89; 3, ф. 907, оп. 1, д. 801, л. 18]. В феврале 1963 г. отчет делегации

обсуждался на заседании Комиссии [3, ф. 907, оп. 1, д. 623, л. 168–171; д. 565, л. 16; 1, д. 480, л. 337].

В августе 1963 г. состоялось совместное заседание Комиссии Белорусской ССР по делам ЮНЕСКО и Коллегии МИД, на котором был заслушан отчет Постоянного представителя Белорусской ССР при ЮНЕСКО Б. В. Кудрявцева за май 1962 г. — июль 1963 г. и «намечены мероприятия по дальнейшей активизации участия БССР в деятельности ЮНЕСКО» [3, ф. 907, оп. 1, д. 710, л. 207]. Ответственный секретарь Комиссии Г. К. Новицкий персонально отчитывался перед Коллегией на еще одном заседании, состоявшемся в том же месяце, отметив, что содержанием его деятельности было прежде всего «составление ответов на многочисленные запросы Секретариата ЮНЕСКО и переписка по ним» (за восемь месяцев 1963 г. объем переписки составил около 7 томов, подготовлено 8 ответов на вопросники организации по различным проблемам). Г. К. Новицкий подчеркнул значительную помощь со стороны министерства просвещения, а также министерства высшего, среднего специального и профессионального образования, ЦК ЛКСМБ, АН БССР, Общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Больше внимания стало уделяться Белорусскому совету профсоюзов в целях организации поездок «групп трудящихся» в страны Европы. Ответственный секретарь обратил внимание на важность оформления заявок на получение стипендий и субсидий по линии Программы участия ЮНЕСКО в деятельности государств-членов, поскольку заинтересованность проявляло только министерство культуры («может, не все ведомства представляют, что можно получить от ЮНЕСКО») [1, д. 486, л. 77–78; 3, ф. 907, оп. 1, д. 711, л. 46–49]. Г. К. Новицкий по приглашению Генерального директора стажировался в Секретариате ЮНЕСКО (сентябрь — октябрь 1963 г.) [4, с. 256–257].

Важным событием в истории Комиссии Белорусской ССР по делам ЮНЕСКО в 1964 г. стал визит в Минск по ее приглашению заместителя Генерального директора М. Адисешиа (июль 1964 г.) для отбора белорусских кандидатов, рекомендованных в качестве экспертов ЮНЕСКО. Белорусская сторона заявила о намерении уплачивать часть взноса в рублях и просила разработать конкретные мероприятия по расходованию рублевой части, была выражена благодарность за удовлетворение заявок на стипендии, выделение денег на перевод сочинений белорусских школьников; обсуждался вопрос о подготовке к изданию в переводе на французский язык произведений белорусской советской литературы [4, с. 274–277].

Белорусскую ССР на 13-й сессии Генконференции ЮНЕСКО представляла делегация из шести человек: новый министр культуры М. А. Минкович (руководитель), член Комиссии Н. И. Красовский, академик АН БССР Г. В. Богомолов, Постоянный представитель БССР при ЮНЕСКО Б. В. Кудрявцев, бывший ответственный секретарь Комиссии член Коллегии МИД БССР В. С. Колбасин, ответственный секретарь Комиссии Г. К. Новицкий [3, ф. 907, оп. 1, д. 733, л. 108–109; д. 801, л. 85, 89а]. Архивные материалы отражают большую работу

Г. К. Новицкого по подготовке делегации к сессии. С особой тщательностью готовились выступления М. А. Минковича и Г. В. Богомолова; по всем вопросам была определена «общая позиция делегации», хотя она ничем не отличалась от союзной и ограничивалась, вопреки высказанному ответственным секретарем на Коллегии МИД в августе 1963 г. мнению [1, д. 486, л. 88], союзными предложениями. Во время сессии Генеральной конференции состоялась встреча инициировавшего ее Р. Майо с членами делегации республики. Генеральный директор заявил, что «желает видеть белорусов в Секретариате, ожидает представления кандидатур». М. А. Минкович хлопотал о заявке на получение стипендии в области органной музыки и настаивал на переводе романа И. Шамякина «Глубокое течение»: «это высокохудожественное произведение отражает средствами искусства героическую борьбу белорусского народа против оккупантов, осуждает агрессию и войну, зовет людей к миру». Р. Майо заявил, что он предпочел бы, чтобы ЮНЕСКО «имела дело с произведениями, касающимися мирной жизни, природы, цветов, любви», и предложил перевод и издание антологии белорусской поэзии, так как в отношении романа И. Шамякина «трудно считать дело реальным». Р. Майо согласился с тем, что составлять антологию будут белорусские писатели. Белорусскими участниками была выражена благодарность за назначение на работу в Секретариат первого сотрудника от республики В. В. Гаврилюка и выделение денег на организацию выставки о культуре и быте народов Африки [3, ф. 907, оп. 1, д. 805, л. 89–91].

Сразу после сессии, в условиях становления разрядки в международных отношениях, состоялась визит члена исполкома Национальной комиссии Чили по делам ЮНЕСКО профессора Э. Эспоса, использованный приглашающей стороной для популяризации достижений БССР в «коммунистическом строительстве» и распространения информации о республике в Латинской Америке, в том числе среди белорусской диаспоры. Ответственный секретарь Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО Г. К. Новицкий, оценивая итоги визита, отмечал, что «открылись гораздо большие возможности для установления необходимых для нас связей с Комиссией Чили, которых не было, а также для установления деловых контактов с делегациями Чили на конференциях, созываемых по линии ЮНЕСКО» [3, д. 829, л. 1–5; д. 874, л. 137–141].

30 октября 1964 г., во время 13-й сессии Генеральной конференции, Президиум ЦК КП Белоруссии «в связи с переходом на другую работу ряда членов Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО» принял предложение МИД БССР об изменении ее состава: председателем Комиссии стал министр культуры БССР М. А. Минкович (вместо Г. Я. Киселева, который возглавил министерство просвещения), а ее членами были утверждены: заместитель министра просвещения Р. И. Сернов (вместо С. А. Умрейко), секретарь Белсовпрофа А. П. Обухович и секретарь ЦК ЛКСМБ Р. С. Пионова (вместо М. Л. Дубковой и В. П. Нестеровича) [3, ф. 4-п, оп. 81, д. 1907, л. 23–24; 1, д. 529, л. 79]. В январе 1965 г. Г. К. Но-

вицкий сообщил «мисс Л. Макфи, Бюро по связи с государствами-членами», состав Комиссии Белорусской ССР по делам ЮНЕСКО: председатель — министр культуры М. А. Минкович; заместитель председателя — заместитель министра иностранных дел А. Е. Гуринович; члены: Н. И. Красовский — заместитель министра высшего, среднего специального и профобразования; Р. И. Сернов — заместитель министра просвещения; Р. С. Пионова — секретарь ЦК ЛКСМБ; В. С. Смирнов — председатель Президиума Белорусского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами; А. П. Обухович — секретарь Белорусского Республиканского Совета профсоюзов; К. К. Атрахович — вице-президент АН БССР; В. Н. Позняк — заместитель председателя правления Белорусского общества по распространению политических и научных знаний; А. Я. Малышев — проректор Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина, Э. П. Герасимович — преподаватель Минского театрально-художественного института [3, ф. 907, оп. 1, д. 874, л. 6–7], которая являлась одновременно инструктором отдела науки и культуры ЦК КПБ [3, ф. 4-п, оп. 81, д. 1907, л. 24]. Особо отметим, что К. К. Атрахович и А. Я. Малышев являлись членами Комиссии с ее основания, а Э. П. Герасимович, Н. И. Красовский и В. Н. Позняк — с августа 1960 г.

В марте 1965 г. Комиссия заслушала отчет о работе делегации БССР на 13-й сессии Генеральной конференции и обсудила меры по активизации деятельности республики в ЮНЕСКО [3, ф. 907, оп. 1, д. 876, л. 13–14]. Отчет делегации отличался от предыдущих лаконизмом и четкостью, в нем отсутствовала агрессивная пропагандистская риторика; в связи с переходом советско-китайских отношений в открытое противостояние не нашла отражения в прежнем объеме борьба за прием КНР в члены ЮНЕСКО.

Таким образом, Комиссия Белорусской ССР по делам ЮНЕСКО (в переписке с Секретариатом организации — Национальная комиссия) являлась важнейшей структурой в сотрудничестве республики с организацией, связывавшей правительство с Секретариатом. В рассматриваемый период в состав Комиссии трижды вносились изменения. В августе 1960 г. он был расширен с 8 до 11 человек (не считая ответственного секретаря), причем из старого состава осталось 5 членов. В декабре 1961 г. в связи с переходом двух членов Комиссии на новую работу в ее составе произошли частичные изменения. В октябре 1964 г. Комиссия была обновлена при сохранении прежнего количественного состава (12 человек, включая ответственного секретаря), причем преемственность продолжала сохраняться (три «старых» члена). Еще раз подчеркнем, что в составе Комиссии со времени ее основания оставались К. К. Атрахович и А. Я. Малышев. Во главе Комиссии стоял министр культуры (сначала Г. Я. Киселев, а с октября 1964 г. — М. А. Минкович), его заместителем был заместитель министра иностранных дел (сначала П. Е. Астапенко, а с декабря 1961 г. — А. Е. Гуринович). Состав Комиссии формировался республиканским МИД и утверждался правительством после одобрения ЦК КПБ. В рассматриваемый

период ответственными секретарями Комиссии являлись сотрудник министерства культуры Е. Ф. Безродный (до конца 1958 г.), а затем кадровые дипломаты В. С. Колбасин (до декабря 1961 г.) и Г. К. Новицкий; последние два стажировались в Париже по приглашению генерального директора ЮНЕСКО, выступали с отчетами на заседаниях коллегии республиканского МИД. В 1958 г. при Комиссии были созданы три комитета — по образованию, науке и культуре — из 15 человек каждый. Члены Комиссии находились в составе делегаций на сессиях Генеральной конференции, конференциях европейских национальных комиссий, координационных совещаниях представителей социалистических стран и других форумах. Заседания Комиссии проводились один-два раза в году, практиковались совместные заседания с коллегией республиканского внешнеполитического ведомства. Комиссия руководствовалась указаниями ЦК КПБ и правительства республики, Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО. Ее деятельность значительно активизировалась с 1962 г., после того как в Париже начал работу Постоянный представитель республики при Организации Б. В. Кудрявцев. Члены Комиссии приняли активное участие в подготовке визитов в республику ряда ответственных сотрудников Секретариата ЮНЕСКО, в том числе на уровне заместителя Генерального директора, а также американского сенатора и члена Национальной комиссии Чили, во время сессий Генеральной конференции встречались с Генеральным директором Р. Майо.

Кроме международных конференций, созываемых ЮНЕСКО, формами участия в организации были составление ответов на вопросники организации, реализация субсидий по Программе участия, деятельность по устройству белорусских представителей на работу в Секретариат, координация подготовки публикаций по вопросам образования, науки и культуры, переводов произведений белорусской литературы. Взаимодействуя с Секретариатом, важным направлением своей деятельности Комиссия считала также популяризацию ЮНЕСКО среди населения советской Белоруссии (информирование через средства массовой информации, организация выставок, чтение лекций).

Министерство иностранных дел Белорусской ССР курировало работу Комиссии. Межведомственная по составу, она являлась приведомственным, «мидовским» органом, что стало особенно очевидным с 1959 г., когда ее ответственным секретарем был утвержден сотрудник республиканского министерства иностранных дел В. С. Колбасин. Несмотря на то что председателем Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО являлся министр культуры Г. Я. Киселев, на заседаниях коллегии и партийных собраниях, в годовых отчетах этого министерства вопросы об участии республики в деятельности организации не рассматривались. При подготовке конференций, проводимых ЮНЕСКО, министерство культуры играло роль «свадебного генерала», ограничиваясь подготовкой совместных с МИД ответов на информационные запросы или ведя по его подсказке небольшую переписку со штаб-квартирой.

Комиссия самокритично указывала на нереализованный потенциал в использовании возможностей ЮНЕСКО для пропаганды достижений республики, малочисленность инициативных предложений, недостаточные оперативность и качество

материалов для штаб-квартиры организации, а также задержки в оформлении стипендиатов республики, пассивное ожидание того, что предложит Париж. Она призывала к «активной наступательной деятельности».

Библиографические ссылки

1. Архив Министерства иностранных дел Республики Беларусь. Ф. 907, оп. 3.
2. Знешняя палітыка Рэспублікі Беларусь : зб. дакументаў і матэрыялаў. Т. 5 / склад. : У. М. Міхнюк, У. К. Ракашэвіч, А. В. Шарапа, Ш. Г. Яцкевіч. Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2002.
3. Национальный архив Республики Беларусь.
4. *Свилас С. Ф.* Деятельность Белорусской ССР в ЮНЕСКО (1954–1964 гг.). Минск : БГУ, 2013.

Статья поступила в редакцию в июне 2015 г.

О РЕАКЦИИ США НА ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ СОЮЗНЫМ РЕСПУБЛИКАМ СССР ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПОЛНОМОЧИЙ В ФЕВРАЛЕ 1944 г.

В. Е. Снапковский

В статье исследуется реакция США на конституционные изменения в СССР (февраль 1944 г.), выразившиеся в предоставлении союзным республикам внешнеполитических и оборонных полномочий. Отмечается, что США, как и Великобритания, с удивлением, подозрением и тревогой восприняли эту реформу Советского правительства, которое не объяснило союзникам мотивы неожиданных для них решений.

The article examines the US reaction towards the constitutional changes in the Soviet Union (February 1944) reflected in provision of foreign and defense powers to the Union republics. It is noted that the USA as well as Great Britain embraced with surprise, suspicion and anxiety the reform of the Soviet government which did not explain to the allies the motives of such an unexpected for them decision.

Ключевые слова: СССР; США; союзные республики; внешнеполитические полномочия союзных республик; конституционная реформа 1944 г.

Keywords: the USSR; the USA; the Union Republics; foreign policy powers of the Union republics; 1944 constitutional reform.

Как уже говорилось в одной из статей, советскому правительству не удалось добиться предоставления ряда союзных республик, в том числе Белорусской ССР, в составе Комиссии Объединенных Наций по военным преступлениям (КОНВП) [5]. Западные союзники отклонили просьбу СССР, мотивируя это отсутствием у союзных республик статуса субъектов международного права. Отказ союзников явился причиной того, что Советский Союз решил не вступать в состав КОНВП. Однако советское правительство вплоть до 1947 г. не оставляло попыток добиться включения семи союзных республик в состав этой Комиссии, которые, однако, оказались безуспешными [9, р. 112, 158; 10, р. 318].

Именно отказ Великобритании и США удовлетворить просьбу побудил советское руководство к тому, чтобы вернуть республикам внешнеполитические полномочия, которые они делегировали центру при вступлении в Союз ССР. 1 февраля 1944 г. Верховный Совет СССР единогласно принял Закон «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и о преобразовании в связи с этим Народного комиссариата иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский народный комиссариат». Согласно этому Закону союзные республики получали право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями. Закон внес изменения в Конституцию СССР 1936 г., дополнив ее статьей 18-а, закреплявшей право каждой союзной республики вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами. К ведению Союза ССР было в связи с этим отнесено установление общего порядка во взаимоотношениях союзных республик с иностранными государствами. За ним сохранялось представительство Союза ССР в международных сношениях, заключение, ратификация и денонсация договоров СССР с другими государствами и все другие права в области международных отношений, предусмотренных статьями 14

и 49 Конституции СССР. Был принят также Закон «О создании воинских формирований союзных республик» [2, с. 50–51].

Конституционные изменения в СССР вызвали большой международный резонанс [6, с. 19–29]. Первой из зарубежных изданий на далеко идущие решения январского Пленума ЦК ВКП(б) откликнулась газета «Нью-Йорк таймс», поместившая 30 января 1944 г. статью под характерным названием «Советская “автономия” беспокоит союзников. План увеличения полномочий республик направлен на обеспечение контроля за столом мирных переговоров». Газета писала, что решения Пленума и намерение рассмотреть вопрос о расширении «автономии» союзных республик в советском парламенте вызвали в «дипломатических кругах Вашингтона и Лондона большой интерес и определенный испуг», поскольку они увидели в этом стремление усилить голос России на послевоенных международных форумах. СССР, расширив «автономию 16 советских республик», мог бы заслонить даже Британское Содружество наций, каждый из 6 доминионов которого был представлен в главных столицах мира. «Нью-Йорк таймс» напомнила о том, что В. М. Молотов (он был назначен председателем Комиссии по проектам послевоенного государственного устройства стран Европы, Азии и других частей мира. — В. С.) недавно проявлял большой интерес к организации Британского Содружества и представительству его членов за рубежом. Как заключала газета, предоставление республикам внешнеполитических полномочий придаст полезную гибкость советской внешней политике, но не сделает более легкой жизнь иностранных представителей в СССР [12]. Своим глубоким комментарием это хорошо информированное издание предугадало смысл решений Верховного Совета СССР и во многом предопределило тон последующих выступлений прессы США и Великобритании по этому вопросу.

Американские агентства Ассошиэйтед Пресс и Юнайтед Пресс, английское Рейтер, все влиятельные американские и английские газеты

опубликовали доклад В. М. Молотова полностью или с пространными выдержками, что было редко в их практике и свидетельствовало о большом значении, придаваемом на Западе решениям Верховного Совета СССР. Появились и первые официальные отклики. Государственный секретарь США К. Хэлл на своей пресс-конференции 3 февраля 1944 г. сказал, что принятое Верховным Советом предложение советского правительства о предоставлении союзным республикам внешнеполитических полномочий не обсуждалось на Московской конференции министров иностранных дел США, СССР и Великобритании, на которой он присутствовал, что это исключительно юрисдикция советского правительства и что было бы лучше подождать и посмотреть, чем комментировать это [11].

Реакции официальных политических кругов Великобритании на конституционные изменения в СССР не последовало. Однако тон комментариев английской печати в целом был более доброжелательным, чем американской, на что указывала «Правда» [3]. Агентство Рейтер сообщало, что английские авторитетные круги проявляют большой интерес и полное понимание этого важного события, свидетельствующего о том, что за последние 20 лет республики вышли «из детского возраста». Газета «Дейли мейл» называла решения сессии «величайшими конституционными изменениями с момента русской революции». Агентство Ассошиэйтед Пресс указывало, что, по мнению английских официальных кругов, произошло важное событие большого значения для СССР и внешнего мира, представляющее особый интерес для послевоенной реконструкции [4].

Ниже представлена реакция дипломатических кругов США на конституционные изменения в СССР, изученная на основе официального издания Госдепартамента США «Внешние сношения Соединенных Штатов. Дипломатические бумаги» (*Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1944. Volume IV: Europe*). Этот вопрос частично освещен в статье украинского историка В. Гриневича о создании Наркомата обороны УССР в 1944 г. [1; 7], а также в нашей монографии о первоначальном членстве БССР в ООН [6]. В данной статье автор исследует этот сюжет более широко, используя все относящиеся к нему документы, опубликованные в соответствующем томе упомянутого выше дипломатического издания США.

Посол США в СССР А. Гарриман в телеграмме Государственному секретарю К. Хэллу 31 января 1944 г. сообщал, ссылаясь на одного из сотрудников советского НКВД, что на повестке дня предстоящей сессии Верховного Совета СССР будет вопрос о замене союзных наркоматов обороны и иностранных дел союзно-республиканскими, что даст советским республикам право обмениваться дипломатическими представительствами с иностранными государствами в случаях, когда союзная республика и иностранное государство пожелают этого. В этом советское правительство намеревалось учитывать опыт Британского Содружества. Это также означало учреждение наркоматов иностранных дел в каждой из 16 союзных республик. Гарриман отмечал,

что он не располагает пока информацией, полученной от властей, насколько на самом деле будет расширена автономия отдельных союзных республик [8, p. 809].

В следующей телеграмме Госсекретарю К. Хэллу от 2 февраля А. Гарриман сообщал о дискуссии и решениях сессии Верховного Совета СССР, отмечая их единогласный характер и отсутствие оппозиции предложенным законопроектам. Полный перевод доклада Молотова был отправлен в Госдепартамент 3 февраля, а переведенные тексты законов — 8 февраля. Они были опубликованы в бюллетене Госдепартамента 6 мая 1944 г. [8, p. 810–811].

Первый серьезный и глубокий анализ конституционных изменений в СССР был сделан по свежим следам начальником Восточноевропейского отдела Госдепартамента США Ч. Боленом 3 февраля. Его меморандум был получен Госсекретарем К. Хэллом, начальником Европейского отделения Госдепартамента Д. Данном и его заместителем Ф. Метьюсом [8, p. 811–813]. Ч. Болен писал, что полностью значение изменений в наркоматах обороны и иностранных дел можно будет оценить только тогда, когда станет известно, каким образом эти изменения будут реализованы. Само по себе это не означает большого сдвига в направлении децентрализации и существенно не изменяет конституционную структуру Советского Союза. По его словам, централизованный контроль Москвы никогда не осуществлялся через правительственные структуры, а через коммунистическую партию, и без сомнения он будет продолжаться проводиться через партийные каналы. В советский конституционный механизм не были внесены базовые структурные изменения, поскольку союзно-республиканские наркоматы являются скорее правилом, чем исключением в правительстве СССР. Исходя из этой правительственной оценки сущности советской политической системы Ч. Болен высказывал сомнение, что вряд ли союзный НКВД откроет отделения во всех 16 республиках. В действительности наряду с высшим органом в лице НКВД СССР в Москве будут созданы наркоматы по иностранным делам в 16 республиках [8, p. 811].

Одно из ключевых мест в меморандуме Ч. Болена звучало следующим образом: «Несмотря на то что эти изменения в Конституции дают каждой из 16 республик теоретическое право поддерживать отношения и вести переговоры с иностранными правительствами, очевидно, что это право будет использоваться в соответствии с решением Москвы. Пока нет свидетельств того, что данный закон означает открытие 16 дипломатических представительств СССР в столицах стран мира. Всесоюзный комиссариат будет продолжать говорить от имени России по большинству международных вопросов» [8, p. 812]. Как известно, в будущем так и произошло.

Таким же образом в меморандуме оценивается план создания вооруженных формирований союзных республик. В этой связи говорится, что право создания вооруженных структур союзными республиками не повлияет на первоочередную ответственность союзного правительства за воору-

женные силы СССР, что, наверное, будет означать только изменение имен частей из разных союзных республик.

Возвращаясь к толкованию мотивов, лежащих за этими изменениями, американский дипломат писал, что некоторые из них очевидны, для выяснения других потребуется время. Он считал, что одна из первоочередных целей Кремля — сделать более привлекательной реинкорпорацию Прибалтийских стран в состав СССР, чтобы они получили видимость полунезависимых государств с собственными министерствами иностранных дел и обороны. Это также облегчило бы более позитивное восприятие мировым общественным мнением инкорпорации Восточной Польши, что означало бы объединение украинцев и белорусов с Украинской и Белорусской республиками, а не доминирование над ними Москвы. В связи с этим Ч. Болен считал, что конституционные изменения проводятся не только для того, чтобы представить эти территориальные приобретения более привлекательными перед мировым общественным мнением, но и для представителей этих заинтересованных регионов.

В меморандуме далее высказывалось предположение, что, поскольку будет невозможно помещать Советскому правительству использовать 16 союзных республик, чтобы получить больший вес во время международных переговоров, ряд международных вопросов будет ограничен несколькими отдельными темами, а не переговорами на высоком политическом уровне. Эти изменения можно было предвидеть после докладов из Лондона, когда Москва настаивала, что если британские доминионы будут представлены в КОНВП, то там должны быть и союзные республики СССР. Весьма вероятно, что каждая союзная республика установит дипломатические отношения с пограничными государствами, с которыми она имеет общие проблемы, но под контролем и руководством Москвы. Например, Беларусь и Украина смогут после войны поддерживать отношения с Польшей, три прибалтийские республики — Финляндией, среднеазиатские республики — Афганистаном, а кавказские — Ираном и Турцией [8, p. 812–813].

По мнению автора меморандума, нет оснований верить в то, что эти изменения свидетельствуют о желании облегчить инкорпорацию других стран, несмотря на то что они могут принести пользу. Необходимо помнить, что все территории, на которые распространилось влияние Москвы перед войной, были основательно советизированы и взяты под полный контроль. Попытки применить эту политику в отношении несоветских территорий только усилят обвинения СССР в империализме и не дадут значительных преимуществ [8, p. 813].

В принципе в подобном ключе была выдержана и телеграмма американского посла А. Гарримана Госсекретарю К. Хэллу от 6 февраля [8, p. 820–823]. В ней также говорилось о том, что еще слишком рано оценивать последствия решений Верховного Совета по реорганизации наркоматов обороны и иностранных дел. Однако некоторые аспекты принятых решений считались уже

понятными, и Госдепартаменту предлагалось ознакомиться с их возможными мотивами и последствиями как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

А. Гарриман, в частности, обращал внимание на то, что И. В. Сталин лично был заинтересован национальными проблемами на территории СССР, являясь выходцем из «националистической Грузинской республики». Не удивительно, что он стремится двигаться в направлении сохранения и развития возможностей для выявления национального самосознания при условии, что это будет содействовать объединению, а не ослаблению связей, скрепляющих Советский Союз.

Американский посол был удивлен тем, что объектом децентрализации избраны оборона и внешняя политика, которые, с точки зрения США, являются двумя основными функциями для поддержания центром своей власти. С другой стороны, Конституция СССР рассматривалась им как уникальный инструмент советского правительства, поскольку даже там, где были созданы республиканские наркоматы, ими руководил центральный наркомат в Москве. Как и Ч. Болен, А. Гарриман подчеркивал, что основной конституционной структурой в СССР является коммунистическая партия: она не только глаза и уши Кремля, но и самый лучший инструмент для проведения решений. На втором плане находится НКВД с более прямыми методами реализации воли Кремля. По мнению посла, эти новые методы управления созданы для укрепления центрального контроля в сфере базовой политики, несмотря на стимулирование местных интересов. В сфере внутренней политики принятые изменения интерпретировались как «первые меры для укрепления возникшего в результате войны высшего лидерства Сталина в послевоенный период» [8, p. 821].

Гарриман считал, что мотивы децентрализации лучше можно оценить на примере создания союзно-республиканского наркомата обороны, чем союзно-республиканского НКВД. Он писал, что с осени 1943 г. у него сложилось впечатление, что русские люди устали от войны и Кремль этим серьезно обеспокоен. Задуманный проект направлен на то, чтобы усилить интерес к службе в Красной армии. Отличия в языках и обычаях создавали трудности в объединении разных национальных групп в единые воинские части. Предложенная схема содействовала бы формированию дивизий в границах республик. Было бы легче убеждать молодых людей служить в местных частях, чем в лишенной национального колорита союзной армии. Население с большим желанием платило бы налоги в мирное время для поддержки армии своей республики. И что еще важно: частичная децентрализация армии и снижение большого политического влияния содействовали бы уменьшению ее политического веса после войны.

С точки зрения внешней политики новый механизм создавал впечатление двустолки, что позволяло в отношениях с иностранными государствами использовать тот или другой ствол в зависимости от его эффективности. А. Гарриман

сомневался, смогут ли Советы предсказать, каким образом это оружие будет функционировать. Без сомнений, он считал, что Союз сохранит контроль над вопросами типа тех, которые обсуждались в Москве и Тегеране.

А. Гарриман в качестве побочного продукта конституционных изменений предполагал, что Советы будут рассчитывать на получение более чем одного голоса на международных конференциях аналогично Британскому Содружеству и США, которые, по мнению Москвы, имеют возможность влиять на латиноамериканские республики. Как известно, этот «побочный продукт» оказался основным в советской дипломатии, когда СССР на конференции в Думбартон-Оксе выдвинул предложение-просьбу-требование о включении всех 16 союзных республик в состав государств-учредителей будущей ООН [8, р. 822–823].

После нескольких телеграмм А. Гарримана из Москвы и меморандума Ч. Болена высказаться, и довольно категорически, по поводу конституционной реформы в СССР решил Государственный секретарь К. Хэлл. Телеграмму американскому послу в Москве 9 февраля он начал словами: «Я чрезвычайно обеспокоен реакцией в прессе и в других сферах Соединенных Штатов на успешные шаги Правительства СССР в области внешней политики. Ваши телеграммы, как я Вам уже сообщал, имели чрезвычайно большое значение для нас во время продолжительного рассмотрения этой проблемы, которые президент, а также я и мои помощники проводили по всем аспектам ситуации» [8, р. 824–825].

К. Хэлл изложил видение новой ситуации со стороны Госдепартамента и других официальных учреждений США. По его словам, последние шаги Советского Союза в области внешней политики создают подозрения относительно настоящих мотивов советского правительства. В связи с другими сложностями между союзниками на международной арене конституционные изменения с неясными до настоящего времени последствиями в области внешней политики озадачили и обеспокоили американский народ. Он особо подчеркивал, что это делается без объяснения, понятного американскому народу, что усиливает подозрения, которых американцы хотели бы избежать относительно советской действительности, что в противном случае может подорвать веру в ценность результатов Московской и Тегеранской конференций [8, р. 826].

10 февраля А. Гарриман направил телеграмму К. Хэллу с информацией об обеде, который В. М. Молотов дал в честь британского посла А. К. Керра, где присутствовал и посол США. В беседе с ним Молотов сказал, что вопрос об обмене представителями между любой союзной республикой и США является вопросом, который целиком будет решаться этой республикой и США. А. Гарриман отметил в связи с этим, что США не готовы решать вопрос о принятии у себя представителей правительств балтийских советских республик [8, р. 828–829].

Завершающей телеграммой из серии вышеприведенных на тему конституционных изменений в

СССР была телеграмма А. Гарримана К. Хэллу от 20 февраля 1944 г. В ней посол вновь выражал свое удивление мотивам, приведшим к реорганизации советского Министерства иностранных дел, отмечая, что это все еще остается для него загадкой, и высказывал свои взгляды о возможных последствиях этого шага для советской внешней политики. Он, в частности, писал: «Я не почувствовал во время моих многих бесед с советскими официальными лицами какой-либо разницы между их нынешними целями и целями, представленными нам в Москве и Тегеране, несмотря на тот факт, что методы, которые они используют, являются грубыми и гнусными с точки зрения наших стандартов поведения. Я до сих пор убежден, что они твердо намерены придерживаться заявленных ими целей» [8, р. 944].

Изучение реакции США на конституционные изменения в СССР, которая оказалась наиболее прямой и широкой, а также Великобритании показывает, что западные союзники с удивлением, подозрением и тревогой восприняли новации Москвы. Причина этого крылась в том, что Кремль не объяснил им своих замыслов и намерений, а публично, выдержанного в духе кондовой советской пропаганды молотовского толкования оказалось для них явно недостаточно. Эта проблема не обсуждалась на Московской и Тегеранской конференциях. Поэтому столь активен был обмен телеграммами между Посольством США в СССР и Госдепартаментом США между 31 января и 20 февраля 1944 г. по данному вопросу.

Мотивацию конституционной реформы пытались понять и объяснить все высшее руководство США, начиная с президента Ф. Д. Рузвельта, продолжая Госсекретарем К. Хэллом и начальником Восточноевропейского отдела Госдепартамента Ч. Болена и заканчивая послом в Москве А. Гарриманом. Подготовленные ими документы представляли немалый интерес с точки зрения попыток объяснения загадочного для них решения Кремля. Однако, как нам представляется, истинный смысл этого решения американским политикам и дипломатам разгадать не удалось, хотя Ч. Болен и А. Гарриман указывали в своих аналитических документах на такую возможность. Речь шла о планах сталинского руководства получить в лице союзных республик множество голосов на международных конференциях и создаваемых международных организациях. Американские дипломаты считали эти планы побочным, вторичным результатом конституционной реформы, концентрируя главное внимание на возможностях инкорпорации в СССР новых стран. Оказалось однако, что именно эти планы множественного представительства республик были главными в тайных планах Кремля. Поэтому для США и Великобритании стала полной неожиданностью «предложение-просьба-требование» СССР, выдвинутое на конференции в Думбартон-Оксе 28 августа 1944 г. о включении всех 16 союзных республик в число государств — основателей Международной организации безопасности. Однако это уже тема особого исследования.

Бібліографічні посилання

1. *Гриневич В. А.* Утворення Наркомату оборони УРСР у 1944 р.: з історії однієї політичної гри // Український історичний журнал. 1991. № 5. С. 29–37.
2. X сесія Верховного Совету СССР 1-го созыва. Доклады и законы, принятые Верховным Советом СССР. Сыктывкар, 1944.
3. Правда. 1944. 3–5 февр.
4. Правда. 1944. 4 февр.
5. *Снапковский В. Е.* О советском требовании включить ряд союзных республик в состав Комиссии Объединенных Наций по военным преступлениям (июль – декабрь 1943 г.) // Труды факультета международных отношений : науч. сб. Минск : БГУ, 2011. Вып. 2. С. 29–32.
6. *Снапковский В. Е.* Путь Беларуси в ООН: 1944–1945 гг. Минск : Навука і тэхніка, 1994.
7. *Снапковский В. Е.* Про статтю В. А. Гриневича «Утворення Наркомату оборони УРСР у 1944 р.: з історії однієї політичної гри» // Український історичний журнал. 1992. № 1. С. 155–157.
8. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1944. Vol. IV: Europe. Washington : Gov. print office, 1956.
9. History of the United Nations War Crimes Commission and the Development of the Laws of War. London : HMO, 1948.
10. Postwar Foreign Policy Preparation, 1939–1945. Washington : Gov. print office, 1949.
11. The New York Times. 1944. 3 Feb.
12. The New York Times. 1944. 30 Jan.

Стаття поступила в редакцію в має 2015 г.

ВНЕШНЯЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В 2006–2014 гг.

А. М. Чиж

В 2006–2014 гг. происходил активный процесс формирования и реализации энергетической политики Европейского союза. Страны — члены ЕС предпринимали шаги по созданию единого энергетического рынка, внедряли энергоэффективные технологии и развивали возобновляемую энергетику. В то же время объединение налаживало двустороннее и многостороннее сотрудничество в энергетической сфере на международной арене. В статье на основе новых документов и статистических данных проанализированы ключевые направления внешней энергетической политики Европейского союза в 2006–2014 гг. Рассмотрены зависимость участников Евросоюза от внешних поставщиков энергоносителей, характер взаимоотношений ЕС с потребителями энергоресурсов, а также проблемы взаимодействия с транзитными государствами.

An intense process of formation and implementation of the EU energy policy took place in 2006–2014. The Member States undertook steps to create a single energy market, introduced energy efficiency technologies and developed renewable energy. Meanwhile, the Union made efforts to establish bilateral and multilateral cooperation in the energy sphere on the international arena. Based on new documents and statistical data, this article investigates into the key directions in the external energy policy of the European Union in 2006–2014. The author analyzes the dependence of the EU members on external energy suppliers, the nature of the relations between the EU and main energy consumers as well as the challenges of cooperation with transit states.

Ключевые слова: внешняя энергетическая политика; диверсификация поставок энергоресурсов; транзитные государства; альтернативные пути доставки; энергетическая безопасность.

Keywords: external energy policy; energy supplies diversification; transit states; alternative supply routes; energy security.

В 2006–2014 гг. Европейский союз активно формировал и реализовывал энергетическую политику: создавал единый энергетический рынок, внедрял энергоэффективные технологии и развивал возобновляемую энергетику. Кроме того, объединение предпринимало конкретные шаги по налаживанию двустороннего и многостороннего сотрудничества в энергетической сфере на международной арене.

Энергетическая политика в связи с ее возрастающим значением не только для государств-членов, но и для партнеров Европейского союза вызывает все больший интерес различных исследователей.

Весомый вклад в изучение энергетической политики ЕС внесла, например, И. Пашковская, которая рассматривает проблемы энергообеспечения Евросоюза в контексте необходимости развития атомной энергетики вопреки наметившейся в Западной Европе тенденции к отказу от ее использования [21]. Критически оценивая стремление Европейского союза максимально снизить импорт российских энергоносителей, исследователь подчеркивает, что оно обусловлено в первую очередь недоверием, сохранившимся со времен холодной войны [22]. Кроме того, И. Пашковская подробно рассмотрела проект создания газопровода «Набукко» и проанализировала перспективы его строительства [23]. В то же время А. Дубровина в своих работах [7; 8], посвященных отношениям России и ЕС в энергетической сфере, указывает на прямую взаимосвязь между характером внешней политики России и наличием у нее значительных запасов энергоресурсов, а также отмечает их важность для усиления российского влияния на международной арене. Ю. Сафоновой изучены место и роль стран Центральной и Восточной Европы в энергетической политике Евросоюза [25], а И. Махначом — результаты энергетического диалога по линии Россия — ЕС [15].

Собственное исследование возможностей создания газового рынка в Европе представил Л. Падалко [19]. Им также была рассмотрена роль энергетической безопасности в развитии национальной экономики Беларуси [20]. В материалах экономического обозревателя Т. Маненок проанализированы проблемы энергетической безопасности Республики Беларусь в рамках ее взаимоотношений с Российской Федерацией [13; 14].

Работы американской исследовательницы М. Бальмаса посвящены сравнительному анализу политики в энергетическом секторе Беларуси, Литвы и Украины [35]. В ряде публикаций Оксфордского института энергетических исследований детально изучены конфликты России с Республикой Беларусь и Украиной вокруг поставок и транзита энергоносителей, а также их влияние на энергетическую политику Европейского союза [75; 85].

Цель настоящей статьи — на основе новых документов и статистических данных изучить и определить ключевые направления внешней энергетической политики Европейского союза в 2006–2014 гг.

В 2006–2012 гг. (2012 г. — это последний год, для которого доступны официальные данные Eurostat по всем рассматриваемым показателям) структура основных экспортеров нефти и природного газа в Европейский союз не претерпела существенных изменений. Лидером по-прежнему оставалась Россия с долей в пределах 33,7–34,8 % по нефти и 29,5–39,3 % по газу. Второе место прочно закрепилось за Норвегией, доля которой в импорте природного газа к 2012 г. выросла до 31,3 %, но доля в импорте нефти снизилась до 11,1 %. Третье место в импорте природного газа принадлежало Алжиру (13–16,4 %). Примечательно, что доля Катар в импорте газа в 2006 г. находилась на уровне лишь 1,8 %, а к 2011 г. достигла максимума в 11 %, но затем снизилась до 8,4 % в 2012 г. Что касается нефти, то в различные годы в пятерку ведущих поставщиков

входили Казахстан, Ливия, Нигерия, Саудовская Аравия [42; 43].

Таким образом, в рассматриваемый период наблюдалась чрезвычайно высокая зависимость стран — членов ЕС от двух основных поставщиков нефти и природного газа. При этом особенно ярко она проявилась в импорте природного газа, где на Россию и Норвегию вместе приходилось 60–70 %. Данная ситуация увеличивает риск того, что в случае снижения по каким-либо причинам объемов экспорта энергоносителей из этих стран Европейский союз может столкнуться с дефицитом топливно-энергетических ресурсов.

В связи с этим ЕС избрал диверсификацию поставок энергоносителей в качестве одного из ключевых направлений энергетической политики. В соответствии с ней определен ряд стран и регионов, которые могут быть перспективными источниками углеводородного топлива. Первое место в данном перечне занимает Норвегия, обладающая 0,6 % мировых запасов нефти и 1,6 % запасов газа и рассматриваемая в качестве альтернативы России. Норвегия полностью интегрирована в энергетические рынки Европейского союза посредством Договора о европейской экономической зоне [29], и на нее распространяется законодательство ЕС в сфере энергетики. Стороны координируют свою энергетическую политику в рамках встреч между еврокомиссаром по энергетике и министром нефти и энергетики Норвегии, регулярно проводимых с 2005 г. В 2007 г. было введено в эксплуатацию газовое месторождение Ормен Ланге мощностью около 400 млрд куб. м [71] на норвежском шельфе. Добываемый здесь природный газ поставляется в Великобританию по морскому трубопроводу протяженностью 1200 км. Ожидается, что благодаря этим поставкам Соединенное Королевство сможет удовлетворять до 20 % своих потребностей по газу в течение 30–40 лет [69].

Наряду с Норвегией важное место в энергетической политике ЕС занимают государства Северной и Континентальной Африки, такие как Алжир, Египет, Ливия, Нигерия, Чад, Судан и Ангола. Следующую группу составляют страны Черноморско-Каспийского и Центральноазиатского регионов, обладающие одними из крупнейших запасов нефти и газа на планете. В последнюю группу потенциальных поставщиков энергоносителей в Европейский союз входят государства Ближнего Востока и Персидского залива [21, с. 67].

В 2008 г. Европейская комиссия впервые предложила проект Южного газового коридора для осуществления поставок природного газа из Каспийского региона. В качестве возможных партнеров назывались Азербайджан и Туркменистан, а в более отдаленной перспективе — Узбекистан и Иран [33]. Следует отметить, что и с Азербайджаном, и с Туркменистаном ЕС подписал меморандумы о взаимопонимании по углубленному сотрудничеству в энергетической сфере в 2006 г. и в 2008 г. соответственно. Но характер такого сотрудничества существенно различался. Если в случае с Туркменистаном речь шла об обмене информацией и опытом, а также о создании благоприятных условий для развития и инвестирования в энергетиче-

ский сектор [61], то с Азербайджаном Евросоюз установил стратегическое партнерство. Оно предполагало гармонизацию законодательства в сфере рынков электроэнергии и природного газа, укрепление безопасности существующих путей доставки нефти и газа (нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан и Южнокавказский газопровод), а также строительство новых трубопроводов для транспортировки газа из месторождения Шах Дениз европейским потребителям [62].

Но лишь спустя 5 лет стратегическое партнерство между ЕС и Азербайджаном привело к конкретным договоренностям по вопросу поставок природного газа из региона Каспийского моря. 13 января 2011 г. президент Азербайджана И. Алиев и председатель Еврокомиссии Ж. Баррозу подписали совместную декларацию, которая официально положила начало реализации проекта Южного газового коридора [55]. Декларация также подтверждала, что Азербайджан будет поставлять по нему природный газ, источником которого станет месторождение Шах Дениз на глубоководном шельфе Каспийского моря в 70 км на юго-восток от Баку. По данным компании British Petroleum (BP), являющейся оператором этого месторождения, оно содержит свыше 1 трлн куб. м газа [82].

Согласно принятому 17 декабря 2013 г. окончательному инвестиционному решению (ОИР) по добыче природного газа во второй фазе разработки месторождения Шах Дениз объем иностранных капиталовложений составит свыше 18 млрд евро для строительства морских платформ и бурения подводных скважин. Планируется, что первые поставки в Грузию и Турцию начнутся в конце 2018 г., а в ЕС — к 2020 г. Первоначально Шах Дениз II будет обеспечивать 16 млрд куб. м/год, из которых 6 млрд куб. м будут поставляться в Турцию, а 10 млрд куб. м — в Евросоюз [54].

Предполагалось, что одним из главных участников Южного газового коридора станет газопровод «Набукко», договор о строительстве которого был подписан 13 июля 2009 г. в Анкаре между представителями правительств транзитных государств — Австрии, Болгарии, Венгрии, Румынии и Турции — в присутствии председателя ЕК Ж. Баррозу и еврокомиссара по энергетике А. Пибалгса. В соответствии с документом первые поставки газа по названному газопроводу должны были начаться уже в 2014 г. Однако главный вопрос в отношении поставщика газа для «Набукко» — Азербайджан, Иран (против этой кандидатуры выступили США) или Ирак — оставался нерешенным [45].

После подписания совместной декларации в январе 2011 г. Азербайджану предстояло выбрать приоритетный трубопровод для поставки природного газа в Европейский союз — «Набукко», ITGI (Турция — Греция — Италия), Белый поток (Грузия — Украина — Румыния) и Трансанатолийский газопровод (ТАР). В июне 2012 г. международный консорциум Шах Дениз предварительно выбрал газопровод «Набукко-Запад» (Турция — Австрия) в качестве маршрута доставки газа в ЕС. Но в результате принятого в 2013 г. решения в пользу газопровода Южный газовый коридор сформировался

в составе дополнительной ветки Южнокавказского газопровода, Трансанатолийского газопровода (TANAP) и TAP, а проект «Набукко» был отложен, и его перспективы в настоящее время неопределенны [83].

Одним из стратегических партнеров Европейского союза в Каспийском регионе является Казахстан. В мае 2006 г. состоялся первый визит в страну еврокомиссара по энергетике А. Пибалгса. В ходе консультаций Астана подтвердила свою готовность провести встречу на уровне министров в рамках выдвинутой в ноябре 2004 г. в Баку региональной инициативы о взаимодействии в сфере энергетики между прибрежными государствами Черного и Каспийского морей и их соседями [37]. 4 ноября 2006 г. ЕС и Казахстан подписали меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в энергетической сфере. Он предполагает, в том числе, регулярный обмен информацией по вопросам энергетической политики, развитие инфраструктуры для транспортировки энергоресурсов, а также внедрение экологически чистых технологий [60].

30 ноября 2006 г. в Астане прошла вторая встреча на уровне министров, посвященная укреплению сотрудничества в сфере энергетики между ЕС, прибрежными странами Черного и Каспийского морей и их соседями. Участники встречи подписали совместную декларацию и разработали план действий, который нацелен на сближение их энергетических рынков, решение проблем в сфере импорта/экспорта и транзита энергоресурсов, развитие возобновляемой энергетики и внедрение энергоэффективных технологий, а также привлечение инвестиций в энергетический сектор [66]. В дальнейшем все проекты в рамках «Бакинской инициативы» осуществлялись по линии программы международной технической помощи INOGATE (Interstate Oil and Gas Transportation to Europe), реализуемой в 11 странах-партнерах Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии.

Таким образом, активные действия Европейского союза на Каспийском направлении в 2006–2014 гг. привели к ощутимым результатам в виде достижения договоренностей с основными участниками по одному из важнейших проектов диверсификации поставок природного газа – Южному газовому коридору. Характерно, что стратегическое партнерство между ЕС и странами данного региона предполагает развитие их отношений в сфере энергетики на принципах энергетического рынка Евросоюза. С одной стороны, для этих государств открываются перспективы единого свободного энергетического рынка ЕС; с другой – закрывается возможность интеграции в энергетический рынок Евразийского экономического союза (ЕАЭС), если такой рынок будет создан в рамках данного объединения, поскольку для участников ЕАЭС характерны регулируемые энергетические рынки в противоположность либерализованному рынку в рамках ЕС.

Европейский союз также активизировал сотрудничество в энергетической сфере с государствами Средиземноморского региона, которое основывается на принципах и договоренностях Барселонского процесса, инициированного в 1995 г.

Данное сотрудничество направлено на «содействие региональной интеграции энергетических рынков, укрепление энергетической безопасности, включая диверсификацию источников энергии и путей доставки энергоносителей, а также обеспечение экологической устойчивости энергетического сектора в регионе» [40].

Одним из ключевых партнеров ЕС в 2006–2014 гг. в названном регионе стал Алжир: было построено два газопровода в Испанию и Италию, пропускная способность каждого из которых составляет 8 млрд куб. м/год. Кроме того, в июле 2007 г. на форуме в Брюсселе еврокомиссар по энергетике А. Пибалгс заявил о проекте строительства Транссахарского газопровода для поставок природного газа из Нигерии через Алжир в ЕС [73], но проект так и остался на бумаге.

17 декабря 2007 г. был принят Приоритетный план действий по сотрудничеству в энергетической сфере между ЕС и странами Средиземноморья на 2008–2013 гг., который охватывал широкий круг вопросов от гармонизации законодательства в области энергетических рынков до инвестиций в научно-исследовательские разработки в ТЭК [67]. В 2010 г. завершилось объединение энергетических сетей Алжира, Марокко и Туниса, которое осуществлялось в 2007–2010 г. при техническом содействии Европейского союза [44]. По замыслам разработчиков именно такого рода проекты позволят сформировать единый энергетический рынок в Средиземноморье, что впоследствии обеспечит его быструю интеграцию в европейское энергетическое пространство.

В декабре 2008 г. подписание меморандума о взаимопонимании заложило основы стратегического партнерства между Европейским союзом и Египтом. Согласно документу Египет при поддержке ЕС должен разработать собственную энергетическую стратегию, а также комплексную программу развития возобновляемой энергетики и энергоэффективных технологий в сотрудничестве со специализированными ведомствами Евросоюза. Особое внимание уделялось проектам по добыче природного газа в стране, поскольку Египет рассматривается в качестве одного из перспективных его поставщиков в ЕС [63]. Финансирование сотрудничества в энергетике осуществлялось по линии Европейского инструмента соседства и партнерства, в котором на развитие египетской экономики, в том числе энергетического сектора, выделялось 220 млн евро (2007–2010 гг.) [39].

Однако события «арабской весны» 2011 г. внесли определенные изменения в перспективы сотрудничества Европейского союза с государствами Северной Африки. ЕС рассчитывал на получение новых возможностей для доступа к топливно-энергетическим ресурсам в регионе, особенно в Ливии. Но из-за гражданской войны добыча нефти в этой стране упала с 1,66 млн барр./сутки в 2010 г. до 479 000 барр./сутки в 2011 г., после чего восстановилась до 1,5 млн барр./сутки в 2012 г. и вновь упала до 988 000 барр./сутки в 2013 г. В Египте, напротив, добыча природного газа сохранялась на стабильном уровне и лишь в 2013 г. снизилась до 56,1 млрд куб. м. Но при

этом Египет потреблял почти весь добытый газ, и в 2012–2013 гг. экспорт данного топлива отсутствовал. Тем временем Ливия сумела восстановить объемы добычи природного газа с 7,9 млрд куб. м в 2011 г. до 12,2 млрд куб. м в 2012 г. и экспортировала в Италию 6,5 млрд куб. м [36].

К 2014 г. наметился новый формат взаимодействия в регионе. 11 июля на конференции представителей Европейского союза, государств Северной Африки и Восточного Средиземноморья было объявлено о создании Европейско-средиземноморской платформы сотрудничества в газовом секторе. Ее участниками планируют стать политики, промышленники, представители законодательных органов и игроки ТЭК [81]. 19 ноября 2014 г. на аналогичной встрече в Риме рассматривались перспективы создания Средиземноморского газового хаба и наращивания СПГ-мощностей в регионе. Было также объявлено об учреждении Европейско-средиземноморской платформы сотрудничества по формированию регионального рынка электроэнергии и Европейско-средиземноморской платформы сотрудничества в сфере возобновляемой энергетики и энергоэффективных технологий [52].

Таким образом, в рассматриваемый период ЕС осуществлял поиск наиболее приемлемых форм сотрудничества в энергетической сфере со странами Средиземноморья с учетом социально-экономических и политических рисков. События «арабской весны» привели к дестабилизации региона, которая негативно сказалась на нефтегазовом секторе, в первую очередь в Ливии и Египте. Поэтому Евросоюзу не удалось заключить каких-либо соглашений о реализации масштабных совместных проектов (наподобие Южного газового коридора в Каспийском регионе), однако он продолжил предпринимать шаги по интеграции средиземноморских стран в единый энергетический рынок.

Европейский союз также развивал сотрудничество с ключевыми поставщиками энергоносителей на мировой рынок в рамках диалога с ОПЕК. Первая подобная встреча состоялась 9 июня 2005 г. [57], а к концу 2014 г. их насчитывалось уже 11. В ходе диалога между ЕС и ОПЕК, который охватывает широкий круг проблем ТЭК и нефтяных рынков, стороны обмениваются мнениями и соответствующими данными, а также проводят совместные исследования и разрабатывают меры по предотвращению кризисных ситуаций на мировых энергетических рынках.

Одновременно ЕС расширяет контакты с отдельными странами — членами ОПЕК. Так, 31 января 2008 г. на встрече представителей Евросоюза и Ирака обсуждались перспективы поставок топливно-энергетических ресурсов из Ирака в страны Европы (в том числе и по газопроводу «Набукко») и возможности восстановления ТЭК Ирака [46].

18 января 2010 г. в Багдаде А. Пибалгс и министр нефти Ирака Х. аль-Шахристани подписали меморандум о взаимопонимании по стратегическому энергетическому партнерству, в соответствии с которым стороны намеревались обеспечить стабильные поставки энергоносителей из Ирака в ЕС, развивать возобновляемую энергетику и энергоэф-

фективные технологии в Ираке. Кроме того, Евросоюз выразил готовность оказать правительству в Багдаде поддержку в разработке собственной энергетической политики [64]. На церемонии подписания А. Пибалгс подчеркнул, что «Ирак может стать ключевым поставщиком газа для Южного газового коридора» [47].

11 мая 2012 г. ЕС и Ирак заключили Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС), в статье 91 которого подробно описаны направления взаимодействия двух сторон в энергетической сфере [72]. Соглашение предполагало восстановление энергетического сектора и инфраструктуры Ирака, создание благоприятных условий для инвестирования в разведку и добычу углеводородов в стране, интеграцию Ирака в региональные энергетические рынки, а также модернизацию его энергетической отрасли путем внедрения энергоэффективных технологий и использования возобновляемых источников энергии. Все это в долгосрочной перспективе могло позволить Ираку стать надежным поставщиком энергоносителей в Европейский союз. Однако в связи с дестабилизацией обстановки в Ираке и началом боевых действий против сил Исламского государства с 2013 г. тесное сотрудничество между сторонами в энергетической сфере оказалось практически невозможным.

Наряду с поисками альтернативных путей доставки природного газа Европейский союз продолжал сотрудничество с Россией. Наиболее масштабным реализованным проектом стала прокладка по дну Балтийского моря газопровода «Северный поток», обладающего пропускной способностью 55 млрд куб. м/год. К сопоставимым по масштабам относился и проект «Южный поток» — газопровода по дну Черного моря.

Однако в связи с тем, что Болгария долгое время не давала разрешения на прокладку трубы, Россия была вынуждена отказаться от него. Об этом на пресс-конференции в Анкаре 1 декабря 2014 г. заявил президент России В. Путин [24]. В тот же день между российской компанией «Газпром» и турецкой «Botas Petroleum Pipeline Corporation» был подписан меморандум о взаимопонимании по вопросам строительства морского газопровода в направлении Турции [16], что позволило преобразовать «Южный поток» в «Турецкий». Необходимо отметить, что подобные проекты газопроводов «не только обходят такие транзитные государства, как Беларусь и Украина, но и государства — члены ЕС, например, Польшу и Литву, которые чаще критикуют российскую политику» [77].

Вместе с тем Россия является единственным поставщиком энергоносителей, с которым ЕС установил тесные политические и экономические связи на основе взаимозависимости сторон в энергетической сфере. Еще 30 октября 2000 г. на саммите Россия — ЕС председатель Европейского совета Ж. Ширак и президент России В. Путин в присутствии генерального секретаря Совета Х. Соланы и председателя Еврокомиссии Р. Проди подписали совместную декларацию, в которой стороны договаривались о создании Энергетического диалога как постоянной структуры для взаимодействия

в энергетической сфере [51]. Общая цель диалога — «укрепить энергетическую безопасность европейского континента посредством установления более тесных отношений между Россией и ЕС, благодаря которым стороны могут решать все проблемы энергетического сектора, представляющие взаимный интерес, и при этом осуществлять политику, направленную на открытие и интеграцию энергетических рынков» [48].

Деятельность Энергетического диалога включает такие направления, как обеспечение надежных поставок энергоносителей в краткосрочной и долгосрочной перспективе; повышение энергоэффективности отрасли; обеспечение долгосрочных инвестиций; диверсификация импорта и экспорта энергоносителей; совершенствование правовых основ производства и транспортировки энергии; обеспечение физической безопасности транспортных сетей [28].

ЭнергодIALOG Россия — ЕС функционирует на нескольких уровнях. Руководящую роль играет Постоянный совет партнерства в составе министра энергетики России, еврокомиссара по энергетике, министра энергетики председательствующей в ЕС страны и министра энергетики будущей страны-председателя. На политическом уровне шаги сторон согласовываются координаторами ЭнергодIALOGа в лице министра энергетики России и еврокомиссара по энергетике [48]. Также в рассматриваемый период сформировались четыре тематические группы экспертов, работающих по ключевым направлениям сотрудничества:

- по энергетическим рынкам и стратегиям;
- электроэнергетике;
- энергоэффективности и инновациям;
- атомной энергетике [28].

Кроме того, 24 февраля 2011 г. министр энергетики России С. Шматко и еврокомиссар по энергетике Г. Эттингер договорились о создании Консультативного совета по газу в рамках Энергетического диалога, подчеркнув тем самым значение газового сектора в отношениях двух сторон. В соответствии с принятыми решениями задачами Консультативного совета являются:

- анализ развития газовых рынков Российской Федерации и ЕС;
- оценка развития добычи газа, спроса на газ и его транспортировки;
- оценка развития перспектив поставок и потребления газа;
- обсуждение аспектов, связанных со структурой и инфраструктурой рынка [12].

В ноябре 2009 г. координаторы ЭнергодIALOGа в лице министра энергетики С. Шматко и еврокомиссара по энергетике А. Пибалгса подписали Меморандум о механизме раннего предупреждения в энергетическом секторе, предполагающий «своевременную оценку потенциальных рисков и проблем, связанных со спросом и предложением природного газа, нефти и электроэнергии, а также предотвращение и быстрое реагирование на чрезвычайные ситуации или угрозу возникновения чрезвычайных ситуаций» [59]. В Меморандуме изложены конкретные меры и механизмы для борь-

бы с кризисными ситуациями, а также определены структуры, ответственные за взаимодействие сторон: экспертная группа механизма раннего предупреждения и специальная группа мониторинга.

Одним из важнейших событий в отношениях Россия — ЕС стало принятие в марте 2013 г. Дорожной карты Сотрудничества между Россией и Европейским союзом в энергетической сфере до 2050 г., где подробно описываются главные задачи и направления взаимодействия сторон в целях обеспечения энергетической безопасности. Согласно данному документу «стратегической целью до 2050 г. должно быть создание панъевропейского энергетического пространства с функционирующей интегрированной сетевой инфраструктурой, открытыми, транспарентными, эффективными и конкурентными рынками, которые способствуют обеспечению энергетической безопасности и реализации задач устойчивого развития ЕС и России» [79]. Однако, несмотря на взаимовыгодный характер ЭнергодIALOGа, работа данного механизма в 2014 г. была приостановлена в связи с кризисом в Украине, а ее возобновление европейскими партнерами России увязывается с прогрессом в урегулировании украинского конфликта.

Следует отметить, что стабильность российской политической системы укрепила статус России как единственного надежного поставщика энергоносителей в страны Евросоюза в течение длительного периода и позволила ей сохранить ведущие позиции на европейском энергетическом рынке в 2006–2014 гг. Несмотря на существующие разногласия, Москва и Брюссель успешно координировали свои действия в энергетической сфере в целях предотвращения чрезвычайных ситуаций.

В поисках оптимальных средств, форм и методов обеспечения внешней энергетической политики Европейский союз поддерживает и развивает отношения с другими потребителями топливно-энергетических ресурсов. Так, 4 ноября 2009 г. в Вашингтоне был создан Энергетический совет ЕС — США. Еврокомиссар по внешним связям и Европейской политике соседства Б. Ферреро-Вальднер отметила во время учредительной встречи: «Я хочу, чтобы энергетическая безопасность и изменение климата заняли центральное место во всех наших партнерствах по всему миру, и именно сейчас настал подходящий момент для расширения нашего сотрудничества с США. Будучи двумя крупнейшими потребителями энергоресурсов, мы ответственны за совместный поиск решений наиболее острых проблем современности» [68]. Задачи Совета — развитие трансатлантического сотрудничества в сфере энергетических рынков, диверсификация поставок энергоносителей, критически важной энергетической инфраструктуры, формирование условий для равного доступа к энергетическим ресурсам в развивающихся странах, а также осуществление совместных научно-технических исследований для создания низкоуглеродной энергетики и борьбы с изменением климата [76].

В соответствии с первоначальными договоренностями в состав Совета входили:

а) со стороны ЕС — комиссар по внешним связям, по энергетике и по исследованиям и науке, а

также представитель председательствующей в Евросоюзе страны;

б) со стороны США — государственный секретарь и министр энергетики.

Совет собирается на ежегодной основе, а его работа осуществляется по группам, состоящим из старших должностных лиц с обеих сторон. Эти группы работают на трех ключевых направлениях: энергетическая политика, глобальная энергетическая безопасность и мировые рынки, а также сотрудничество в разработке технологий ТЭК [68].

В 2012 г. определилось одно из основных направлений деятельности Энергетического совета — развитие технологий улавливания и хранения углерода в рамках усилий двух сторон по созданию «зеленой экономики». ЕС и США договорились об укреплении связей со Всемирным институтом хранения и улавливания углерода, Европейской сетью пилотных проектов по улавливанию и хранению углерода, а также продолжить обмен знаниями и опытом в данной сфере между странами мира [49].

Кроме того, в 2012–2013 гг. бурный рост добычи сланцевых углеводородов в Соединенных Штатах вызвал новый интерес к стране в качестве источника диверсификации поставок природного газа (в виде СПГ). Выступая в июле 2013 г. в Институте стратегических и международных исследований, Г. Эттингер подчеркнул возможность начала нового этапа в торговле энергоресурсами на трансатлантическом пространстве благодаря поставкам СПГ из США в ЕС [70]. Стремясь найти надежные источники природного газа в противовес российским энергоносителям, политики в Евросоюзе и США стали активнее прорабатывать данный вопрос после возникновения кризиса в Украине в конце 2013-го — начале 2014 г. Уже в первых числах марта 2014 г. республиканцы в конгрессе США призывали администрацию Б. Обамы принять необходимые меры для осуществления экспорта СПГ [38]. В свою очередь, президент США в ходе своего визита в Брюссель 26 марта заявил, что и ЕС, и США необходимо совместными усилиями найти пути ускорения данного процесса диверсификации поставок газа в Европу [58]. На апрельском заседании Энергетического совета ЕС — США главным вопросом стали проблемы энергетической безопасности в условиях конфликта в Украине, и стороны вновь подтвердили намерения относительно реализации поставок СПГ из Соединенных Штатов в Европейский союз [50]. Тем не менее в краткосрочной перспективе такие поставки начать не представлялось возможным в силу отсутствия в США необходимых для этого экспортных терминалов СПГ.

Европейский союз также укреплял отношения с потребителями энергоресурсов вблизи своих границ. В данном направлении своего рода продолжением политики по формированию единого энергетического рынка в Европе стало подписание в октябре 2005 г. Договора о создании Энергетического сообщества, вступившего в силу в июле 2006 г. [84]. Изначально его членами стали 19 стран — участниц ЕС, а также Албания, Босния и Герцеговина, Хорватия, Македония, Черногория, Сербия и Временная миссия ООН по управлению Косо-

во [84]. В 2010 г. в Сообщество была принята Молдова, а в 2011 г. — Украина (оба государства имели статус наблюдателей). В том же году участником Энергетического сообщества стала Польша, а Армения получила статус наблюдателя [31]. Статусом наблюдателей обладают также Норвегия и Турция (с последней в 2009 г. были начаты переговоры о вступлении в Энергетическое сообщество в качестве полноправного члена) [78], а в феврале 2014 г. переговоры о вступлении в Сообщество были начаты с Грузией [32].

Статья 2 учредительного договора Энергетического сообщества в части 1 (с) ставит целью «повысить надежность поставок энергоресурсов... через гарантирование стабильного инвестиционного климата, в котором будет обеспечен доступ к запасам природного газа в регионах Каспийского моря, Северной Африки и Ближнего Востока, а также могут быть использованы местные источники энергии, такие как природный газ, уголь и гидроэнергия» [84]. Европейский союз намерен создать единый энергетический рынок в Юго-Восточной Европе, который после окончательного оформления и принятия всеми входящими в него странами директив Еврокомиссии в сфере энергетики может быть объединен с энергетическим рынком Европейского союза. В октябре 2012 г. была принята региональная энергетическая стратегия Сообщества, в которой отражены основные направления деятельности объединения, соответствующие общей энергетической политике Европейского союза. Согласно стратегии Энергетическое сообщество преследует такие цели, как создание конкурентного интегрированного энергетического рынка, привлечение инвестиций в энергетический сектор и обеспечение надежных и стабильных поставок энергии потребителям [41].

С одной стороны, деятельность Энергетического сообщества способствует ускорению процессов интеграции национальных энергетических рынков в единый энергетический рынок ЕС. С другой стороны, соседние с Европейским союзом государства, в частности Юго-Восточной Европы, получают благодаря Сообществу возможность углубить сотрудничество и укрепить связи для обеспечения собственной энергетической безопасности в партнерстве с ЕС. Следует также обратить внимание на то, что входящие в Энергетическое сообщество страны, не являющиеся членами Европейского союза, также обязаны внедрять законодательные акты в области энергетики, принимаемые Брюсселем. Однако процесс либерализации энергетических рынков в этих государствах проходит медленно из-за особенностей внутренней политики (например, регулирование цен на природный газ и электроэнергию как важный инструмент социальной политики) и слабости/отсутствия полной независимости институтов, ответственных за формирование свободных национальных энергетических рынков [30].

Основная задача Энергетического сообщества в данной сфере — создать в регионе инфраструктуру для реализации трансграничных поставок электроэнергии и природного газа, с тем чтобы включить государства Юго-Восточной Европы в единую систему энергоснабжения. В более широком понимании

данный проект направлен на обеспечение экономического развития прилегающих регионов, создание новых рабочих мест и активизацию инвестиционной деятельности. Данная инфраструктура также поможет участникам обезопасить себя от возможных перебоев в поставках энергоресурсов, обусловленных природными, техногенными, политическими и другими факторами.

Предполагается, что Энергетическое сообщество может в скором времени выйти за существующие рамки. Включение в него Норвегии и Турции в качестве полноправных членов позволит укрепить энергетическую безопасность участников Сообщества и создаст предпосылки для укрепления системы бесперебойных поставок электроэнергии и энергоресурсов. Перспективы Грузии в качестве участника Сообщества пока неясны, поскольку физически она не связана ни с одним его действующим членом и станет таковой только при условии принятия в него Турции. Следует также отметить, что, несмотря на сложности в выполнении Договора об Энергетическом сообществе и создании свободных энергетических рынков в Юго-Восточной Европе, проект остается на повестке дня Евросоюза, и в 2013 г. совет министров Энергетического сообщества продлил действие Договора до 2026 г. [32].

Важное место в энергетической политике Европейского союза занимают транзитные государства, через территорию которых поступает значительная часть топливно-энергетических ресурсов в государства — члены ЕС. Речь в первую очередь идет о Беларуси и Украине, обеспечивающих транзит природного газа и нефти из России в ЕС. К числу перспективных транзитных стран следует отнести Турцию, однако ее значение для европейской энергетической безопасности станет ясно лишь после запуска в эксплуатацию таких проектов, как Южный газовый коридор и «Турецкий поток».

Наиболее тесные отношения в энергетической сфере Евросоюз установил с Украиной. Основу их составляет Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в энергетическом секторе, подписанный во время саммита Украина — ЕС 1 декабря 2005 г. Документ определил четыре основных направления двустороннего сотрудничества: обеспечение безопасности действующих украинских АЭС; интеграция рынков электроэнергии и газа; укрепление безопасности поставок энергоносителей и транзита углеводородов; повышение эффективности, безопасности и экологических стандартов угольного сектора [65]. Позднее добавилось пятое направление — энергоэффективность и возобновляемая энергетика.

Значение Украины для Европейского союза определяется объемами транспортировки российского газа по ее территории. В 2013 г., когда поставки ОАО «Газпром» в страны ЕС достигли пикового уровня 161,5 млрд куб. м [6], Украина обеспечила транзит 83,7 млрд куб. м, или 51,8 % от общего экспорта ОАО «Газпром» [26]. В свою очередь, в 2014 г. поставки ОАО «Газпром» в Европу сократились до 146,6 млрд куб. м [3], из которых 59,4 млрд куб. м, или 40,5 %, было транспортировано по территории Украины [26]. Что касается транзита нефти, то, по

данным НАК «Нафтогаз Украины», максимальный объем транзита нефти пришелся на 2000 г., когда было транспортировано 56,4 млн т, а к 2013 г. и 2014 г. транзитные поставки снизились до 15,6 млн т и 15 млн т соответственно [18].

Сокращение объемов транзита российских энергоносителей через территорию Украины объясняется стремлением России уменьшить свою зависимость от транзитных государств. В рассматриваемый период одним из стимулов к этому стал российско-украинский кризис 2009 г., когда до 31 декабря 2008 г. сторонами не была согласована цена на газ для Украины на 2009 г. В результате 1 января 2009 г. компания «Газпром» прекратила поставки природного газа в Украину, а 7 января — в Европу через Украину [75]. Вследствие остановки транзита без природного газа остались 18 стран ЕС и Энергетического сообщества, среди которых наиболее пострадавшими оказались Болгария, Словакия, Сербия, Босния и Герцеговина, Македония [53]. 19 января 2009 г. премьер-министр России В. Путин и премьер-министр Украины Ю. Тимошенко подписали новый контракт о поставках и транзите природного газа до 2019 г., а к 22 января поставки в Европу возобновились в полном объеме [75].

Невзирая на кризис, Брюссель продолжил сотрудничать с Киевом в энергетической сфере. Уже 23 марта 2009 г. в Брюсселе прошла международная инвестиционная конференция с участием представителей Еврокомиссии, правительства Украины, Всемирного банка, Европейского инвестиционного банка и Европейского банка реконструкции и развития, в ходе которой еврокомиссар по энергетике А. Пибалгс отметил, что, несмотря на строительство альтернативных путей доставки энергоносителей в ЕС, Украина должна сохранить свой статус транзитного государства [74]. По итогам конференции участниками была подписана Совместная декларация о модернизации газотранспортной системы Украины (ГТС), в соответствии с которой стороны договорились о разработке бизнес-плана модернизации украинской ГТС и согласовании в перспективе условий финансирования этого проекта. Кроме того, Украине необходимо было реформировать свою энергетическую инфраструктуру в духе Третьего энергетического пакета ЕС [56].

Впоследствии неоднократно проводились встречи и переговоры между представителями ЕС и Украины по вопросу модернизации ГТС, однако лишь в декабре 2014 г. были подписаны соответствующие соглашения с ЕИБ и ЕБРР о финансировании модернизации газопровода «Уренгой — Помары — Ужгород» каждое на сумму 150 млн евро [10; 27], а общая стоимость проекта оценивается в 600 млн евро [10].

21 марта 2014 г. Украина подписала с Европейским союзом Соглашение об ассоциации (политическую часть), где также затрагиваются вопросы сотрудничества в энергетической сфере. Они охватывают транзит энергоносителей по территории Украины, разрешение споров, предупреждение кризисных ситуаций, формирование свободного энергетического рынка Украины и его интеграцию в рынок ЕС и Энергетического сообщества, модер-

низацию украинской энергетической инфраструктуры [34]. Однако начавшийся в 2014 г. конфликт на востоке Украины и тяжелая, на грани дефолта, финансово-экономическая ситуация препятствуют реализации большинства проектов. В связи с кризисом Украина в 2014 г. вынуждена была отказаться от председательства в Энергетическом сообществе. Вместе с тем благодаря проведению интенсивных переговоров и консультаций между представителями России, Украины и Евросоюза по вопросу поставок газа Украине, задолженности НАК «Нафтогаз» перед ОАО «Газпром», а также транзита топлива по украинской территории удалось предотвратить масштабное прекращение поставок природного газа в ЕС.

Наряду с Украиной существенные объемы транзита российских энергоносителей обеспечивает Республика Беларусь. По данным компании «Газпром», в 2013 г. по территории Беларуси в страны ЕС было транспортировано 48,8 млрд куб. м газа [5], или 30,2 % от общего объема, в 2014 г. — 45,1 млрд куб. м [17], или 30,8 %. Транзит российского природного газа осуществляется по белорусскому участку газопровода «Ямал — Европа», оператором которого выступает дочернее предприятие российского монополиста ОАО «Газпром трансгаз Беларусь» (до ноября 2011 г. — Белтрансгаз). Что касается поставок нефти, то через Беларусь проходят северная и южная ветки магистрального нефтепровода «Дружба» (операторы — ОАО «Полоньтранснефть Дружба» и ОАО «Гомельтранснефть Дружба» соответственно). Экспорт российской нефти в Евросоюз осуществляется по южной ветке. В 2013 г. транзит нефти составил 50,26 млн т [13], а в 2014 г. достиг 61 млн т [2], что в 3—4 раза превышает объемы транзита по украинской территории.

В 2006—2014 гг. в белорусско-российских отношениях произошло два значительных конфликта, поставивших под угрозу поставки нефти и природного газа в Европейский союз. 8 января 2007 г. Россия полностью прекратила транзит нефти по трубопроводу «Дружба» в связи с введением Беларусью задним числом сбора за транзит в размере 45 долл. США за тонну и предполагаемым незаконным отбором нефти. Отключение затронуло Польшу и другие пункты доставки нефти на Западе и стало первым и единственным в истории российских (советских) поставок нефти в страны Западной Европы [35, р. 194]. 10 января Минск отменил транзитный сбор, а Москва снизила экспортную пошлину для Беларуси со 180 долл. США до 53 долл. США за тонну [11].

В июне 2010 г. между белорусской стороной и ОАО «Газпром» возник конфликт из-за неоплаты Минском поставок газа на 187 млн долл. США. В свою очередь, Беларусь потребовала от ОАО «Газпром» выплатить долг за транзит газа в размере 260 млн долл. США. 23 июня 2010 г. Компания «Газпром» на 60 % сократила поставки природного газа в Беларусь. В тот же день Г. Эттингер заявил о падении объемов экспорта газа в Литву на 50 % [80]. После выплаты долга за поставленный газ 24 июня экспорт в Беларусь возобновился в полном объеме, а ОАО «Газпром» согласился повысить плату за транзит по белорусской территории с 1,55 долл.

США до 1,88 долл. США за 1 тыс. куб. м на 100 км [85]. Следует отметить, что в обоих случаях Еврокомиссия не стремилась выступить посредником между двумя сторонами, но внимательно следила за развитием кризиса.

Несмотря на опасения относительно потери Беларусью статуса транзитного государства в связи со строительством путей доставки российских энергоносителей в ЕС (газопровод «Северный поток», нефтепровод «Балтийская транспортная система II»), в рассматриваемый период поставки углеводородов через белорусскую территорию оставались на достаточно высоком уровне. Более того, в апреле 2013 г. между ОАО «Газпром» и польской компанией «ЕвроПолГаз», владеющей польским участком газопровода «Ямал — Европа», был подписан Меморандум о взаимопонимании в отношении строительства газопровода «Ямал — Европа-2», который будет транспортировать газ от границы Беларуси через территорию Польши в Словакию [4]. Однако в связи с украинским кризисом и введением Евросоюзом санкций в отношении Российской Федерации реализация данного проекта отложена на неопределенный срок.

В контексте выстраивания ЕС отношений в энергетической сфере с соседними государствами заслуживает внимания негативная реакция Литвы на строительство белорусской АЭС вблизи населенного пункта Островец Гродненской области. В марте 2011 г. литовский премьер-министр А. Кубилюс заявил, что его страна «будет бороться против атомных электростанций, которые планируют построить рядом с ее границей, через Европейский союз и Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе» [9]. В августе того же года президент Литвы Д. Грибаускайте направила в Еврокомиссию письмо с призывом предпринять все возможные меры для обеспечения безопасности строящихся или планируемых к строительству атомных электростанций вблизи границ ЕС [9].

Основные претензии, выдвигаемые литовской стороной, связаны с выполнением положений Конвенции Эспоо (Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте). Как утверждает Вильнюс, Республика Беларусь в процессе проведения оценки такого воздействия Островецкой АЭС допустила многочисленные нарушения данной Конвенции.

Однако эта проблема, как представляется, выходит далеко за рамки экологической безопасности, если рассматривать ее с точки зрения энергетических проектов в Балтийском регионе. Речь идет о строительстве Балтийской АЭС в Калининградской области и Висагинской — в Литве. Из трех электростанций литовская будет запущена в эксплуатацию последней — в 2022 г. [1]. Учитывая, что часть электроэнергии, которая будет производиться на Балтийской и Островецкой атомных электростанциях, планируется экспортировать, у Вильнюса есть все основания полагать, что Висагинская АЭС окажется экономически нецелесообразной. Иными словами, если оба российских проекта будут реализованы (кроме того, планы по строительству АЭС разрабатывает и Польша), то возможности Литвы

для экспорта электроэнергии будут сведены к нулю [1]. Представляется правомерным предположить, что причины именно экономического характера лежат в основе противодействия Литвы строительству атомной электростанции в Республике Беларусь.

Таким образом, в 2006–2014 гг. приоритетным направлением внешней энергетической политики Европейского союза стало сотрудничество со странами Каспийского региона, с которыми были достигнуты договоренности по важнейшему для ЕС проекту Южного газового коридора. Наряду с диверсификацией поставок энергоносителей Евросоюз активно продвигал идею формирования единого энергетического рынка, который охватывал бы не только страны – члены ЕС, но и государства в регионах, откуда Брюссель стремится наладить поставки нефти и природного газа. Крупнейшим препятствием на пути создания такого рынка, особенно включения в него стран Северной Африки и Ближнего Востока, станет политическая и социально-экономическая нестабильность в государствах-партнерах, а также общая неготовность государств вне ЕС осуществить имплементацию и эффективно применять на практике нормы действующих энергетических пакетов Евросоюза.

Особую роль во внешней энергетической политике ЕС в рассматриваемый период играли так называемые энергетические диалоги с поставщиками и потребителями энергоносителей. Уникальным по своей структуре и принципу функционирования оказался ЭнергодIALOG Россия – ЕС, который стал

платформой для двустороннего взаимовыгодного сотрудничества и позволил урегулировать спорные вопросы и предотвращать кризисные ситуации. В то же время Энергетический совет ЕС – США представляет собой пример взаимодействия крупнейших потребителей энергоресурсов, готовых взять на себя лидерство в обеспечении глобальной энергетической безопасности.

Вопреки ожиданиям в 2006–2014 гг. ключевые транзитные государства – Беларусь и Украина – не утратили своего статуса. При этом, исходя из объемов транзита, к концу данного периода позиции Беларуси укрепились, а транспортировка нефти по украинской территории сократилась в несколько раз (в сравнении с 2000 г.). В случае успешной реализации проекта российского газопровода «Турецкий поток» существует большая вероятность того, что Украина может полностью лишиться статуса транзитного государства, однако Беларусь в среднесрочной перспективе может рассчитывать на сохранение объемов транзита, если только ЕС не снизит энергопотребление.

В целом следует отметить, что 2006–2014 гг. можно рассматривать в качестве подготовительного этапа по созданию условий для успешной реализации внешней энергетической политики ЕС. В этот период заключены необходимые договоры, к реализации которых стороны приступили уже после 2014 г., а также разработаны концептуальные документы и определены главные направления данной политики.

Библиографические ссылки

1. Амелюшкин К. Минэнерго: планов покупать энергию у Балтийской АЭС – нет [Электронный ресурс] // Информ. агентство «Delfi». 27.06.2010. URL : <<http://ru.delfi.lt/news/economy/minenergo-planov-pokupat-energiyu-u-baltijskoj-aes-net.d?id=33806937>> (дата обращения : 22.05.2015).
2. Беларусь с 1 февраля повышает тарифы на транзит российской нефти на 9,7 % [Электронный ресурс] // Информ. агентство «Интерфакс-Запад». 22.01.2015. URL : <<http://www.interfax.by/news/belarus/1176241>> (дата обращения : 22.05.2015).
3. «Газпром» в 2014 году экспортировал в Европу 146,6 млрд кубов газа [Электронный ресурс] // РИА «Новости». 13.02.2015. URL : <<http://ria.ru/economy/20150213/1047561594.html>> (дата обращения : 21.05.2015).
4. «Газпром» и «ЕвроПолГаз» будут сотрудничать по проекту газопровода «Ямал – Европа-2» [Электронный ресурс] // ОАО «Газпром». 05.04.2013. URL : <<http://www.gazprom.ru/press/news/2013/april/article159642/>> (дата обращения : 22.05.2015).
5. 2013 год стал рекордным для ОАО «Газпром трансгаз Беларусь» [Электронный ресурс] // ОАО «Газпром трансгаз Беларусь». 28.03.2013. URL : <<http://belarus-tr.gazprom.ru/press/news/2014/03/143652/>> (дата обращения : 22.05.2015).
6. Динамика поставок газа в Европу [Электронный ресурс] // ООО «Газпром экспорт». URL : <<http://www.gazpromexport.ru/statistics/>> (дата обращения : 21.05.2015).
7. Дубровина А. С. Взаимодействие России и Евросоюза в энергетической сфере // Обозреватель. 2013. № 7. С. 54–63.
8. Дубровина А. С. Взаимоотношения России с Китаем и Евросоюзом в энергетической сфере // Обозреватель. 2013. № 12. С. 15–23.
9. Еврокомиссия получила заявление Дали Грибаускайте относительно белорусской АЭС [Электронный ресурс] // NAVINY.BY: белорусские новости. 04.08.2011. URL : <http://naviny.by/rubrics/politic/2011/08/04/ic_news_112_373784/> (дата обращения : 22.05.2015).
10. ЕИБ выделит 150 миллионов евро на украинский газопровод [Электронный ресурс] // LB.UA. 01.12.2014. URL : <http://economics.lb.ua/finances/2014/12/01/287769_eib_videlit_150_millionov_evro.html> (дата обращения : 21.05.2015).
11. Как Россия воевала с Украиной и Белоруссией [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 02.09.2013. URL : <<http://www.kommersant.ru/doc/2268685>> (дата обращения : 22.05.2015).
12. Консультативный Совет по газу Россия – ЕС [Электронный ресурс] // Ин-т энергетики и финансов. URL : <http://www.fief.ru/img/files/Reglament_raboty_KSG.pdf> (дата обращения : 18.05.2015).

13. Маненок Т. Конкуренция альтернативных труб [Электронный ресурс] // Белорусы и рынок. 2014. 17–23 февр. URL : <<http://www.belmarket.by/ru/262/170/20885/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D1%85-%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B1.htm>> (дата обращения : 22.05.2015).
14. Маненок Т. На очереди «Дружба» [Электронный ресурс] // TUT.BY: белорусский портал. 21 февр. 2012 г. URL : <<http://news.tut.by/economics/275218.html>> (дата обращения : 21.05.2015).
15. Махнач И. И. Развитие энергетического диалога Российской Федерации и Европейского союза // Журн. междунар. права и междунар. отношений. 2013. № 4. С. 63–70.
16. Новый газопровод в Турцию [Электронный ресурс] // ОАО «Газпром». 02.12.2014. URL : <<http://www.gazprom.ru/press/news/2014/december/article208495/>> (дата обращения : 17.05.2015).
17. ОАО «Газпром трансгаз Беларусь» полностью выполнило обязательства по поставке и транзиту природного газа в 2014 г. [Электронный ресурс] // ОАО «Газпром трансгаз Беларусь». 26.03.2014. URL : <<http://belarus-tr.gazprom.ru/press/news/2015/03/143749/>> (дата обращения : 22.05.2015).
18. Объемы трубопроводного транспортирования нефти в Украине, 1998–2014 гг. [Электронный ресурс] // НАК «Нафтогаз Украины». URL : <<http://www.naftogaz.com/www/3/nakweb.ru.nsf/0/120581F59C5BF5F7C2257AD80028088E>> (дата обращения : 21.05.2015).
19. Падалко Л. П., Волошенюк Д. А. Развитие рынка природного газа в Европе и путей его доставки с использованием трубопроводного транспорта // Эконом. бюл. НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь. 2010. № 1. С. 4–13.
20. Падалко Л. П. Энергетическая безопасность – важнейшая предпосылка устойчивого функционирования и развития национальной экономики // Эконом. бюл. НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь. 2011. № 4. С. 20–25.
21. Пащковская И. Г. Проблемы энергетического обеспечения Европейского союза // Мировая экономика и междунар. отношения. 2008. № 10. С. 51–56.
22. Пащковская И. Г. Внешняя энергетическая политика Европейского союза // Мировая экономика и междунар. отношения. 2009. № 1. С. 61–69.
23. Пащковская И. Г. Газопровод «Набукко»: проект создания // Мировая экономика и междунар. отношения. 2010. № 4. С. 71–80.
24. Путин: Россия не может продолжать реализацию проекта «Южный поток» [Электронный ресурс] // ТАСС: информ. агентство России. 01.12.2014. URL : <<http://tass.ru/ekonomika/1615074>> (дата обращения : 17.05.2015).
25. Сафонова Ю. А. Новая энергетическая политика Европейского союза: перспективы для стран «Новой Европы» // Энергетический фактор в экономике и политике стран Восточной Европы : сб. науч. тр. / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по общественным наукам, Центр науч.-информ. исслед. глобальных и региональных проблем, Отдел Восточной Европы ; редкол. : Ю. И. Игрицкий (отв. ред.) [и др.]. М. : ИНИОН РАН, 2010. С. 7–28. (Серия «Проблемы общественной трансформации в странах Восточной Европы и России»).
26. Транзит природного газа через территорию Украины в 1998–2014 гг. [Электронный ресурс] // NAFTOGAZEUEUROPE. Ukraine's Gas Sector Transparency Initiative. URL : <<http://naftogaz-europe.com/article/ru/NaturalGas-TransitviaUkraine>> (дата обращения : 21.05.2015).
27. Украина и ЕБРР подписали соглашение о модернизации газопровода на 150 млн евро [Электронный ресурс] // LB.UA. 15.12.2014. URL : <http://economics.lb.ua/finances/2014/12/15/289346_ukraina_ebr_r_podpisali_soglashenie.html> (дата обращения : 21.05.2015).
28. Энергетический диалог ЕС – Россия [Электронный ресурс] // Представительство Европейского союза в России. URL : <http://eeas.europa.eu/delegations/russia/eu_russia/fields_cooperation/energy/index_ru.htm> (дата обращения : 18.05.2015).
29. Agreement on the European Economic Area [Electronic resource] // European Free Trade Association. URL : <<http://www.efta.int/media/documents/legal-texts/eea/the-eea-agreement/Main%20Text%20of%20the%20Agreement/EEA-Agreement.pdf>> (date of access : 01.05.2015).
30. Annual Implementation Report / Energy Community Secretariat, 1 August 2014 [Electronic resource] // Energy Community. URL : <https://www.energy-community.org/portal/page/portal/ENC_HOME/DOCS/3356393/Energy_Community_Implementation_Report_2014_WEB.pdf> (date of access : 12.05.2015).
31. Annual Report on the Activities of the Energy Community to the Parliaments [Electronic resource] // Energy Community. URL : <https://www.energy-community.org/portal/page/portal/ENC_HOME/DOCS/1672177/ANNEX_6_-_10th_MC_-_REPORT_TO_PARLIAMENTS_FOR_2011-09.07.12.pdf> (date of access : 12.05.2015).
32. Annual Report on the Activities of the Energy Community 2014 [Electronic resource] // Energy Community. URL : <https://www.energy-community.org/portal/page/portal/ENC_HOME/DOCS/3366154/Annex_02_12th_MC_Annual_Report_23-09-2014.pdf> (date of access : 12.05.2015).
33. An EU Energy Security and Solidarity Action Plan. Second Strategic Energy Review: Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions / Council of the European Union: Doc. COM (2008) 781 final. Brussels, 13.11.2008 [Electronic resource] // Archive of European Integration. URL : [http://aei.pitt.edu/39567/1/COM_\(2008\)_781.pdf](http://aei.pitt.edu/39567/1/COM_(2008)_781.pdf) (date of access : 01.05.2015).
34. Association agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and Ukraine of the other part [Electronic resource] // European Union External Action. URL : http://eeas.europa.eu/ukraine/docs/association_agreement_ukraine_2014_en.pdf (date of access : 21.05.2015).

35. *Balmaceda M.* Politics of Energy Dependency: Ukraine, Belarus, and Lithuania between Domestic Oligarchs and Russian Pressure (Studies in Comparative Political Economy and Public Policy). 3rd rev. ed. Toronto : University of Toronto Press, 2013. 464 p.
36. BP Statistical Review of World Energy: 2014 edition [Electronic resource] // British Petroleum. URL : <http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/Energy-economics/statistical-review-2014/BP-statistical-review-of-world-energy-2014-full-report.pdf> (date of access : 10.05.2015).
37. Commissioner Piebalgs Enhances Bilateral Energy Cooperation with Kazakhstan: Doc. IP/06/573, Brussels, 4 May 2006 [Electronic resource] // Official website of the European Union. URL : http://europa.eu/rapid/press-release_IP-06-573_en.htm (date of access : 11.05.2015).
38. *Davenport C.* U.S. Hopes Boom in Natural Gas Can Curb Putin / C. Davenport, S. Erlanger [Electronic resource] // New York Times. 05.03.2014. URL : http://www.nytimes.com/2014/03/06/world/europe/us-seeks-to-reduce-ukraines-reliance-on-russia-for-natural-gas.html?_r=1 (date of access : 04.05.2015).
39. Egypt: Country Strategic Paper [Electronic resource] // European Union External Action. URL : http://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/country/enpi_csp_egypt_en.pdf (date of access : 07.05.2015).
40. Energy Commissioner Piebalgs welcomes the Euro Mediterranean Energy Forum that takes place today in Brussels: Doc. IP/06/1238, Brussels, 21 September 2006 [Electronic resource] // Official website of the European Union. URL : http://europa.eu/rapid/press-release_IP-06-1238_en.htm (date of access : 07.05.2015).
41. Energy Strategy of the Energy Community [Electronic resource] // Energy Community. URL : https://www.energy-community.org/portal/page/portal/ENC_HOME/DOCS/1810178/REGIONAL_ENERGY_STRATEGY.pdf (date of access : 12.05.2015).
42. Energy, Transport and Environment Indicators: 2013 edition [Electronic resource] // Official Website of the European Commission. URL : <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/3930297/5968878/KS-DK-13-001-EN.PDF> (date of access : 19.05.2015).
43. Energy, Transport and Environment Indicators: 2014 edition [Electronic resource] // Official Website of the European Commission. URL : <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/3930297/6613266/KS-DK-14-001-EN-N.pdf> (date of access : 19.05.2015).
44. European Commission promotes integration of the electricity markets of the Maghreb: Doc. IP/10/763, Brussels, 20 June 2010 [Electronic resource] // Official Website of the European Union. URL : http://europa.eu/rapid/press-release_IP-10-763_en.htm?locale=en (date of access : 07.05.2015).
45. EU countries sign geopolitical Nabucco agreement [Electronic resource] // EurActiv. URL : <http://www.euractiv.com/energy/eu-countries-sign-geopolitical-n-news-222315> (date of access : 14.05.2015).
46. EU and Iraq discuss ways of enhancing energy cooperation: Doc. IP/08/173, Brussels, 31 January 2008 [Electronic resource] // Official Website of the European Union. URL : http://europa.eu/rapid/press-release_IP-08-173_en.htm?locale=en (date of access : 11.05.2015).
47. EU and Iraq sign a Strategic Energy Partnership Memorandum of Understanding: Doc. IP/10/29, Brussels, 18 January 2010 [Electronic resource] // Official Website of the European Union. URL : http://europa.eu/rapid/press-release_IP-10-29_en.htm (date of access : 11.05.2015).
48. EU–Russia Energy Dialogue [Electronic resource] // Official Website of the European Union. URL : http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-09-121_en.htm (date of access : 18.05.2015).
49. EU-U.S. Energy Council. Brussels: Joint Press Statement, 5 December 2012 [Electronic resource] // European Council/Council of the European Union Official Website. URL : http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/foraff/134058.pdf (date of access : 05.05.2015).
50. EU-U.S. Energy Council: Joint Press Statement, Brussels, 2 April 2014 [Electronic resource] // Official Website of the European Union. URL : http://europa.eu/rapid/press-release_IP-14-365_en.pdf (date of access : 08.09.2015).
51. EU/Russia Joint Declaration: Doc. IP/00/1239, Paris, 30 October 2000 [Electronic resource] // Official Website of the European Union. URL : http://europa.eu/rapid/press-release_IP-00-1239_en.htm (date of access : 18.05.2015).
52. Final Statement of the Italian Presidency of the EU and of the European Commission. High Level Conference «Building a Euro-Mediterranean energy bridge: the strategic importance of euromed gas and electricity networks in the context of energy security», Rome, 19 November 2014 [Electronic resource] // Mediterranean Energy Regulators Official Website. URL : http://www.medreg-regulators.org/Portals/45/immagini_home/Rome_Final_statement_on_the_HighLevel_Conference.pdf (date of access : 07.05.2015).
53. Gas Coordination Group evaluates the current gas crisis and confirms measures to assist countries in need [Electronic resource] // Official Website of the European Union. URL : http://europa.eu/rapid/press-release_IP-09-30_en.htm (date of access : 21.05.2015).
54. Gas from Azerbaijan: Commission welcomes final investment decision to extract gas pledged for Europe European Commission Press Release, Brussels, 17 December 2013 [Electronic resource] // Official Website of the European Union. URL : http://europa.eu/rapid/press-release_IP-13-1271_en.htm (date of access : 14.05.2015).
55. Joint Declaration on the Southern Gas Corridor [Electronic resource] // EU Neighbourhood Info Centre. URL : http://www.enpi-info.eu/library/sites/default/files/attachments/2011_01_13_joint_declaration_southern_corridor.pdf (date of access : 03.05.2015).
56. Joint EU-Ukraine International Investment Conference on the Modernization of Ukraine's Gas Transit System. Joint Declaration [Electronic resource] // EU Neighbourhood Library. URL : http://www.enpi-info.eu/library/sites/default/files/attachments/joint_declaration_en.pdf (date of access : 21.05.2015).
57. Joint Press Release. EU-OPEC Energy Dialogue, 9th June 2005 [Electronic resource] // Official Website of the European Commission. URL : http://ec.europa.eu/dgs/energy_transport/international/int/opec/doc/2005_06_05_eu_opec_joint_statement_en.pdf (date of access : 11.05.2015).

58. *Krukowska E.* Obama Pitches Shale Gas to Europe Seeking to Cut Imports [Electronic resource] // Bloomberg. 27.03.2014. URL : <<http://www.bloomberg.com/news/articles/2014-03-26/obama-pitches-shale-gas-to-europe-seeking-to-cut-imports>> (date of access : 08.05.2015).
59. Memorandum on an Early Warning Mechanism in the Energy Sector within the Framework of the EU-Russia Energy Dialogue [Electronic resource] // Official Website of the European Commission. URL : <https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/documents/2009_11_16_ewm_signed_en_0.pdf> (date of access : 19.05.2015).
60. Memorandum of Understanding on Co-Operation in the Field of Energy between the European Union and the Republic of Kazakhstan [Electronic resource] // Official Website of the European Commission. URL : <http://ec.europa.eu/dgs/energy_transport/international/regional/caucasus_central_asia/memorandum/doc/mou_kazakhstan_en.pdf> (date of access : 11.05.2015).
61. Memorandum of Understanding on Co-Operation in the Field of Energy between the European Union and Turkmenistan [Electronic resource] // Official Website of the European Commission. URL : <http://ec.europa.eu/dgs/energy_transport/international/regional/caucasus_central_asia/memorandum/doc/mou_turkmenistan_en.pdf> (date of access : 03.05.2015).
62. Memorandum of Understanding on a Strategic Partnership between the European Union and the Republic of Azerbaijan in the Field of Energy [Electronic resource] // Official Website of the European Commission. URL : <http://ec.europa.eu/dgs/energy_transport/international/regional/caucasus_central_asia/memorandum/doc/mou_azerbaijan_en.pdf> (date of access : 03.05.2015).
63. Memorandum of Understanding on a Strategic Partnership on Energy between the European Union and the Arab Republic of Egypt [Electronic resource] // European Union External Action. URL : <http://eeas.europa.eu/egypt/docs/mou_energy_eu-egypt_en.pdf> (date of access : 07.05.2015).
64. Memorandum of Understanding between the Government of Iraq and the European Union on Strategic Partnership in Energy [Electronic resource] // Official Website of the European Commission. URL : <https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/documents/2010_01_18_iraq_mou_en.pdf> (date of access : 11.05.2015).
65. Memorandum of Understanding on co-operation in the field of energy between the European Union and Ukraine [Electronic resource] // Official Website of the European Commission. URL : <https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/documents/2010_ukraine_mou.pdf> (date of access : 21.05.2015).
66. Ministerial Declaration on Enhanced Energy Cooperation between the EU, the Littoral States of the Black and Caspian Seas and their Neighbouring Countries [Electronic resource] // Official Website of the European Commission. URL : <http://ec.europa.eu/dgs/energy_transport/international/regional/caspian/doc/2006_11_30_astana_conclusions.pdf> (date of access : 11.05.2015).
67. Ministerial Declaration on the Euro-Mediterranean Energy Partnership [Electronic resource] // EU Neighbourhood Library. URL : <http://www.enpi-info.eu/library/sites/default/files/attachments/2007_ministerial_declaration_action_plan_en.pdf> (date of access : 07.05.2015).
68. New EU-US Energy Council to boost transatlantic energy cooperation: Doc. IP/09/1674, Brussels, 4 November 2009 [Electronic resource] // Official Website of the European Union. URL : <http://europa.eu/rapid/press-release_IP-09-1674_en.htm> (date of access : 05.05.2015).
69. Norway increases EU's security of gas supplies: Doc. IP/07/1454, Brussels, 6 October 2007 [Electronic resource] // Official Website of the European Union. URL : <http://europa.eu/rapid/press-release_IP-07-1454_en.htm> (date of access : 01.05.2015).
70. *Oettinger G.* A Transatlantic Energy Revolution: Europe's Energy Diversification and U.S. Unconventional Oil and Gas [Electronic resource] // Official Website of the European Union. URL : <http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-13-642_en.htm> (date of access : 06.05.2015).
71. Ormen Lange [Electronic resource] // Exxon Mobil. URL : <http://www.exxonmobil.com/crudeoil/about_crudes_ormenlange.aspx> (date of access : 02.05.2015).
72. Partnership and Cooperation Agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and the Republic of Iraq, of the other part [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union Law. URL : <<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2012:204:0020:0130:EN:PDF>> (date of access : 11.05.2015).
73. *Piebalgs A.* Reinforcing the Euro-Mediterranean Energy Cooperation: Doc. SPEECH/07/477 [Electronic resource] // Official Website of the European Union. URL : <http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-07-477_en.htm> (date of access : 07.05.2015).
74. *Piebalgs A.* EU-Ukraine Energy Security: Doc. SPEECH/09/146 [Electronic resource] // Official Website of the European Union. URL : <http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-09-146_en.htm?locale=en> (date of access : 21.05.2015).
75. *Pirany S., Stern J., Yafimava K.* The Russo-Ukrainian gas dispute of January 2009: a comprehensive assessment [Electronic resource] // Oxford Institute for Energy Studies. URL : <<http://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2010/11/NG27-TheRussoUkrainianGasDisputeofJanuary2009AComprehensiveAssessment-JonathanSternSimonPiraniKatjaYafimava-2009.pdf>> (date of access : 21.05.2015).
76. Q&A: EU-US Energy Council: Doc. MEMO/09/490, Brussels, 4 November 2009 [Electronic resource] // Official Website of the European Union. URL : <http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-09-490_en.htm?locale=en> (date of access : 05.05.2015).
77. *Ratner A., Belkin P., Nichol J.* Europe's Energy Security: Options and Challenges to Natural Gas Supply Diversification [Electronic resource] // Federation of American Scientists. URL : <<https://www.fas.org/sgp/crs/row/R42405.pdf>> (date of access : 17.05.2015).
78. Report from the Commission to the European Parliament and the Council under Article 7 of Decision 2006/500/EC (Energy Community Treaty): Doc. COM (2010) 639 final, Brussels, 10.03.2011 [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to the European Union Law. URL : <<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2011:0105:FIN:EN:PDF>> (date of access : 12.05.2015).

79. Roadmap: EU-Russia Energy Cooperation until 2050. March 2013 [Electronic resource] // Official website of the European Commission. URL : <http://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/documents/2013_03_eu_russia_roadmap_2050_signed.pdf> (date of access : 19.05.2015).
80. Russia – Belarus gas dispute: Commission strongly concerned about gas cuts in Lithuania: Doc. IP/10/797, Brussels, 23 June 2010 [Electronic resource] // Official Website of the European Union. URL : <http://europa.eu/rapid/press-release_IP-10-797_en.htm?locale=en> (date of access : 22.05.2015).
81. Security of gas supply: the role of gas developments in the Mediterranean region: European Commission Joint Statement. Malta, 11 July 2014 [Electronic resource] // Official Website of the European Union. URL : <http://europa.eu/rapid/press-release_STATEMENT-14-222_en.htm> (date of access : 07.05.2015).
82. Shah Deniz [Electronic resource] // British Petroleum. URL : <http://www.bp.com/en_az/caspian/operationsprojects/Shahdeniz.html> (date of access : 14.05.2015).
83. Southern Gas Corridor [Electronic resource] // British Petroleum. URL : <http://www.bp.com/en_az/caspian/operationsprojects/Shahdeniz/SouthernCorridor.html> (date of access : 14.05.2015).
84. Treaty Establishing the Energy Community [Electronic resource] // Energy Community. URL : <http://www.energy-community.org/portal/page/portal/ENC_HOME/ENERGY_COMMUNITY/Legal/Treaty> (date of access : 12.05.2015).
85. *Yafimava K.* The June 2010 Russian-Belarusian Gas Transit Dispute: a surprise that was to be expected [Electronic resource] // Oxford Institute for Energy Studies. URL : <<http://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2010/11/NG43-TheJune2010RussianBelarusianGasTransitDisputeASurpriseThatWasToBeExpected-KatjaYafimava-2010.pdf>> (date of access : 22.05.2015).

Статья поступила в редакцию в мае 2015 г.

ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО ХАЛИФАТ: ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАНОНЫ ПРОШЛОГО В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ СОБЫТИЙ

А. В. Шарапо

Анализируются основные аспекты, способствовавшие созданию террористической группировки «Исламское государство», особенно те из них, которые носят политический и религиозный характер. Автор акцентирует внимание на экстремистской интерпретации ИГ основных теологических канонов ислама, которые в трансформируемом виде проповедуют насилие и причисляют к иноверам всех тех, кто не согласен с такими трактовками. Он выделяет главные цели ИГ — построение исламского государства — халифат, где будут установлены законы шариата в том виде, в каком они существовали в начальном периоде ислама; отрицание всех последующих религиозных нововведений; объявление джихада основным методом борьбы; конечная цель — создание всемирного халифата.

В статье рассматриваются главные политические и военные группы в Ираке и Сирии, которые, несмотря на общность цели свержения существующих режимов, ведут активную борьбу с ИГ на завоеванных им территориях. При этом автор отмечает существенные различия в религиозной идеологии ИГ и противостоящих группировок, подчеркивая, что идея халифата широко критикуется ООН, многими правительственными и известными исламскими правоведами, не признающими группировку «Исламское государство».

The article undertakes the analysis of the main aspects which enabled the formation of the extremist terrorist group «The Islamic State» (IS) and, in particular, of the most important of them of political and religious nature. The author emphasizes that IS follows an extreme interpretation of the basic Islamic theological canons, promoting religious violence and regarding those who do not agree with such interpretations as infidels. He distinguishes the main goals of IS — the foundation of Islamic state (caliphate) with sharia laws by returning to the early period of Islamic religion; rejecting all innovations in it; announcing the leadership of jihad as the first priority over all methods of struggle, and as an ultimate goal — proclaiming a world-wide caliphate.

The article highlights the main political and military opposition groups in Iraq and Syria most of which call for the overthrow of the Syrian and Iraqi governments but at the same time launch an active offensive against IS on conquered territory. The author notes the significant differences between the basic theological principles of IS and all opposing groups by underlining the thesis that idea of caliphate has been widely criticized and condemned by United Nations, various governments and mainstream Muslim lawyers which refuse to acknowledge «the Islamic State».

Ключевые слова: исламское государство; халифат; теологические каноны: суфизм; салафизм; ваххабизм; джихад; шариат; сунниты; шииты; алавиты.

Keywords: The Islamic State; caliphate; theological canons: sufism; salafism; wahhabism; jihad; sharia; sunnis; shiites; alawites.

Несмотря на то что словосочетание «исламское государство» (ИГ) стало занимать приоритетные места в периодической печати и аналитических материалах только в последние годы, само это понятие ново. Правда, смысловая разница между прошлыми и современными его трактовками существенная. Если ранее термин «исламское государство» был в основном предметом теологических и правовых исследований, касающихся мусульманских государственных образований прошедших эпох, то в нынешнем его звучании — это еще и название военизированной религиозной группировки, воюющей во имя создания именно такого типа властно-политической организации.

На первый взгляд определение этого военного объединения как «государство» выглядит по меньшей мере непродуманным, как не вполне понятными видятся и планы по его построению на территориях, занятых ныне реально существующими другими мусульманскими странами. Однако более глубокое осмысление идеологических концепций этой группировки, ее теологических установок, критериев причисления тех или иных религиозных групп, общественных структур и даже целых государств к разряду своих «врагов-иноверцев» или же «друзей-единомышленников» говорят о том, что выбор этого названия был не случаен. По мнению

ее лидеров, именно такая его редакция наиболее полно отвечает задаче сплочения всех мусульман для достижения конечной цели — создание регионального, а в перспективе и всемирного халифата.

Как видим, была избрана та форма исламской государственности (халифат), с которой она, собственно говоря, и начиналась почти полторы тысячи лет назад. Срок немалый для ее совершенствования и закрепления, в то же время многовековая история ислама показывает противоположную тенденцию. Это — путь от «расцвета» халифатской формы правления к ее постепенному угасанию и, в конце концов, к исчезновению халифатских государств с карты мира. Последним ее этапом стал распад Османской империи, завершившийся провозглашением 29 октября 1923 г. Турецкой Республики во главе с президентом (а не халифом) Мустафой Кемалем Ататюрком.

Казалось бы, халифат был окончательно вычеркнут из списка возможных форм исламской государственности. Однако такие прогнозы оказались ошибочными: 29 июля 2014 г. лидер группировки «Исламское государство» Абу Бакр аль-Багдади в своем заявлении провозглашает именно халифат в качестве государственного образования на захваченных боевиками ИГ территориях Ирака и Сирии. Более того, титулом верховного правителя

(халифом) он наделяет себя самого со всеми вытекающими из этого властными полномочиями. Неправомерность этих решений признали даже в большинстве мусульманских государств, не говоря уже о западных странах.

Как отметил председатель международного союза мусульманских ученых аль-Карадави, декларация «Исламского государства» недействительна с точки зрения шариата и может иметь опасные последствия для суннитов Ирака. Назначение халифом аль-Багдади со стороны лишь одной группировки, известной радикальными взглядами, не соответствует условиям шариата. Титулом халифа может наделить только вся мусульманская умма [4].

Такую же оценку халифату дает резолюция Ассоциации мусульманских ученых Ирака: «Те, кто объявил о создании халифата, не посоветовались с сынами Ирака или с их лидерами. Это не в интересах Ирака и его единства, и это может стать поводом для разделения страны и причинения вреда народу. Группировка нарушила все условия создания исламского государства, и поэтому объявленный псевдохалифат не обязывает мусульман подчиняться новым правителям» [7].

Аналогичное мнение высказал известный мусульманский шейх Н. Наим: «Что касается главного лозунга ИГ о создании халифата, то это не удивительно: как еще можно заманить в свои ряды молодежь со всего мира? Если говорить о настоящем халифате, то на протяжении 1400 лет мусульмане чтити право всех религиозных групп; они ни с кем не поступали несправедливо. Это есть настоящий исламский халифат, а в действиях ИГ мы видим обратную картину. Она представляет ислам в другом облике, нисколько не присущем настоящему исламу» [10].

И все же аль-Багдади, отказавшись от всех других вариантов исламской государственности (султанат, эмират, имамат), избрал халифат. Этот выбор представляется тем более нелогичным, если учесть, что за прошедшие после последнего османского халифата девять десятилетий на его огромной территории было образовано немало мусульманских государств с различными формами правления, но ни одно из них не выбрало в качестве таковой халифат. Например, Саудовская Аравия — это абсолютная монархия, где королю принадлежат все виды светской и духовной власти; Сирийская Арабская Республика, наоборот, избрала президентскую форму с избираемым законодательным органом Народным собранием, отойдя от руководства в духовной сфере; примерно такое же государственное устройство в Турции; несколько отличная от них форма правления в Объединенных Арабских Эмиратах: это федерация, где власть принадлежит Высшему совету (7 эмиров); наиболее приближена к халифату государственная система в Исламской Республике Иран — имамат: согласно Конституции пожизненным высшим официальным лицом страны является Руководитель — факх (богослов, избираемый Собранием экспертов).

И вот на фоне этого современного многообразия форм правления в мусульманских странах неожиданно зазвучало уже забытое и вышедшее из политического лексикона наименование — халифат.

Логичны вопросы: «каковы причины его возрождения?»; «что это — своеобразный “клон”, “дежавю” этой формы правления древних времен или же какой-то ее модернизированный вариант?»; «реальны ли его перспективы или же это блеф самопровозглашенного “халифа” Абу Бакра аль-Багдади?».

Значимость ответов на эти и сопутствующие вопросы очевидна: несмотря на кажущуюся иллюзорность и утопичность планов ИГ, народы вовлеченных в эти события стран уже поставлены перед фактом жесткой и бесчеловечной реальности: кровавые расправы, бесчинства, насилия, потеря крова и средств существования. Характерно, что все эти злодеяния боевиков ИГ чинятся под лозунгами «во имя Аллаха» и «всемирного халифата». Причины этой навязчивой халифатской идеи понятны: в их основе лежит власть, вернее степень обладания этой властью. В этом плане именно халифат, по мнению лидеров ИГ, как нельзя лучше подходит для реализации своих планов.

Если рассматривать эту проблему объективно, то действительно такая форма исламской государственности в ее первоначальном виде предоставляла правителю неограниченные полномочия во всех мирских и религиозных делах. Ее эталоном считаются халифаты под правлением первых четырех праведных последователей пророка Мухаммеда. Но кроме них многовековая история ислама насчитывает немало других подобных государственных образований. Наиболее известными из них являются: Омейядский халифат (661—770); Аббасидский халифат (750—1258); Османская империя (1299—1922). Среди других — Кордовский халифат (южная часть Испании), Фатимидский халифат (Северная Африка), халифат Сокото (Камерун и Северная Нигерия).

Обобщая исторический опыт функционирования этой политико-религиозной формации, исламские теологи дают такую трактовку *понятия «халифат»* [9]:

а) эта форма правления не являлась королевской, так как она не предполагала передачу власти по наследству от отца к сыну, а основывалась на мнении уммы (общины) и принципе выборности халифа [9];

б) халифат не являлся императорской формой правления, так как в отличие от нее «не делал национальные регионы исламского государства колониями, а наоборот — предоставлял им равные права с центром»;

в) халифат не являлся республиканской системой, так как в исламском государстве правление принадлежит Аллаху, а не народу;

г) халифат не являлся демократической системой, где «люди не придерживаются законов шариата, а личность свободна в своем поведении и делает то, что пожелает»;

д) халифат не являлся федеративной системой, где регионы объединены под генеральным правлением;

е) халиф выступал от имени уммы в правлении власти. Он не мог быть халифом, если умма не дала ему байат (присяга на верность — безоговорочное подчинение халифу) [9].

Опуская заслуживающую отдельного разговора информацию чисто исторического плана о судьбе каждого из существовавших халифатов, в контексте рассматриваемой темы представляется целесообразным выделить в ней одну из главных проблем халифатской формы государственности — вопрос о власти, и прежде всего о месте в ней ее духовной составляющей. Кто и по каким критериям мог стать имамом всех мусульман — вот тот главный «камень преткновения», вокруг которого велась вся борьба за трон. Во многом это объяснялось тем, что на «заре» ислама религиозный лидер, такой, например, как пророк Мухаммед, считался Посланником самого Аллаха, и стать его наследником-имамом было уделом далеко не каждого. Борьба за такой титул во многом предопределила характер истории ислама, и в частности, его раскол на два главных течения — суннизм и шиизм.

Отголоски этой борьбы как раз и проявляются в тех событиях, которые происходят сейчас в Ираке и Сирии. В этой связи действия военизированной, экстремистской группировки «Исламское государство» видятся как прямое наследие худших традиций халифатской истории — достижение своей цели путем завоевательной войны без какого бы то ни было соблюдения гуманности и морали. Однако при всем этом сходстве в бесчеловечности методов борьбы современные боевики ИГ отличаются от своих предков в главном — если во времена прошлых халифатов война велась во имя, пусть и принудительного, объединения разрозненных племен Аравии под эгидой ислама, то сейчас действия экстремистов фактически ведут к расколу мусульманского мира.

При этом усиление такого религиозного противостояния отмечается уже не только по основной линии «сунниты-шииты», но и по характеру теологических трактовок, относящихся к более мелким течениям ислама. Выхолощенные по сути и искаженные по содержанию, все они в комплексе фактически были возведены богословами ИГ в разряд «очищенного» ислама, следование канонам которого декларируется как неперемнная обязанность каждого мусульманина. Именно такой смысловой трансформации были подвержены, в частности, понятия «суфизм», «салафизм» и «ваххабизм». В их основе изначально лежали вполне умеренные идеи о единобожии, поклонении и преклонении перед Аллахом, безусловном следовании образу жизни и вере ранней исламской общины. Однако, не отрицая эти ортодоксальные догматы, исламистские наставники ИГ сместили акценты своей проповеднической деятельности на другие, более поздние радикальные положения этих течений. В основном они касаются не методов убеждения в «божественном предназначении» ислама, а способов принуждения, в том числе насилием, к исламской вере. Как гласит один из постулатов ваххабизма, «все мусульмане, которые не разделяют ваххабитские идеи, являются вероотступниками и подлежат “такфиру” (обвинение в неверии)».

Сегодняшние события на Ближнем Востоке показывают, что «вероотступничество» стало главным «оправдательным» аргументом проявления жесто-

кости и насилия боевиками «Исламского государства». Осуждая нововведения в исламе, они сами наводнили эту религию такими ваххабитскими догматами, которые отвергаются большинством богословов и самими мусульманами. Среди них — запрет на пономничество к могилам святых, на празднование дня рождения пророка Мухаммеда, выражение благодарности за благие дела кому-либо, кроме Аллаха (нельзя, например, говорить «мне помогло это лекарство», так как помочь может только Аллах), и т. д. Все это считается ваххабитами проявлением самого страшного греха — многобожия. Фанатическое следование принципу единобожия привело ваххабитов к непризнанию святых других религий, презрению к их культуре, истории и наследию. Под знаменем борьбы с язычеством и идолопоклонством приверженцами ваххабизма уничтожались даже религиозные памятники старины и культуры, которые соотносились с самим исламом. Снесение старых кварталов Мекки и Медины, разрушение простоявших более 1000 лет строений времен пророка Мухаммеда, памятных надгробий его дочери Фатимы и внука Хасана, подрыв самой священной шиитской мечети в Самарре, уничтожение археологических раскопок в г. Хатре, включенных в список Всемирного наследия ООН, и музея древних скульптур в Масуле — лишь немногие свидетельства, не имеющие ничего общего ни с религиозными традициями самого ислама, ни, тем более, с понятиями цивилизационных ценностей.

Однако такое варварство не ограничивается только пренебрежением к общечеловеческим историко-религиозным достояниям. Оно еще в большей степени проявляется в непризнании главной ценности — жизни человека. Обоснованием для массовых убийств и насилия радикальные ваххабиты считают положение учения Ваххаба о том, что «каждый мусульманин должен принять клятву в покорности единственному главе мусульман — халифу» (т. е. в современных условиях халифу «Исламского государства» аль-Багдади), и далее — «те, кто не соответствует таким взглядам, должны быть убиты, их дочери и жены отданы на поругание, а имущество конфисковано» [5].

Орудие реализации этих установок — *джихад*. Характеризуя задачи джихада, один из проповедников подобного рода «идей» теолог аш-Шафир в своей книге «Светский образ жизни и его последствия» пишет: «Необходим джихад во имя Аллаха. Мы должны объявить войну каждому, кто борется против Аллаха и его Посланника, чтобы исчезло всякое язычество, любая, необязательно религиозная, неваххабитская система идей и действий, чтобы вся религия принадлежала бы только Аллаху». Джихад стал основным орудием воплощения в жизнь идеи всемирного халифата.

Казалось бы, такая масштабная общеисламская перспектива должна была бы привести лидеров «Исламского государства» к мысли о суннитско-шиитском примирении, о всепрощении многовековых взаимных обвинений в вероотступничестве, о снятии претензий к другим конфессиям. Однако, как показывают прошедшие и нынешние события в Ираке и Сирии, все происходит с точностью до на-

оборот. По мере совершенствования организационной структуры и роста боевых возможностей ИГ перенесло акцент в своих военных планах с борьбы против американских войск на войну с «веротступниками», и в первую очередь с мусульманами-шиитами. По словам создателя организации ваххабитского толка «Единобожие и джихад» (прообраз группировки «Исламское государство»), «шииты — это непреодолимое препятствие, затаившийся змей, хитрый и зловредный скорпион с глубоко проникающим ядом» [3].

Наряду с причинами такой суннитско-шиитской взаимной неприязни, связанными с далекой историей ислама, эту вражду во многом можно объяснить и особенностями формирования современной государственности Ирака. Парадокс ситуации состоит в том, что эта страна, будучи провинцией суннитской Османской империи и поэтому управляемая суннитским правительством, по своему религиозному составу всегда была в большей степени шиитским, чем суннитским государством. К моменту обретения Ираком независимости в 1932 г. арабы-сунниты составляли лишь 21 % населения страны, в то время как на шиитов приходилось 53 %, на курдов 14 % [3]. Приблизительно такое же соотношение сохранилось до наших дней (по данным на 2003 г. шииты составляли 60 %). Вот почему долго скрываемое шиитское роптание «до каких пор ...» после свержения С. Хуссейна обрело такие гипертрофированные формы.

В своем стремлении к восстановлению «справедливости» шииты нашли себе союзника в лице Соединенных Штатов. Они надеялись с их помощью уступить свое традиционное место на дне социальной иерархии их противникам-суннитам, которые в годы правления Хуссейна прочно удерживали все рычаги управления страной. И это им удалось. На парламентских выборах 2005 г. блок шиитских партий «Объединенный иракский альянс» получил 48 % голосов против 2 %, набранных суннитским списком аль-Явара. И хотя в образованный Президентский совет входили на равных два вице-президента (один — шиит, другой — суннит), в целом страной уже управляло шиитское большинство.

Реакция суннитского меньшинства на произошедшие события была схожа с бывшими настроениями шиитов — стремление вернуть себе привилегированное властное положение. Вот почему нынешнюю войну группировки «Исламское государство», которая, без сомнения, имеет религиозную окраску, все же было бы ошибочно называть только суннитско-шиитским конфликтом. Это классический вариант борьбы за власть. Именно этой задаче были подчинены все планы лидеров ИГ сменить шиитский режим как в самом Ираке, так и правительства тех государств, которые откажутся присягать современному халифу и быть верными идее «всемирного халифата».

Конечно, не нужно забывать о том, что за этими «ласкающими слух» многих мусульман названиями «исламское государство» и «всемирный халифат» главари ИГ скрывают главное — даже если предположить, что их планы каким-то образом были бы реализованы, то это было бы не просто «исламское»,

а «исламское суннитское государство» и «суннитский халифат». Вот почему общеисламская риторика лидеров ИГ вокруг этой идеи по меньшей мере некорректна.

Однако в идеологическом плане она сыграла довольно значительную роль. Как бы там ни было, но подобно всем призрачным, утопическим учениям о «светлом будущем» идея «всемирного халифата» сумела консолидировать действия разрозненных террористических отрядов аль-Кайды как в самом постсаддамовском Ираке, так и многих военизированных исламистских групп в государствах Северной и Центральной Африки, а также привлечь в свои ряды наемников-исламистов из Америки, Европы и ряда азиатских стран.

Значительным подспорьем стал набор в ряды ИГ бывших военнослужащих саддамовской армии. В основном это оставшиеся после увольнения без работы тысячи солдат и офицеров (по некоторым оценкам, до одного млн чел.) суннитской конфессии, которые были готовы служить ИГ «за веру» и за деньги. Другим серьезным мотивом для возвращения этих военнослужащих — суннитов — на службу под эгидой ИГ стало их стремление вернуть себе былое привилегированное место во властной иерархии.

Идея «всемирного халифата» стала побуждающим мотивом также и для многих иностранных исламистов-радикалов. По данным Центра стратегических исследований США, по состоянию на июнь 2014 г. в рядах ИГ состояли: из Саудовской Аравии — 2500 чел., Туниса — 3000 тыс. чел., Марокко — 1500 тыс. чел., Алжира — более 200 чел. Кроме этих арабских стран в состав ИГ также входили 700 боевиков из Франции, 400 — из Великобритании, 400 — из Турции, 150 — из Австралии, по 120 из Косово и Нидерландов, 100 — из Дании, по 70 — из ФРГ и США, 50 — из Испании, 280 — из Бельгии, а также по несколько десятков из Норвегии, Финляндии, Ирландии и Швеции. Что касается России, то, по данным директора ФСБ А. Бортникова, в рядах ИГ воюют более 1700 граждан Российской Федерации (конец 2014 г.), что в два раза превысило показатель 2013 г. Общее число иностранных наемников оценивается в 19 тыс. боевиков, а на граждан Ирака — более 10 тыс. чел. [2].

В целом *иракская группировка ИГ* представляет собой большое количество крупных и мелких отрядов, сформированных в основном по племенной или конфессиональной принадлежности или их совокупности. Наиболее крупные из них: отряды «*тарикатистов*» (общая численность — более 5 тыс. боевиков); отряды «*накибандийцев*» (включают более 20 формирований, общей численностью до 10 тыс. чел.); отряды «*Главного военного совета иракских революционеров*»; «*Совет племен*» (включают военные отряды более 70 суннитских племен).

Формирование ИГ по «племенному» или конфессиональному принципу имеет как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, оно обеспечивает хорошую дисциплину и беспрекословность выполнения приказов своих непосредственных командиров, но с другой — снижает уровень повиновения высшему командованию, осо-

бенно если отданные им распоряжения идут вразрез с «племенными интересами».

Основной группировкой, воюющей против сил ИГ в Ираке, являются правительственные войска (общая численность — до 280 тыс. чел.). На их вооружении находятся советские и западные образцы бронетанковой, авиационной и артиллерийской техники, в том числе более 140 американских и советских танков («Абрамс», Т-55, Т-72), около 50 боевых самолетов СУ-25 и штурмовых вертолетов Ми-35м, около 40 единиц РСЗО «Град» (часть из них захвачена ИГ) [1].

Ввиду того что правительственные войска укомплектовываются в основном призывниками, и что важно — молодыми иракцами в большинстве из бедных семей, исповедующих не только шиизм, но и идеи других конфессий, их боевая подготовленность, моральное состояние оцениваются как «не вполне отвечающие поставленным задачам». Подавляющая их часть — люди с начальным образованием, не позволяющим им в полной мере усвоить даже начальный курс военной подготовки. Если их противники-боевики ИГ осознанно воюют «за веру», то многие военнослужащие правительственных войск такой идеологически обоснованной цели перед собой не видят. Эти факторы приводят к росту дезертирства (по некоторым данным — более 90 тыс. чел.) [1].

Боеспособность группировки «Исламское государство» оценивается по-разному. С точки зрения укомплектованности личным составом, его боевой подготовки, обеспеченности современными видами вооружений ИГ относят к наиболее боеготовому военизированному формированию из числа всех существующих в мире группировок террористического типа. Уже один только факт неспособности правительственных войск Ирака, даже с учетом их поддержки авиационными ударами ВВС ряда западных стран, переломить ситуацию в свою пользу говорит о многом.

Захват и удержание под своим контролем значительной территории Ирака и Сирии — лишь одно из подтверждений уровня боеспособности ИГ. Фактически в результате военных действий Ирак и Сирия утратили свою государственную унитарность: в Сирии обособились подвластные правительственным войскам алавитские области, курдским подразделениям — провинции, населенные в основном курдами, и районы, подвластные отрядам ИГ; иракская территория разделена на подконтрольный курдам север, захваченный ИГ «суннитский треугольник» и шиитский юг, управляемый центральной властью. Характерно, что интересы группировки «Исламское государство» в «суннитском треугольнике» и Иракском Курдистане имеют довольно серьезные отличия. В первом случае приоритетными являются религиозные факторы, во втором — экономические причины.

Привлекательность территории «суннитского треугольника» (его вершины — г. Багдад, Тикрит, Ар-Ромади) во многом объясняется религиозным составом ее населения, большую часть которого составляют арабы-сунниты. Будучи по сути суннитской организацией ИГ надеялось найти среди

них существенную поддержку в построении на этой территории первого «образца», прообраза будущего халифата. Завоевав в большей части «треугольника» лидирующее военное положение, ИГ пытается укрепить его соответствующими административными мерами. Здесь отменены все прежние паспорта и выданы новые удостоверения «халифатского государства», сформированы «халифатские органы власти». Однако ожидаемого признания и понимания со стороны жителей-суннитов «треугольника» это образование не получило.

В целом государственное образование ИГ на территории «суннитского треугольника» можно охарактеризовать как навязанную военной силой административную структуру — квазихалифат, который по управленческому составу и по своим функциям подстроен под иллюзорные задачи построения халифатской империи и на практике демонстрирует свою политическую и экономическую несостоятельность. Если на захваченной части «суннитского треугольника» ИГ все же удалось выстроить хоть какое-то подобие халифата — квазихалифат, то повторение этого опыта в других северных провинциях Ирака, где суннизм также доминирует среди других конфессий, представляется бесперспективным. В первую очередь это относится к *Иракскому Курдистану*, населенному в основном курдами-суннитами (75 % населения). Казалось бы, боевики ИГ должны были бы найти в них если не надежных союзников, то хотя бы «молчаливых» сторонников идеи суннитского халифата. В то же время практика не только опровергает все надежды, но показывает открытое, в том числе и военное, противодействие курдов попыткам ИГ подчинить себе этот народ. Главные причины такого «недружелюбия» следует искать в непростой, порой трагической общей истории ближневосточных курдов, связанной с их борьбой за право создания своего независимого государства, а что касается Иракского Курдистана — во враждебном характере его отношений с постмонархической суннитской властью этой страны.

Вся история Иракского Курдистана представляет собой борьбу курдов с центральными суннитскими властями за свою относительную независимость в составе Ирака. Вопрос о выделении этой территории в отдельное курдское государство никогда не ставился, а конечной целью этой борьбы было обретение статуса широкой автономии. Но даже эта задача, несравненно менее масштабная по сравнению с многовековой мечтой о «Великом Курдистане», обошлась иракским курдам дорогой ценой — фактическим геноцидом, чинимым по отношению к этому народу суннитским режимом С. Хуссейна. Вот почему когда Иракский Курдистан стал объектом интересов ИГ, то к опасениям курдов потерять свою независимость в составе навязанного квазихалифата прибавились все прошлые «обиды» на саддамовскую суннитскую власть. Именно этим фактором можно объяснить нынешний выбор курдов-суннитов в качестве своего союзника религиозно чуждого для себя шиитского правительства сначала аль-Малики, а затем — премьера аль-Абади.

Этот союз суннитов и шиитов в борьбе против ИГ вовсе не означает умиротворенное согласие этих

сторон в своих целях и интересах. Если для Курдистана правительственные войска — это дополнительная сила в стремлении сохранить свою независимость и вопрос выживаемости, то для багдадской власти курдские отряды — это в первую очередь военная поддержка в противодействии возможному захвату группировкой ИГ курдской территории, богатой нефтью и газом. Проблема суверенитета Курдистана для Багдада в данной обстановке отодвигается на второй план. Что касается непосредственно ИГ, то его в одинаковой степени интересует как сама территория Курдистана, так и залежи нефти на ней (на территории Иракского Курдистана добывается около 60 % нефти. Общие запасы в этом регионе оцениваются в 45 млрд барр., по Ираку — 115 млрд барр. Запасы газа — около 6 трлн куб. м) [6].

Нефть Курдистана для всех заинтересованных акторов стала все больше приобретать значимость не только экономического, но и политического фактора. Показательна в этом плане позиция Соединенных Штатов по курдской проблеме. До недавнего времени внешнеполитическое ведомство США в большей степени склонялось к поддержке территориальной целостности Ирака, а в меньшей — независимости Курдистана. Сейчас, продолжая выступать за такую же целостность, США в равной степени поддерживают и стремление Иракского Курдистана расширить свои права как суверенной автономии, а в дальнейшем не исключают и обретения им полной государственности. Традиционный исторический противник независимого Курдистана Турция также поменяла свою внешнеполитическую риторику по курдскому вопросу на более взвешенный миролюбивый тон. Перспективная ее цель — превращение Турции в ключевой энергетический мост между Европой и Ближним Востоком (газопроводы Blue Stream, South Stream, Иранская ветка Nabucco, трубопровод Баку-Джейхан, Киркук-Джейхан) [5].

На фоне этого многообразия целей и интересов многих государств, в той или иной степени вовлеченных в суннитско-шиитский конфликт, Иракский Курдистан объективно выступает в роли определенной «третьей силы», которая могла бы стать связующим звеном, нейтральным «посредником» для предотвращения распада Ирака и Сирии на конфессиональные анклавы.

Характеризуя *сирийскую группировку ИГ* с точки зрения ее военного противостояния или союзничества по отношению к другим противоборствующим силам, необходимо выделить один существенный момент. Суть в том, что, несмотря на общность стратегической цели ИГ в Ираке и Сирии (построение на захваченных территориях халифата), в тактическом плане действия боевиков ИГ в этих странах имеют существенные отличия. Если на иракском фронте эта группировка выступает как единственная противостоящая правящей власти сила, то в Сирии отряды ИГ — это лишь часть многогранной военной «мозаики», где переплелись интересы многих политических и религиозных сил. Естественно, что в условиях такого разнообразия целей и задач воюющих сторон, их конфессиональной принадлежности лидеры ИГ вынуждены искать среди них как

своих союзников-единомышленников, так и определять противников. Общие критерии для такого отбора сводятся к ответам на вопросы: является ли та или иная группировка сторонником режима Б. Асада или его противником?; поддерживает ли она идеи построения халифата в Сирии?; какой религиозной идеологии придерживаются ее боевики — суннитской или шиитской?

Что касается первой позиции, то здесь отрицательное отношение к правящему режиму Б. Асада характерно как для ИГ, так и всей сирийской оппозиции. Причины антиасадовских настроений во многом схожи с мотивами отстранения от власти суннитского режима С. Хуссейна. Как в Ираке, так и в Сирии у власти в течение многих десятилетий находилось конфессиональное меньшинство (Сирия — алавиты, Ирак — сунниты), а большинство (в Ираке — шииты, в Сирии — сунниты) было отстранено от власти.

Естественно было бы ожидать, что находящиеся не у власти сирийские сунниты должны были бы поддержать ИГ в его борьбе с алавитским режимом Асада. Однако этого не происходит, так как перспектива построения на сирийской территории халифата, пусть и суннитского толка, видится самими суннитами этой страны несостоятельной как в отношении ее реализации, так и по своей религиозной сути. Даже в уже захваченных ИГ суннитских территориях Сирии идеи халифата не находят той поддержки, на которую рассчитывали лидеры этой группировки. Как отметил видный сирийский проповедник аль-Арур, «разногласия между сирийцами-суннитами и ИГИЛ не являются разногласиями о военной тактике, экономике или политике. Они касаются сугубо шариатских проблем. ИГИЛ отвергает основы основ религии, что достаточно, чтобы обвинить его в неверии. Если бы этот убийца аль-Багдади действительно призывал к истине, если бы он действительно был мусульманином, то он стремился бы к соблюдению основ шариата. Мы обязаны называть его мунафиком (лицемером). Среди мусульман Сирии и Ирака есть множество людей, дети и братья которых убиты ИГИЛ. Осознанно уничтожаются лучшие лидеры и воины сирийского сопротивления» [8].

Еще большее отторжение ИГ получает от практически всех политических сил Сирии, входящих в структуры *политической оппозиции*. Характерно, что в числе всех зарегистрированных еще до гражданской войны партий не было ни одной придерживающейся крайних исламистских взглядов. Нет таковых и в нынешней политической оппозиции, основными представителями которой внутри страны являются: «Народный фронт за свободу и перемены»; «Коалиция сил за мирные перемены»; «Национальный координационный комитет за демократические перемены». Среди *внешней оппозиции* наиболее известны: «Сирийский национальный совет»; «Национальная коалиция оппозиционных и революционных сил»; Военно-политическое объединение «Курдский национальный совет», который создан в Иракском Курдистане в 2011 г. Включает более 15 партий. Выступает за автономию курдов в Сирии. На его основе в 2012 г. образован «Высший Совет курдов Сирии».

Характерно, что ни одна из оппозиционных политических сил Сирии не содержит в своих программах положения о поддержке группировки «Исламское государство» и тем более ее планов по созданию здесь филиала халифата. Хотя те и другие выступают за свержение режима алавитского толка Б. Асада, но что касается будущего политического устройства Сирии, взгляды на эту проблему у них диаметрально противоположные: политическая оппозиция — за неделимое, единое государство; исламисты ИГ — за халифатский анклав в нем.

Если противостояние политической оппозиции Сирии и боевиков-исламистов в общем плане носит, образно говоря, «теоретический», «невоенный» характер, то разногласия ИГ с другими вооруженными формированиями Сирии, также выступающими против режима Б. Асада, зачастую выливаются в открытую, непримиримую войну. В данном случае на карту поставлены уже не только зоны влияния и интересов, но также зоны обладания теми или другими сирийскими провинциями. Для группировки «Исламское государство» наиболее привлекательными являются те сирийские территории, которые в наибольшей степени отвечают двум критериям: экономическому — наличие в них богатых нефтяных и газовых месторождений; конфессиональному — преобладание суннитского населения. В этом плане захватнические цели ИГ в Сирии и Ираке во многом совпадают. Однако если в Ираке эта группировка почти единовластно претендует на наибольшую часть иракского «нефтяного пирога», то в Сирии желающих заполучить какую-то его долю гораздо больше. При этом все они помимо нефтяных интересов преследуют не менее важные для них цели воплощения в жизнь своих конфессиональных амбиций. Единственное, что объединяет ИГ с другими повстанческими формированиями, — это общность задачи по свержению режима Б. Асада, а также исламистский характер их призывов и лозунгов.

Исходя из этих признаков все военизированные антиасадские формирования условно можно выделить в категорию *военной оппозиции*, включающую: «Сирийскую свободную армию» (ССА); «Исламский фронт освобождения Сирии» (ИФОС); «Сирийский исламистский фронт» (СИФ); группировки, связанные с «Аль-Каидой»: «Фронт ан Нусра», «Армия сподвижников пророка», «Отряды народной самообороны» — боевое крыло Курдского верховного комитета.

Нетрудно заметить, что большинство из всех этих военных объединений носит откровенно исламистский, радикальный характер и преследует сходную с ИГ цель — построение исламского государства. Вопрос заключается в том, какого типа будет это государство и кто будет в нем главенствовать? Именно разногласиями по этой кардинальной проблеме можно объяснить те трудности, с которыми сталкивается ИГ в поисках своих союзников в Сирии, а также временный характер подобного рода союзов. Наглядным примером таких «нестыковок» может служить факт отказа лидеров ИФОС и СИФ включить группировку «Исламское государство» в образованный этими двумя военизированными объединениями единый «Исламский фронт», не говоря

уже о многих случаях открытых боевых столкновений между ними. Тем более не может быть речи о какой-либо координации боевых действий ИГ с «Сирийской свободной армией» и отрядами «Народной самообороны» курдов. Что касается последних, то уже одна только острота столкновений между ИГ и курдскими формированиями за г. Кобани (погибло более 1000 джихадистов) говорит о степени вражды между ними. Характерно, что в большинстве боевых операций курдские отряды и повстанцы ССА нередко выступают единым фронтом как против ИГ, так и других групп военной оппозиции.

В то же время необходимо отметить, что такая конфессиональная разногласия в антиасадских силах нередко «играет на руку» самой группировке «Исламское государство». Этот фактор — далеко не последний в числе причин периодических успехов боевиков ИГ на фронтах сирийской гражданской войны. В целом в зависимости от ситуации эта группировка контролирует от 20 до 35 % северных территорий Сирии, в том числе богатую нефтью провинцию Дейр аз-Зор [8].

Естественно, что содержание этой всей довольно мощной военной группировки требует немалых финансовых средств. Наиболее богатый источник их пополнения — торговля нефтью, в основном контрабандным способом. По разным оценкам, ежедневный доход ИГ только от продажи углеводородов составляет около 2 млн долл. США (в год — до 800 млн долл.). В зависимости от складывающейся боевой обстановки ИГ контролирует от 5 до 10 нефтяных месторождений, а также ряд крупных «перевалочных» пунктов контрабанды нефти (в частности, до недавнего времени — г. Кобани на границе с Турцией). Турецкие трейдеры скупают нефть по бросовым ценам (в среднем 30–60 долл. за барр., в то время как на мировом рынке — 60–70 долл.). Как видим, подобная «купля-продажа» есть не что иное, как открытое финансирование террористической деятельности ИГ. Другими статьями доходов ИГ являются пожертвования его сторонников (по некоторым данным, наибольшие суммы от богатей Саудовской Аравии и Катара), выкупы за похищенных заложников, ограбления банков, принудительное изымание средств у населения и т. п.

Говоря о других факторах, способствующих определенным захватническим успехам ИГ в Ираке и Сирии, необходимо упомянуть о косвенном влиянии на эти события деятельности ряда «удаленных» от ближневосточного региона других военизированных исламистских групп. Поддержка ИГ со стороны этих местных джихадистов проявляется как в открытой демонстрации своей приверженности идеям группировки «Исламское государство» («клятвы на верность» ИГ), так и в схожих с ИГ формах ведения борьбы «за чистоту ислама» (жесткость, террористические акты, насилие и разбой). Наиболее активно деятельность этих исламистских группировок проявляется в государствах Северной и Центральной Африки. Основные из них: в Ливии — «Рассвет Ливии», «Ливийская исламская боевая группа», «Совет шуры исламской молодежи», «Анар аш-Шариа»; в Алжире — «Вооруженная исламская группировка», «Аль-Кайда в странах исламского Магриба»; в

Египте — «Братья-мусульмане», «Священная война», «Исламская группа», «Борцы дома Махди»; в Тунисе — «Ансар аш-Шариа»; в Нигерии — «Боко Харам» (переименована в «Западноафриканскую провинцию «Исламского государства»); в Сомали — «Аль-Шабаш»; в Мали — «Движение за единение и джихад», «Ансар ад-Дин», «Батальон подписавшихся кровью», «Сыны пустыни за исламскую справедливость»; в ЦАР — «Селека».

Вместе с тем имеются группировки шиитского толка, выступающие против суннитских идей груп-

пировки «Исламское государство». Главная из них — ливанская организация «Хезболла». Близкой к ней является военизированная группировка шиитов-зейдитов в Йемене «Ансар Аллах» (хуситы).

По мнению специалистов-востоковедов, наиболее мощной преградой против ИГ может стать единение и сплоченность антиисламистского мусульманского мира, пропаганда реальной исламской религии и разоблачение ее суррогата в лице экстремистской, террористической организации «Исламское государство».

Библиографические ссылки

1. 9 мифов об «Исламском государстве Ирака и Леванта» [Электронный ресурс] // Вести. Экономика. 03.09.2014. URL : <<http://www.vestifinance.ru/articles/46413/>> (дата обращения : 02.05.2015).
2. Джихад с голливудским размахом [Электронный ресурс] // Газета.ru. 24.09.2014. URL : <http://www.gazeta.ru/science/2014/09/24_a_6232837.shtml> (дата обращения : 21.04.2015).
3. «Исламское государство Ирака и Леванта» угрожает безопасности Южного Кавказа [Электронный ресурс] // Научное общество кавказоведов. 30.06.2014. URL : <<http://www.kavkazoved.info/news/2014/06/30/iraq-igil-ugrozhayet-bezopasnosti-uzhnogo-kavkaza.html>> (дата обращения : 21.04.2015).
4. Исламские ученые: «ИГИЛ совершает преступления против Ислама» [Электронный ресурс] // Ислам для всех. 08.09.2014. URL : <<http://islam.com.ua/news/18406-2014-09-08-20-19-19>> (дата обращения : 24.04.2015).
5. Крук А. Нельзя понять, что такое ИГИЛ, не зная историю ваххабизма в Саудовской Аравии [Электронный ресурс] // Война и мир. 06.09.2014. URL : <<http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/93677/>> (дата обращения : 22.03.2015).
6. Пособники терроризма. Кто покупает нефть у боевиков ИГИЛ? [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. 30.10.2014. URL : <<http://www.aif.ru/money/economy/1372353>> (дата обращения : 02.05.2015).
7. Суннитские богословы осудили и отвергли халифат ИГИЛ [Электронный ресурс] // Ансар. 14.07.2014. URL : <<http://ansar.ru/sobcor/sunnitskie-bogoslovy-osudili-i-otvergli-halifat-igil>> (дата обращения : 24.04.2015).
8. Террористическая организация «Исламское государство». Досье [Электронный ресурс] // ИТАР-ТАСС. 27.05.2015. URL : <<http://itar-tass.com/info/1264570>> (дата обращения : 02.05.2015).
9. Халифат — система правления в исламе [Электронный ресурс] // Халифат — исламское государство. URL : <<http://halifat.org/>> (дата обращения : 22.03.2015).
10. Шейх: «ИГИЛ воплощает на Ближнем Востоке сионистские планы» [Электронный ресурс] // Новости ислама. 24.03.2015. URL : <<http://www.islamnews.ru/news-454880.html>> (дата обращения : 20.04.2015).

Статья поступила в редакцию в июне 2015 г.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ, МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Бабкина Е. В. Роль решений Суда Европейского союза в формулировании принципов права Европейского союза

Дейкало Е. А. Объективная ответственность в международном праве: категориальный анализ

Довгань Е. Ф. Верховенство права и Совет Безопасности ООН: проблемы применения целевых санкций

Лепешков Ю. А. Правовое регулирование сотрудничества государств и международных организаций в области охраны и рационального использования водных ресурсов: современные тенденции

АВТОРЫ

Бабкина Елена Васильевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Дейкало Екатерина Александровна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Довгань Елена Федоровна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Лепешков Юрий Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

РОЛЬ РЕШЕНИЙ СУДА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ФОРМУЛИРОВАНИИ ПРИНЦИПОВ ПРАВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Е. В. Бабкина

Анализируется влияние правоприменительной практики Суда Европейского союза на определение функциональных принципов права ЕС: принципа приоритета и принципа прямого действия. Рассматриваются наиболее значимые прецеденты, раскрывается их роль в закреплении принципов в учредительных документах Европейского союза.

The article deals with the study of the European Court of Justice case law impact on definition of the functional principles of the European Union law: the principle of priority and principle of direct action (effect). The most significant precedents are covered; their role in formation and stipulation of the principles in the basic instruments of the European Union is analyzed.

Ключевые слова: Европейский союз; европейское право; принцип приоритета (верховенства); принцип прямого действия; принципы права.

Keywords: the European Union; the European law; principle of priority (supremacy); principle of direct action (effect); principles of law.

Право Европейского союза — феномен современности, представляющий собой результат тесной европейской интеграции в различных областях деятельности, уникальный наднациональный правовой порядок. Исследование нормотворческой и правоприменительной практики ЕС может оказать неопределимую роль в углублении интеграции в рамках международных организаций и интеграционных объединений с участием Республики Беларусь. Как известно, основу правовой системы составляют базовые принципы, которые являются отправной точкой в ее развитии. Цель данной работы — выявление закономерности влияния правоприменительной практики Суда Европейского союза на формулирование принципов права в учредительных документах ЕС и формулирование предложений по использованию опыта ЕС в международных организациях и интеграционных объединениях, участницей которых является Республика Беларусь. Данная проблематика не исследовалась непосредственно в доктрине, но затрагивалась в комплексного характера работах, посвященных Европейскому союзу, в частности в трудах С. Ю. Кашкина [2], Б. Н. Топорнина [5], Л. М. Энтина [7] и других.

Как известно, принципы права — исходные или ведущие положения, основные идеи формулирования, развития и функционирования норм права. Принципы права обладают высшей императивностью и универсальностью [3, с. 76]. Принципы права — те базовые положения права, которые, безусловно, формируют категорию «публичный порядок». На формулирование принципов права Европейского союза оказали определенное влияние основополагающие принципы международного права и права национальных систем государств-участников, однако специфику системы принципов права ЕС определяют в большей степени самобытность и автономность уникального интеграционного объединения, не являющегося ни федерацией, ни конфедерацией, ни классической международной организацией.

Принципы права обладают следующими важными характеристиками, отражающими их сущность:

- 1) аксиоматичность (безусловность верховенства норм-принципов над другими правовыми нормами);
- 2) императивность (обязательная отмена нормативного правового акта в случае его противоречия принципам права);
- 3) универсальность (распространение на все отрасли и институты европейского права);
- 4) системность;
- 5) нормативность (закрепление в определенной норме права).

Отсутствие четкости и определенности является причиной различий в доктринальных подходах к выделению и классификации принципов права ЕС. Так, одни авторы делят принципы европейского права на общие и специальные (иногда используется терминология «принципы общего и специального характера»), другие — на общие и функциональные. Существует и классификация принципов на четыре группы в зависимости от назначения и сферы действия: принципы приоритета и прямого действия права ЕС (определяют соотношение права ЕС и права государств-членов); общие принципы права (действуют во всех сферах компетенции ЕС); специальные принципы (характерны для отдельных отраслей европейского права); принципы деятельности ЕС, определяющие порядок реализации Союзом своей компетенции. Не вдаваясь в оценку той или иной классификации, мы будем исходить из деления принципов на четыре группы.

Идея **верховенства права** ЕС вытекает из общепризнанного принципа *pacta sunt servanda*, но имеет отличия: она устанавливается не национальным правом, а самим интеграционным объединением. В то же время во всех случаях этот принцип имеет конституционную основу: это может быть общая норма Конституции о верховенстве международных договоров или специальная — о принадлежности государства к европейскому образованию; либо же такой вывод может следовать из толкования Конституции, что говорит о специфичности права ЕС, сочетании в нем как классических черт международного права, так и определенных особенностей [11].

Международное публичное, международное частное и европейское право

Право Европейского союза автономно по отношению к международному праву, что неоднократно подчеркивалось в практике Суда Европейского союза. Так, в решении по делам № С-6/90 и С-9/90 *Franco v. Bonifaci v. Italy* устанавливается: «Договор о ЕЭС создал собственный правовой порядок, интегрированный в правовые системы государств-членов и обязательный для их судов, субъектами которого являются не только государства-члены, но также их граждане» [13]. Аналогичное мнение высказывается и национальными высшими органами конституционного контроля. К примеру, решением Конституционного совета Франции № 2004-505 подтверждается признание Конституцией Франции «существования правового порядка ЕС, интегрированного во внутренний правовой порядок и отличного от международного правового порядка». Данный вывод подтвержден решением Конституционного совета Франции № 2007-560 DC по вопросу конституционности Лиссабонского договора [1, с. 144].

Принцип приоритета и прямого действия права ЕС относят к функциональным или квалификационным принципам права. Их особенностью является прецедентный характер. Сегодня не подвергается сомнению утверждение о том, что принципы права могут быть сформулированы в законе в самом общем виде либо выводятся из его содержания путем толкования [4, с. 149–150].

Сложность однозначного ответа на соотношение и соподчиненность двух систем права — ЕС и национальных правовых систем — заключается в квалификации первичных источников права ЕС (учредительных договоров) в качестве международных договоров. Дело в том, что не все государства придерживаются монистической теории международного права (прямое действие норм международного права). Согласно дуалистической теории международного права, которая действует в Великобритании, Ирландии, Дании, Италии и других государствах, нормы международного договора не обладают прямым действием и становятся источником права только после их трансформации посредством имплементации в национальные правовые системы. Таким образом, наделение учредительных договоров ЕС международной конвенциональной природой дает государствам право самостоятельно определять их роль и место в национальных правовых системах. Попытки государств в лице высших судебных органов признавать себя компетентными решать вопрос о соотношении источников национального и европейского права на первом этапе существования Союза порождали серьезные вопросы для реальной интеграции.

Согласно **принципу приоритета (верховенства)** право Евросоюза как уникальной международной организации с наднациональными полномочиями имеет большую юридическую силу, нежели национальное право государств-членов. Только такой подход способен служить достижению главных целей ЕС, о которых речь шла выше, в первую очередь защита ценности ЕС и обеспечение благополучия и благосостояния народов ЕС.

Принцип приоритета не был закреплен в позитивном праве Союза учредительными договора-

ми, он установлен и получил развитие в решениях Суда Европейского союза, впервые сформулирован в знаменитом деле *Costa v. ENEL* от 15 июля 1964 г. [12]. Суть дела состояла в следующем. В 1962 г. в результате национализации итальянским правительством энергетической отрасли держателям акций частных компаний в указанной сфере был нанесен ущерб. Впоследствии один из держателей акций гражданин Италии Фламино Коста отказался оплачивать счета за электроэнергию, рассматривая свои действия как своеобразную компенсацию за убытки. При рассмотрении дела в миланском суде Коста аргументировал свою позицию противоречием норм акта о национализации положениям учредительных договоров. Несмотря на требование правительства Италии рассматривать спор в национальном суде, основываясь на национальном праве, суд направил преюдициальный запрос в Суд Европейского союза (который в то время назывался «Суд Европейских сообществ»). В своем решении Суд ЕС указал на то, что «сами государства — участники ЕС, учредив на неопределенное время Сообщество, располагающее собственной организационной структурой, право- и дееспособностью, правом самостоятельно выступать в международных отношениях, ограничили свои суверенные права в определенных сферах и создали систему права, обязательную для применения как самими государствами, так и их юридическими и физическими лицами» [10, р. 277–278]. Два главных постулата принципа верховенства права ЕС были сформулированы Судом ЕС в названном решении. Во-первых, признавалось, что государства сообща и недвусмысленно передали часть своих суверенных прав учрежденному Сообществу и не вправе совершить обратное путем последующих односторонних действий, идущих вразрез с установленным в рамках ЕС правовым порядком. Во-вторых, устанавливалось, что право ЕС, закрепленное в автономных источниках права, принятых на основе учредительных договоров, не может вследствие своей особой природы быть оспорено каким-либо внутренним правовым актом без того, чтобы не ликвидировать статус права Сообщества и не поставить под сомнение правовую основу самого Сообщества.

В дальнейшей практике Суда ЕС данные положения были конкретизированы. Так, в решении по делу № 11/70 *Internationale Handelsgesellschaft* Суд ЕС высказался относительно формы национальных правовых актов, приоритет над которыми имеет европейское право, и обозначил приоритет права Сообщества даже над нормами конституций: «...действительность того или иного акта Сообщества не может быть затронута, а его эффективное применение на территории государства — участника ЕС не может быть поставлено под угрозу в результате заявления о том, что данный акт противоречит основополагающим правам и свободам, закрепленным в национальной конституции, или идет вразрез с принципами внутригосударственного устройства» [10, р. 279–280].

В хрестоматийном решении по делу № 92/78 *Simmenthal* Суд ЕС определил правило действия права ЕС во времени и отметил, что национальные

суды обязаны обеспечить на территории каждого государства-участника эффективное применение имеющих прямое действие норм права ЕС, а также противодействовать применению каких-либо противоречащих ему норм внутреннего законодательства, даже если последние приняты хронологически позднее. В случае противоречия норм национального права актам ЕС национальные правовые акты являются недействительными с момента принятия [10, р. 524–525]. В решении по делу № C-106/89 *Marleasing SA v. La Comercial Internationale de Alimentation SA* Судом ЕС была обозначена обязанность национальных судов в процессе применения и толкования национального права не допускать конфликта с правом ЕС [8, р. 213–214]. Доводы, положенные в основу решения *Simmenthal*, получили дальнейшее развитие в решении по делу *Factortame* (1990), где суд обязал национальные суды в целях обеспечения эффективности европейского права применять национальные механизмы даже в том случае, если они не существовали ранее.

Несмотря на повышенное внимание Суда ЕС и включение его в Договор об учреждении Конституции для Европы 2004 года, предложение о закреплении принципа верховенства в первичном праве не нашло отражения в тексте Лиссабонского договора. Вместе с тем наблюдаются определенные подвижки в деле нормативного закрепления принципа верховенства. В частности, Декларация № 17, являющаяся приложением к Лиссабонскому договору, устанавливает: «Конференция напоминает, что согласно неизменной практике Суда ЕС учредительные договоры и право ЕС, принятое Союзом на базе договоров, обладают верховенством по отношению к праву государств-членов в соответствии с условиями, определенными данной судебной практикой». Декларация не интегрирована в текст договоров, как предлагалось в проекте Конституции для Европы, не обладает императивной силой, однако сам факт фиксации указанных положений в приложениях к учредительным договорам свидетельствует о твердом намерении государств-членов следовать принципу приоритета европейского права.

Данный вывод поддерживается и в решениях служб институтов ЕС. Декларация дополнена Заключением Юридической службы Совета от 22 июня 2007 г. (документ 11197/07): «Практика Суда ЕС свидетельствует об основополагающем характере принципа верховенства этого права. По мнению Суда, упомянутый принцип неразрывно связан с особой природой Европейского союза. На момент вынесения первого решения в рамках устойчивой судебной практики (решение от 15 июля 1964 г. по делу 6/64 *Costa v. ENEL*) данный принцип не упоминался учредительными договорами. Аналогичная ситуация сохраняется и в настоящее время. Тот факт, что указанный принцип текстуально не будет включен в будущий договор, не внесет никаких изменений ни в существование упомянутого принципа, ни в действующую правоприменительную практику Суда» [1, с. 666–667].

Нельзя сказать, что идея верховенства komunitarного права не без препятствия была встречена национальными правоприменителями. Особо остро

конфликт европейского и конституционного права обозначился в таких странах, как Германия, Италия, Польша.

В этих государствах получила развитие «доктрина контрлимитов», согласно которой конституционные суды обязаны проверять: 1) непротиворечие норм права ЕС фундаментальным конституционным правам и 2) соблюдение принципа *ultra vires* (соблюдение компетенции). Квинтэссенция названной доктрины сформулирована Федеральным Конституционным Судом Германии в решении от 29 мая 1974 г. по делу *Solange I*: «...до тех пор, пока недостаточный уровень защиты будет сохраняться, Федеральный Конституционный Суд оставляет за собой право осуществлять контроль над нормами европейского права, которые могут нарушить фундаментальные права, гарантированные Конституцией» [8].

Реакцией на такой подход стала политика Суда ЕС планомерного и поступательного закрепления принципа права ЕС в своих решениях при соблюдении гибкого подхода и восполнения Судом ЕС пробельности европейского права о защите основных прав (использование концепции общих конституционных традиций государств-членов, а также применение международных договоров, не являющихся источниками европейского права).

Суд ЕС в решениях начала XX в. сформулировал концепцию национальной конституционной идентичности: в решении по делу *Schmidberger* 2003 года на усмотрение государства отдается соотношение таких прав и свобод, как конституционное право на манифестации и свобода движения товаров в праве ЕС, в решении по делу *Omega* 2004 года — конституционное право на достоинство личности и свобода оказания услуг в европейском праве.

Гибкость Суда ЕС в данном вопросе привела к смягчению подхода национальных судов, и уже в решении от 22 октября 1986 г. по делу *Solange II* Федеральный Конституционный Суд ФРГ обозначает отказ от конституционного контроля актов ЕС, аргументируя это тем, что уровень защиты основных прав в ЕС соответствует национальным стандартам ФРГ [9].

Однако точка в дискуссии Суда ЕС и национальных судов не поставлена. О продолжении диспута свидетельствуют решения по делам *Honnywell* и *Fransson*.

Принцип прямого действия находится в тесной связи с принципом приоритета права ЕС и заключается, во-первых, в отсутствии необходимости трансформации источников европейского права в национальное право, т. е. совершения государствами внутригосударственных процедур для вступления в силу источников европейского права. Неприменение обязательных норм права ЕС или их неполное или ошибочное применение квалифицируется как нарушение действующего права и влечет за собой ответственность. Во-вторых, принцип прямого действия означает возможность непосредственного (прямого) применения источников европейского права к правоотношениям с участием физических и юридических лиц государств — участников ЕС. Прямое действие имеет место как в горизонтальных

отношениях — отношениях между однопорядковыми субъектами права (юридическое лицо — юридическое лицо), так и в вертикальных отношениях — отношениях между разноуровневыми субъектами права (орган государственной власти — юридическое лицо).

В отличие от принципа верховенства права принцип прямого действия обладает ограниченным характером, поскольку применим в отношении определенных источников европейского права. Так, нормы учредительных договоров, непосредственно закрепляющие права и обязанности государств и их субъектов, имеют прямое действие (к ним относятся, в частности, нормы о запрещении количественных ограничений в сфере свободного передвижения лиц, услуг и капиталов, таможенных пошлин, правил конкуренции и др.). Примером такого рода норм выступают, например, положения статьи 34 Договора о функционировании Европейского союза [1, с. 211–390]: «Между государствами-членами запрещаются количественные ограничения на импорт, а также любые равнозначные меры». С другой стороны, норма статьи 7 того же Договора — «Союз заботится о согласованности между различными направлениями своей политики и деятельности с учетом всей совокупности своих целей и в соответствии с принципом наделения компетенций» — непосредственным действием не обладает. Как уже отмечалось выше, к такого рода нормам относятся нормы-принципы, нормы, формулирующие ценности, цели и задачи Европейского союза.

В соответствии с частью 2 статьи 288 Договора о функционировании Европейского союза «регламент является обязательным в полном объеме и подлежит прямому применению во всех государствах-членах».

Иная ситуация сложилась с другим источником вторичного права — директивой. Согласно части 3 статьи 288 Договора о функционировании Европейского союза «директива имеет обязательную силу для каждого государства-члена, которому она адресована, в отношении результата, которого требуется достичь, но оставляет в компетенции национальных инстанций выбор формы и способов достижения». Таким образом, по общему правилу нормы директивы подлежат трансформации в национальное право в сроки, определенные в ней для различных государств-членов. Формы и способы трансформации государства определяют самостоятельно в соответствии с национальным конституционным правом и сложившейся законодательской практикой. Государства должны обеспечить соблюдение на их территории норм директивы, имплементированных в национальное право. В случае несоблюдения государством срока на имплементацию нормы директивы приобретают вертикальное прямое действие.

Равно как и принцип приоритета, принцип прямого действия имеет прецедентную природу. Отправной точкой в его закреплении послужило хрестоматийное дело 26/62 *Van Gend en Loos*. Суть дела состояла в следующем. Голландская компания *Van Gend en Loos*, импортер химической продукции в Нидерланды, обратилась в национальный суд с ис-

ком к голландским таможенным службам по причине увеличения размеров импортных таможенных пошлин, что, по мнению компании, явилось нарушением статьи 12 Договора о создании ЕЭС, которая устанавливала запрет для государств-членов в одностороннем порядке вводить новые, а также увеличивать размеры существующих таможенных платежей. Суд Нидерландов поставил перед Судом ЕС преюдициальный вопрос: обладает ли статья 12 Договора о создании ЕЭС прямым действием на территории государства-участника и могут ли физические или юридические лица этого государства в обоснование своих требований ссылаться на нарушение государством данной нормы? В решении по делу Суд ЕС постановил, что «...Сообщество сформировало новую разновидность правопорядка в международном праве... субъектами которого являются не только государства-члены, но также и частные лица. В силу этого, независимо от законодательства стран-участниц, право Европейских сообществ может предусматривать для индивидов определенные права и налагать на них определенные обязанности». По мнению Суда, все нормы учредительных договоров Европейских сообществ, выраженные в безусловной форме, обладают такими качествами, как действительность, самодостаточность, юридическая целостность, и могут непосредственно применяться в отношении физических и юридических лиц государств-участников, не требуя особой процедуры имплементации. Кроме того, в решении сформулирован весьма важный постулат о том, что прямой эффект имеют не только нормы учредительных договоров, удовлетворяющие вышеуказанным критериям, но и нормы других источников европейского права, которые в соответствии с учредительными договорами наделяют определенными правами и обязанностями физические и юридические лица [10, р. 276–277].

В дальнейшем (решение № 9/70 *Franz Grad v. Finanzamt Traunstein*) была сформулирована концепция самодостаточности: возможность прямого действия не только норм регламентов, что четко и ясно отражено в учредительных договорах, но и директив и решений институтов ЕС, если они налагают конкретные права и обязанности на тех, кому адресованы, и характеризуются таким признаком, как определенность [10, р. 192–193]. В решении по делу № 39/72 *Commission v. Italy* Суд указал, что изменение природы европейских регламентов в национальных актах рассматривается как нарушение права ЕС [10, р. 190–191]. Вместе с тем в решении по делу № 50/76 *Amsterdam Bulb BV v. Productschap voor Siergewassen* Судом наряду с подтверждением факта прямого действия регламента и необходимости единообразного применения его норм всеми государствами — участниками ЕС была установлена возможность для государств определять санкции и конкретизировать положения, не установленные нормами самого регламента [10, р. 191–192].

Суд ЕС обозначил свою позицию и относительно прямого действия директивы в отсутствие имплементации государством ее норм в национальное право. В решении № 91/92 от 14 июля 1994 г. по

делу *Paola Faccini Dori v. Recreb Srl*. Суд должен был дать ответ на поставленный в преюдициальном порядке вопрос о том, возможно ли применение прямого действия директивы не только в вертикальных отношениях, но и в сфере горизонтальных. Аргументируя отрицательный ответ, Суд указал, что приращение директиве прямого действия изменит саму правовую природу данного источника права, которая была определена в учредительных актах. Суд же не наделен компетенцией пересматривать положения учредительных актов. Кроме того, Суд ЕС подчеркнул, что государство несет ответственность за несоблюдение сроков для имплементации положений

директивы в национальную правовую систему и вопрос о возмещении ущерба, причиненного частному лицу, должен решаться согласно внутреннему праву данного государства [11].

Приведенный анализ практики Суда Европейского союза отчетливо демонстрирует роль правоприменительного органа международной организации с наднациональными полномочиями в развитии права такой институции. Позитивный опыт нуждается в детальном исследовании в целях его использования в деятельности интеграционных объединений с участием Республики Беларусь (СНГ, ЕАЭС).

Библиографические ссылки

1. Европейский союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. М. : ИНФРА, 2008.
2. Право Европейского союза : учебник / под ред. С. Ю. Кашкина. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2011.
3. Пушмин Э. А. О понятии основных принципов современного общего международного права // Сов. ежегодник междунар. права. 1979. М. : Наука, 1980. С. 72–85.
4. Теория государства и права : курс лекций / под ред. : Н. И. Матузова, А. В. Малько. М. : Юристъ, 1997.
5. Топорнин Б. Н. Европейское право : учебник. М. : Юристъ, 1998.
6. Филатова М. А. Конфликты конституционных и наднациональных норм: способы преодоления (на примере Европейского союза и правовых систем государств – членов ЕС) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». М., 2015.
7. Энтин Л. М. Право Европейского союза. Новый этап эволюции: 2009–2017 годы. М. : Аксиом, 2009.
8. Case BVerfGE 37, 271 2 BvL 52/71 Solange I-Beschluß [Electronic resource] // The University of Texas at Austin. URL : <http://www.utexas.edu/law/academics/centers/transnational/work_new/german/case.php?id=588> (date of access : 18.05.2015).
9. Case BVerfGE 73, 339 2 BvR 197/83 Solange II-decision [Electronic resource] // The University of Texas at Austin. URL : <http://www.utexas.edu/law/academics/centers/transnational/work_new/german/case.php?id=572> (date of access : 18.05.2015).
10. Craig P. EU Law: Text, Cases and Materials. 3th ed. New York : Oxford University Press, 2003.
11. Judgment of the Court of 14 July 1994: Paola Faccini Dori v Recreb Srl. Reference for a preliminary ruling: Giudice conciliatore di Firenze – Italy [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union Law. URL : <<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:61992CJ0091>> (date of access : 18.05.2015).
12. Judgment of the Court of 15 July 1964: Flaminio Costa v E.N.E.L. Reference for a preliminary ruling: Giudice conciliatore di Milano – Italy [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union Law. URL : <<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:61964CJ0006>> (date of access : 18.05.2015).
13. Judgment of the Court of 19 November 1991: Andrea Francovich and Danila Bonifaci and others v Italian Republic. References for a preliminary ruling: Pretura di Vicenza and Pretura di Bassano del Grappa – Italy [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union Law. URL : <<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:61990CJ0006>> (date of access : 18.05.2015).

Статья поступила в редакцию в июне 2015 г.

ОБЪЕКТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ: КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Е. А. Дейкало

Через раскрытие основных терминов и понятий, употребляющихся в контексте объективной ответственности, автор исследует и анализирует ее сущность, а также разграничивает ее с другими смежными категориями.

The article is devoted to the analysis of the objective responsibility category in the international law. Through enlightening of basic notions and terms used within the context of objective responsibility the author researches and analyses its essence as well as delimitates the concept of objective responsibility with other related concepts.

Ключевые слова: объективная ответственность; деяния, не запрещенные международным правом; трансграничный ущерб; принцип «загрязнитель платит».

Keywords: objective responsibility; actions non-prohibited by international law; transboundary harm; the principle «polluter pays».

Значительно эволюционировав в течение истории развития международного права, нормы права международной ответственности складываются в настоящее время в самостоятельную отрасль международного права. Это можно считать следствием саморегуляционного характера международного права, при котором на разных этапах своего развития международное сообщество в лице своих субъектов само решает, какие именно нормы и в какой форме необходимы для регулирования их взаимоотношений.

Примерно в конце XIX в. впервые появилась необходимость урегулирования проблемы возмещения ущерба, причиненного деятельностью, не запрещенной национальным правом. Технический прогресс, большой скачок которого пришелся на вторую половину XX в., в значительной мере способствовал появлению этой проблемы на международно-правовом уровне. Несмотря на то что технический прогресс способствовал безусловной экономической выгоде, тем не менее появился ряд сфер деятельности, в результате осуществления которой возможно нанесение ущерба физическим лицам, их собственности, окружающей среде. Именно риск причинения трансграничного ущерба от деятельности, возникшей в результате индустриальной революции, привел к возникновению необходимости формирования комплекса международно-правовых норм, регулирующих ответственность в случае отсутствия противоправного деяния [32, р. 504].

Результатом упомянутой эволюции международного права является следующее определение права международной ответственности: отрасль международного права, принципы и нормы которой определяют для субъектов международного права юридические последствия международно-противоправного деяния, а также причинения ущерба в результате деятельности, не запрещенной международным правом [11, с. 63].

Нормы, регулирующие правоотношения, возникающие из-за причинения вреда правомерной деятельностью, являются отдельным комплексом норм в рамках права международной ответственности. В данном случае речь идет о совершенно ином виде правоотношений, нежели правоотношения,

возникающие в результате правонарушения. Комплекс норм составляет отдельный самостоятельный международно-правовой институт, который имеет совершенно иное нормативно-правовое регулирование, чем институт международно-правовой ответственности за противоправные деяния. Кроме того, сама категория ответственности за ущерб от действий, не запрещенных международным правом, имеет совершенно иную юридическую природу, чем категория ответственности за противоправные деяния.

Для обозначения ответственности в рамках двух упомянутых институтов в англоязычной практике используются два термина: «responsibility» — для обозначения ответственности за противоправные деяния и «liability» — для обозначения ответственности за деяния, не запрещенные международным правом (или объективной ответственности).

Институт объективной ответственности намного более кодифицирован по сравнению с институтом ответственности за противоправные деяния. Если последний регулируется практически только обычными нормами, то ответственность за причинение ущерба без совершения противоправного деяния, напротив, регулируется только договорными нормами.

Что касается работы Комиссии международного права ООН (далее — КМП ООН) над темой ответственности за ущерб от опасных видов деятельности, следует особо подчеркнуть тот факт, что если тема ответственности за международно-противоправные деяния рассматривалась КМП ООН с 1956 г., то тема объективной ответственности стала объектом ее внимания значительно позже — лишь с 1978 г. Разграничив тему объективной ответственности с темой ответственности за противоправные деяния в 1978 г., КМП ООН активно вела работу и в этом направлении. В 2001 г. был принят Проект статей о предотвращении трансграничного ущерба от опасных видов деятельности, не запрещенной международным правом (далее — Проект статей 2001 г.) [17]. В 2006 г. принят Проект принципов о распределении убытков в случае причинения трансграничного ущерба в результате осуществления опасных видов деятельности [15].

Вместе с тем несмотря на значительно большую кодифицированность, как ни странно, само по себе правовое регулирование объективной ответственности не унифицировано, и если мы можем говорить о том, что существует единый режим ответственности государств за международно-противоправное деяние, то в отношении объективной ответственности такого режима нет.

Французский юрист М. Монжуа в связи с этим отмечает, что если правовой режим и механизм ответственности государств за международно-противоправные деяния достаточно определен и является устоявшимся в международном праве (исходя из практики субъектов, *case-law*, наработок КМП ООН и доктринальных исследований), все, что связано с понятием ответственности за деяния, не запрещенные международным правом, далеко от полной ясности. Более того, собственно существование такого режима ответственности спорно, по крайней мере, в качестве обычной нормы международного права [32, р. 503].

Оставаясь сегодня одной из сложных сфер международно-правового регулирования из-за отсутствия унифицированного режима такого регулирования, объективная ответственность нуждается также и в глубоком теоретическом исследовании и концептуальном анализе. Определенная неясность в отношении института объективной ответственности, его теоретических основ, реализации соответствующих норм связана отчасти с тем, что доктринальных исследований, касающихся объективной ответственности, значительно меньше исследований, посвященных международной ответственности за противоправные деяния.

В русскоязычной международно-правовой литературе проблеме объективной ответственности посвящено несоизмеримо меньшее количество доктринальных исследований, чем в западной. Среди советских юристов-международников данной проблематикой занимались С. Б. Раскалей [16], А. А. Рубанов [19]. В современной российской доктрине международного права исследованию вопросов, связанных с объективной ответственностью, посвящено большее количество работ. Среди них работы таких авторов, как Е. Е. Вылегжанина [3], Л. В. Савельева [21] и др.

Среди отечественных авторов в первую очередь можно выделить исследования В. В. Строчука [22]. Кроме того, отдельные аспекты исследуемой проблемы затронуты в трудах С. А. Балащенко, Т. И. Макаровой [1].

Западная доктрина международного права представлена достаточным количеством исследований таких авторов, как Л. Бергкамп [23], А. Бойл [24], Г. Хэндел [30]. Последние тенденции в этой области отражены в трудах Р. Шеман [25], Г. Хафнер, Ф. Гуттингер [28], И. Буффард [29], М. Монжуа [32], собранных в фундаментальном труде, посвященном вопросам международно-правовой ответственности, — коллективной монографии, представляющей западную доктрину, «Право международной ответственности» («*Law of international responsibility*»).

В связи с исследованием института объективной ответственности существует множество проблем и тем для научной дискуссии: понятие и сущность самой категории объективной ответственности, основания наступления объективной ответственности, правовое регулирование возмещения ущерба в рамках объективной ответственности, принципы распределения ответственности в случае ущерба, причиненного правомерными деяниями, и т. д. В данной статье мы ставим перед собой цель сконцентрироваться на категориальном аппарате, провести анализ понятий и категорий, связанных с институтом объективной ответственности, часто употребляемых в литературе в этой связи, что позволит лучше понять сущность самой категории объективной ответственности и ее правовую природу, а также разграничить ее со смежными категориями.

Если проводить сравнение с национальным правом, то можно заметить, что международно-правовая ответственность за противоправные деяния существенно отличается от категории ответственности во внутригосударственном праве по своей юридической природе, по принципам и основаниям наступления такой ответственности, по природе правоотношений, возникающих при наступлении такой ответственности, а также по юридическим последствиям. В случае же объективной ответственности данная категория как раз намного ближе по своей природе и юридической сущности к гражданско-правовой ответственности за вред, возникающий в связи с эксплуатацией источников повышенной опасности, существующей в национальном праве.

Необходимо отчасти согласиться с указанным выше мнением М. Монжуа в том, что в теории права к данному институту, а точнее к его юридической природе, существует весьма неоднозначное отношение. Некоторые авторы (например, представитель советской школы теории права Г. К. Матвеев) считают, что гражданско-правовая ответственность может наступить лишь при наличии противоправного, виновного действия и никоим образом невозможно говорить об ответственности при отсутствии вины, о безвиновной ответственности. В данном случае, по мнению автора, можно говорить не об ответственности, а об обязанности возместить вред [2, с. 164]. Другой советский юрист Н. Г. Александров считал в этой связи, что обязанность возмещения вреда, безвиновно причиненного деятельностью источника повышенной опасности, аналогична ответственности страховщика за наступление страхового случая [2, с. 165]. Существует в теории права и точка зрения о том, что в основе безвиновной или объективной ответственности лежит тот же принцип вины, что и в других гражданских правоотношениях. В данной ситуации в вину субъекту вменяется нарушение требований к внимательности и заботливости, предъявляемых к владельцу источника повышенной опасности [2, с. 167].

В целом можно согласиться с точкой зрения о том, что объективная ответственность не совсем

«ответственность», а больше обязанность возместить ущерб, что уже, чем категория ответственности. Так как обязанность возместить ущерб является лишь одним из правовых последствий наступления ответственности, М. Монжуа отмечает, что структура института объективной ответственности состоит из двух блоков норм: касающиеся обязательства предотвращения и касающиеся обязанности возмещения [32, р. 505].

В гражданском законодательстве многих стран (в том числе и Республики Беларусь) закреплены положения, касающиеся случаев наступления безвиновной ответственности. Так, в ст. 948 Гражданского кодекса Республики Беларусь говорится, что юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т. п.; осуществление строительной и иной, связанной с нею, деятельности и др.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего [4]. Тем не менее, как отмечает белорусский исследователь В. М. Строчук, в законодательстве отдельных стран существуют значительные различия в правовых основаниях данного типа ответственности, перечнях случаев, к которым она применяется, и т. д. [22, с. 68]. И так же как в случае ответственности за противоправные деяния, представляется неоправданным и невозможным автоматическое применение принципов и положений национального права, касающихся института объективной ответственности к такой же категории в международном праве.

На наш взгляд, суть не столько в определении сущности категории объективной ответственности, сколько в определении ее назначения, так как необходимость в данных нормах возникла именно в связи с необходимостью решать конкретные проблемы, связанные с причинением ущерба деяниями, которые не запрещены. Точнее, суть категории объективной ответственности легче понять через понимание ее назначения. В этой связи М. Монжуа отмечает, что основная цель объективной ответственности состоит в том, чтобы создать определенные механизмы, которые позволят избежать ситуации, когда жертвы не имеют возможности получить компенсацию за причиненный им ущерб. Так как в результате того, что ущерб причиняется деяниями, не запрещенными международным правом, они (жертвы) не могут «включить» ни механизм санкций, ни механизм контрмер [32, р. 504].

Говоря об особенностях ответственности за ущерб от правомерных действий, не запрещенных международным правом, необходимо отметить определенную специфику международно-правовой ответственности как правовой категории по сравнению с категориями внутригосударственной ответственности. Данная специфика прежде всего проявляется в соотношении позитивного и негативного аспектов в понимании международно-право-

вой ответственности. Большинство теоретиков права являются сторонниками концепции негативной ответственности. Отрицание в понятии ответственности позитивного аспекта как необходимого связано с пониманием противоправного деяния в национальном праве, а точнее, с пониманием вины как его необходимого элемента. Естественно, вина может присутствовать только в случае уже нарушенной нормы. Позитивный аспект в данном случае кажется необязательным.

В отличие от внутригосударственного права международное право — это саморегулирующаяся правовая система, построенная на соблюдении субъектами правовых норм, выработанных ими самими в процессе согласования воли. В таком контексте категория ответственности рассматривается в первую очередь в позитивном аспекте, так как именно эта саморегуляция достигается за счет осознанного стремления соблюдать установленные правила, а также за счет осознания необходимости их соблюдения во благо своих же собственных интересов, а не под страхом наказания.

Особенно значим позитивный аспект международно-правовой ответственности применительно к институту ответственности за вредные последствия деяний, не запрещенных международным правом. Складывается такая ситуация, когда негативный аспект вообще отсутствует в рамках данного института, так как не происходит правонарушения, а имеет место лишь ущерб, причиненный правомерной деятельностью. Отсюда следует, что субъект соблюдает свои международно-правовые обязательства, т. е. имеет место его позитивная ответственность. Однако при соблюдении им своих обязательств независимо от его воли происходит причинение ущерба другому субъекту. Советский ученый С. Б. Раскалей отмечал в этой связи, что позитивная и негативная ответственность связаны с таким поведением субъекта, которое представляет собой следствие реализации его воли, когда тот или иной вариант поведения есть результат целенаправленного действия. Реализация воли государства воплощается либо в его правомерном поведении, что служит достижению позитивного результата, либо приводит к совершению им международного правонарушения и причинению ущерба другим субъектам. В тех же случаях, когда ущерб причиняется помимо воли того или иного государства, мы имеем дело с таким особым международно-правовым явлением, как объективная ответственность государств [16, с. 20]. Таким образом, С. Б. Раскалей вообще разграничивает негативную ответственность, позитивную ответственность и объективную ответственность, возникающую в результате правомерных действий.

Действительно, основной характерной чертой рассматриваемого типа ответственности является то, что для ее наступления не должно произойти противоправного деяния. Это основное отличие данного института от института ответственности за международно-противоправное деяние. Данная черта лежит в основе самого понятия объективной ответственности и всегда отражается в ее определении. В этом контексте следует подробнее оста-

новиться на вопросе терминологического характера, связанном с определением рассматриваемого нами института.

В научном обороте существует довольно много терминов и формулировок, которые используются в случаях, когда речь идет об ущербе от правомерных действий.

Во-первых, основная формулировка используется разными авторами в различных вариациях — «ответственность за ущерб от правомерной деятельности» (С. Ю. Марочкин [12, с. 183], В. В. Строчук [22, с. 64]), «ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом» (И. И. Лукашук [10, с. 413], Л. В. Савельева [20, с. 290]), «ответственность за ущерб в результате деятельности, соответствующей международному праву» (А. А. Рубанов [19, с. 5]), «ответственность за ущерб, причиненный в результате правомерного поведения» (Л. В. Савельева) [21, с. 164].

Во-вторых, краткое название рассматриваемой категории также имеет множество названий — «объективная ответственность», «абсолютная ответственность», «ответственность без вины», «имущественная ответственность», «строгая ответственность». В западной доктрине, а также в русскоязычной доктрине последнего времени к данным понятиям добавляются еще такие понятия, как «ответственность за трансграничный ущерб» (В. В. Строчук, И. И. Лукашук), «ответственность за ущерб окружающей среде» (Е. Ф. Довгань [26], Л. Голди [27, р. 1189], С. Дженкс [31, р. 99]).

Такое многообразие терминов и формулировок свидетельствует, на наш взгляд, как о неодинаковом понимании авторами природы и сути категории объективной ответственности, так и о весьма характерной для международного права проблеме автоматического перенесения из национального права терминов и конструкций, которые должны применяться в международном праве, учитывая его особенности.

Прежде всего следует отметить, что понятия «правомерная деятельность» и «правомерные действия», по нашему мнению, являются совершенно разными. Ущерб, который причиняется при осуществлении правомерной деятельности или деятельности, не запрещенной международным правом, может быть нанесен и в результате совершения международно-противоправного деяния. Например, трансграничный ущерб, причиненный в связи с эксплуатацией источника повышенной опасности (что само по себе является правомерным по международному праву), может быть причинен в результате нарушения каких-либо требований безопасности или в результате того, что субъект не предпринял надлежащих мер предосторожности (что само по себе будет являться нарушением международного права). В таком случае будет иметь место международное правонарушение и ответственность должна будет наступать согласно нормам ответственности за международно-противоправное деяние. Другое дело, когда субъект, осуществляя такую правомерную деятельность, не совершает никаких правонарушений, т. е. име-

ет место правомерное действие либо деяние такого субъекта, однако в результате непредвиденного случая причиняется ущерб, связанный с эксплуатацией источника повышенной опасности. В связи с этим, с нашей точки зрения, институт объективной ответственности нельзя характеризовать как «ответственность за ущерб, причиненный при правомерной деятельности», а как «ответственность за ущерб от правомерного деяния» либо «от правомерных действий».

Далее в данном контексте следует остановиться на понятии «ответственность без вины». В литературе, в частности учебной, при раскрытии темы об ответственности за ущерб от правомерных действий данный тип сокращенно называют «объективная ответственность», «абсолютная ответственность» либо «ответственность без вины», фактически ставя знак равенства между этими понятиями [10, с. 373–374; 13, с. 172; 14, с. 288]. Безусловно, можно согласиться, что эти понятия тождественны в том смысле, который в них вкладывают авторы. Однако здесь встает один вопрос, связанный с особенностью института международно-правовой ответственности в принципе. Дело в том, что в отличие от национального права в международном праве, в силу специфики субъектов, вина вообще не является элементом международно-противоправного деяния. Структура международно-противоправного деяния совершенно иная, чем в национальном праве, и состоит из двух элементов — присвоения противоправного поведения и констатации нарушения обязательства (ст. 2 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г. и ст. 4 Проекта статей об ответственности международных организаций 2011 г.). Поэтому можно говорить о том, что *любое* деяние — и противоправное, и правомерное — в международном праве совершается «без вины».

Вместе с тем можно утверждать, что в международном праве понятие «вина» имеет иное содержание. Ю. М. Колосов полагал, что в международном праве вина — это сам факт совершения субъектом противоправного действия, и для избежания смешения понятий следует говорить не о вменении вины, а о вменении совершения действия [6, с. 41]. Д. Б. Левин также писал о том, что вменение вины в международном праве — признание того, что субъект несет ответственность за нарушение международно-правовой нормы [9, с. 51]. То есть для того, чтобы субъект мог нести международно-правовую ответственность, необходимо доказать, что совершенное международно-противоправное деяние совершено от его имени, его должностными лицами или органами. Таким образом, можно предположить, что вменение вины в национальном праве аналогично присвоению поведения в международном праве. Поэтому понятно, каким образом это определение — «ответственность без вины» — ограничивает данный тип ответственности от ответственности за противоправное деяние.

В то же время если мы отказываемся от термина «вина» в рамках института ответственности за противоправные деяния, то почему мы употребляем

его в рамках института ответственности за ущерб от правомерных действий? Здесь как раз и встает вопрос об автоматическом перенесении из национального права в международное определенных терминов и категорий. В любой отрасли национального права ответственность наступает лишь за виновное деяние при наличии доказанной вины. Поэтому ответственность, связанная с эксплуатацией источника повышенной опасности, называется безвиновной.

В этой связи для международного права более подходящим является термин «объективная ответственность», который в данном случае означает, что ответственность наступает независимо от субъективного момента, т. е. не зависит от того, было ли нарушение субъектом международного права или нет. Тут необходимо различать объективный характер данного типа ответственности и объективный характер ответственности за противоправное деяние. В последнем случае принцип объективной ответственности означает, что ответственность субъектов международного права наступает за *каждое* международно-противоправное деяние (независимо от наличия вины и ущерба как элементов, характерных для состава правонарушения в национальном праве). Этот принцип является своего рода разграничителем понимания ответственности в международном и во внутригосударственном праве.

Что касается употребления термина «абсолютная ответственность», то он также вряд ли применим для того, чтобы называть сам институт, так представляет собой один из режимов распределения ответственности за действия, не запрещенные международным правом. Кроме этого, он также заимствован для определения безвиновной ответственности из англосаксонского гражданского права и в международном праве впервые применен в Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г. [8]. При этом интересно заметить, что анализ положений данной Конвенции также позволяет сделать вывод о том, что понятия «абсолютная ответственность» и «ответственность за действия, не запрещенные международным правом» нельзя отождествлять. Статья II Конвенции говорит о том, что запускающее государство несет абсолютную ответственность за выплату компенсации за ущерб, причиненный его космическим объектом на поверхности Земли или воздушному судну в полете. Однако в ст. III отмечается, что если в любом месте, помимо поверхности Земли, космическому объекту одного запускающего государства либо лицам или имуществу на борту такого космического объекта причинен ущерб космическим объектом другого запускающего государства, то последнее несет ответственность *только в случае*, когда ущерб причинен *по его вине или по вине лиц*, за которых оно отвечает. Таким образом, Конвенция устанавливает режим абсолютной ответственности за виновное деяние государства или его агентов, которое происходит в результате осуществления деятельности, не запрещенной международным правом.

Продолжая рассуждения о юридической природе и сущности объективной ответственности и исходя из вышесказанного, встает вопрос о том, тождественны ли понятия «объективная ответственность» и «ответственность за трансграничный ущерб». Выяснение этого вопроса имеет не только теоретическое значение, но и существенно влияет на рассмотрение вопроса о правовом регулировании объективной ответственности, об источниках такого регулирования. Кроме этого, от решения данного вопроса зависит также и решение проблемы, касающейся механизмов обеспечения объективной ответственности.

В западной доктрине, а также в современной русскоязычной доктрине складывается тенденция к смешению, а точнее, к отождествлению данных понятий. По крайней мере, рассуждая о трансграничном ущербе или в западной доктрине чаще об экологическом ущербе, авторы либо отождествляют, либо не разделяют и никак не отграничивают друг от друга данные понятия с понятием объективной ответственности (И. И. Лукашук [10, с. 415], Е. Ф. Довгань [26, р. 11–13], С. Дженкс [31, р. 105], Л. Голди [27, р. 175]). Однако данные понятия все же нельзя назвать тождественными.

Во-первых, понятие трансграничного ущерба или экологического ущерба тесно и неразрывно связано с понятием предотвращения такого ущерба. В первую очередь это подтверждается Комиссией международного права, которая разделила работу над темой возмещения ущерба от правомерной деятельности на два блока вопросов — вопросы, касающиеся предотвращения трансграничного ущерба, и вопросы, касающиеся ответственности в случае трансграничного ущерба, причиненного опасными видами деятельности. Неразрывная связь трансграничного ущерба и вопросов его предотвращения отражена в своих трудах и многими авторами, затрагивающими эти вопросы (И. И. Лукашук [10, с. 415], Л. В. Савельева [21, с. 415]).

Отсюда вытекает *вторая* проблема, связанная с необходимостью разграничения рассматриваемых понятий, — определения правового регулирования. Дело в том, что для предотвращения трансграничного ущерба все авторы (в том числе и КМП ООН) говорят о принципе недопущения нанесения ущерба другому субъекту деятельностью, осуществляемой под юрисдикцией государства, который имеет статус обычной нормы международного права. Так, в преамбуле Проекта статей 2001 г. отмечается, что свобода государств осуществлять или разрешать виды деятельности на их территории или иным образом под их юрисдикцией или контролем не является неограниченной. Данный принцип подтверждается актами мягкого права, посвященными охране окружающей среды начиная с Декларации Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды в Стокгольме 1972 г. [5], некоторыми международными договорами (например, Конвенцией о биологическом разнообразии 1992 г. [7]) и выводится из общего принципа права — *sic utere tuo ut alienum non laedas* (рус. — используй свое имущество таким образом, чтобы не наносить вреда имуществу дру-

гих). Из данного принципа, в свою очередь, вытекает принцип предосторожности (или должной осмотрительности), который означает, что государства должны постоянно рассматривать свои обязательства по предотвращению вреда в свете последних достижений науки, т. е. учитывать их при планировании опасной деятельности. Таким образом, осуществляя опасную деятельность, рискуя причинением трансграничного ущерба, государство связано определенными обязательствами по предотвращению такого ущерба, и в случае его наступления будет иметь место нарушение им всех указанных принципов и норм. Получается, что ответственность данного государства в таком случае невозможно назвать объективной, так как будет иметь место нарушение норм международного права. Это как раз ситуация, о которой уже говорилось выше, когда государство, осуществляя правомерную деятельность, может нарушить нормы международного права. То есть здесь действует схема — обязанность предотвратить трансграничный ущерб от опасных видов деятельности порождает обязанность возместить такой ущерб в случае его наступления, ввиду того что субъект так и не смог его предотвратить.

Что касается объективной ответственности в данном контексте, то традиционным подходом к ее определению было то, что она наступает за ущерб, причиненный источником повышенной опасности в результате непредвиденного события, не зависящего от действий или бездействий государства и которое не могло быть предотвращено [16, с. 20–24; 19, с. 10–12]. В связи с этим традиционно в литературе говорится о том, что такая ответственность является исключительно договорной, и необходимым условием ее наступления является наличие международного договора, закрепляющего обязанность возмещения в конкретном случае. Учитывая сказанное, некоторые авторы делают вывод о том, что в международном праве складывается тенденция отступления от такого традиционного подхода, так как идет процесс формирования обычной нормы, согласно которой в случае причинения трансграничного ущерба государство, в результате деятельности которого он причинен, в любом случае (независимо от того, существует ли соглашение, регулирующее вопросы возмещения ущерба в конкретном случае) обязано возместить ущерб [10, с. 414]. Речь идет о принципе «загрязнитель платит» (*the polluter pays principle*). Однако, во-первых, следует вспомнить слова М. Монжуа о сомнениях относительно сформированной обычной нормы, а во-вторых, на наш взгляд, все же следует четко разграничивать эти ситуации. Еще один французский исследователь Р. Шеман отмечает, что принцип «загрязнитель платит» по содержанию охватывает две составляющие — «заставляет» государства принимать меры, которые способствуют предотвращению загрязнения окружающей среды, и «присваивает» действия, приведшие к загрязнению, тому, кто их фактически осуществил, т. е. загрязнителю [25, р. 881]. В действительности суть этого принципа состоит в том, чтобы за трансграничное загрязнение окружаю-

щей среды должен платить именно загрязнитель (чаще всего юридическое лицо), а не государство, с территории которого или под юрисдикцией которого произошло загрязнение. Такая деятельность может быть осуществлена как с нарушением международно-правовых норм, так и без такого нарушения.

Более того, Р. Шеман отмечает, что, появившись изначально в качестве экономического принципа, «загрязнитель платит» больше относится к сфере охраны окружающей среды, чем к сфере ответственности [25, р. 877–878].

В. В. Строчук отмечает в этой связи, что существует два подхода к обоснованию объективной ответственности государств. Первый базируется на принципе 21 Стокгольмской декларации, предусматривающем обязательство государств не причинять ущерб окружающей среде. Вторым выводится из конвенций о гражданско-правовой ответственности частных операторов опасных видов деятельности [22, с. 66]. Такое утверждение можно развить, обозначив, что это не два подхода к природе объективной ответственности, а два различных случая наступления ответственности за трансграничный ущерб. В первом случае наступает ответственность за нарушение норм права, а во втором — объективная ответственность, не связанная с таким нарушением.

Можно также согласиться с дальнейшим выводом, к которому приходит данный автор в своем исследовании, о том, что по общему правилу государства отвечают за трансграничный ущерб при нарушении обязательства должной осмотрительности. Однако в исключительных случаях к опасным видам деятельности применяется объективная ответственность, которая наступает в соответствии с заключаемыми договорами [22, с. 68]. Развивая данное утверждение В. В. Строчука, можно добавить, что такими исключительными будут случаи, когда, несмотря на все предпринимаемые меры предосторожности и соблюдение принципа должной осмотрительности, тем не менее наступает факт причинения ущерба.

В связи с этим возвращаемся к традиционной точке зрения об исключительно договорной природе объективной ответственности. Действительно, при отсутствии международного договора, регулирующего конкретные случаи наступления ущерба от правомерных деяний, истребовать компенсацию на межгосударственном уровне практически невозможно, так как почти во всех случаях (и это является еще одной отличительной чертой объективной ответственности в сравнении с ответственностью за противоправные деяния в международном праве) обязанность возместить ущерб лежит не на государстве, на территории или под юрисдикцией которого находится источник трансграничного ущерба, а на операторе источника повышенной опасности либо загрязнителе (что не всегда совпадает). И для того, чтобы иметь право истребовать компенсацию в случае отсутствия договора, регулирующего ответственность оператора при осуществлении именно такого вида деятельности, необходимо доказать, что государством, на

территории или под юрисдикцией которого находится источник трансграничного ущерба, были нарушены, например, принципы предосторожности, не соблюдены международно-правовые обязательства по предотвращению (не проведен

мониторинг, неправомерно выдана лицензия на осуществление данной деятельности и т. д.). И в таком случае речь будет идти уже об ответственности государства за международно-противоправное деяние.

Библиографические ссылки

1. Балащенко С. А., Макарова Т. И. Международно-правовая охрана окружающей среды и права человека : учеб. пособие. Минск : WorldWidePrinting, 1999.
2. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность : очерк теории. М. : Юрид. лит., 1976.
3. Вылегжанина Е. Е. Новые тенденции в развитии института ответственности в европейском экологическом праве // Моск. журн. междунар. права. 2003. № 4. С. 159–177.
4. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : текст по состоянию на 1 апр. 2015 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология Проф / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2015.
5. Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды [Электронный ресурс] // Орг. Объед. Наций. URL : <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml> (дата обращения : 04.04.2015).
6. Колосов Ю. М. Ответственность в международном праве. М. : Юрид. лит., 1975.
7. Конвенция о биологическом разнообразии [Электронный ресурс] // Орг. Объед. Наций. URL : <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml> (дата обращения : 12.05.2015).
8. Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами [Электронный ресурс] // Орг. Объед. Наций. URL : <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/damage.shtml> (дата обращения : 04.04.2015).
9. Левин Д. Б. Ответственность государств в современном международном праве. М. : Междунар. отношения, 1966.
10. Лукашук И. И. Международное право: особенная часть : учебник для студ. юрид. факультетов и вузов. 3-е изд., перераб. и доп. / Рос. акад. наук, Ин-т гос. и права, Академ. прав. ун-т. М. : ВолтерсКлувер, 2008.
11. Лукашук И. И. Право международной ответственности. М. : ВолтерсКлувер, 2004.
12. Марочкин С. Ю. Международно-правовая ответственность // Международное право : учебник / отв. ред. : Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. М. : НОРМА, 2008. С. 171–192.
13. Международное право : учебник / отв. ред. : Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. М. : НОРМА, 2008.
14. Международное право : учебник / отв. ред. : Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. М., 2001.
15. Проект принципов о распределении убытков в случае причинения трансграничного ущерба в результате осуществления опасных видов деятельности // Отчет Комиссии международного права ООН о работе ее пятьдесят восьмой сессии 2006 г. : док. ООН A/61/10. Нью-Йорк : ООН, 2006. С. 110–182.
16. Раскалей С. Б. Объективная ответственность государств в международном праве. Киев : Наук. думка, 1985.
17. Рассмотрение вопроса о предотвращении трансграничного ущерба от опасных видов деятельности : док. ООН A/62/452. Нью-Йорк : ООН, 2007.
18. Рио-де-жанейрская декларация по окружающей среде и развитию [Электронный ресурс] // Орг. Объед. Наций. URL : <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml> (дата обращения : 04.05.2015).
19. Рубанов А. А. Международная космическо-правовая имущественная ответственность. М. : Наука, 1977.
20. Савельева Л. В. Материальная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом // Международное право : учебник / отв. ред. : Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. М., 2001. С. 290–292.
21. Савельева Л. В. Принципы МПО за трансграничный ущерб, причиненный при использовании международных водотоков // Междунар. право = Int. law. 2008. № 3. С. 161–176.
22. Строчук В. В. Международно-правовая регламентация предотвращения трансграничного ущерба от правомерной деятельности и ответственности за его причинение : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. Минск, 2006.
23. Bergkamp L. Liability and environment: private and public law aspects of civil liability for environmental harm in an international context. The Hague: Kluwer Law Intern., 2001.
24. Boyle A. Making the polluter pay? Alternatives to state responsibility in the allocation of transboundary environmental costs // International responsibility for environmental harm / ed. : F. Francioni, T. Scovazzi. London : Graham&Trotman. 1991. P. 363–379.
25. Chemain P. The «polluter pays» principle // The law of international responsibility / ed. by J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson. New York : Oxford University Press, 2010. P. 877–885.
26. Douhan A. Liability for environmental damage [Electronic resource] // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. URL : <<http://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1580?rskey=zGj4eX&result=1&prd=EPIL>> (date of access : 04.05.2015).
27. Goldie L. F. E. Liability for damage and the progressive development of international law // Intern. and Comparative Law Quart. 1965. Vol. 14. P. 1189–1264.

28. *Guttinger Ph.* Allocation of responsibility for harmful consequences of acts not prohibited by international law // *The Law of International Responsibility* / ed. by J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson. New York : Oxford University Press, 2010. P. 515–520.
29. *Hafner H., Buffard I.* Obligations of prevention and precautionary principle // *The Law of International Responsibility* / ed. by J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson. New York : Oxford University Press, 2010. P. 521–534.
30. *Handl G.* Liability as an obligation established by a primary rule of international law // *Netherlands Yearb. of intern. law.* 1985. Vol. 16. P. 49–79.
31. *Jenks C.* Liability for ultra-hazardous activities in international law // *Rec. de cours.* 1966. Vol. 117. P. 99–200.
32. *Montjoie M.* The concept of liability in the absence of an internationally wrongful act // *The law of international responsibility* / ed. by J. Crawford, A. Pellet, S. Olleson. New York : Oxford University Press, 2010. P. 503–513.

Статья поступила в редакцию в июне 2015 г.

ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА И СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ ООН: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЦЕЛЕВЫХ САНКЦИЙ

Е. Ф. Довгань

В связи с постоянным расширением полномочий Совета Безопасности ООН проблема правомерности его деятельности становится все более актуальной. В статье дается оценка деятельности Совета Безопасности ООН в системе императивных норм международного права, рассматривается проблематика обеспечения верховенства права в ходе применения СБ ООН целевых санкций.

The legality of activity of the UN Security Council has gradually become more and more disputed especially in a view of expansion of its competences. The article assesses activity of the UN Security Council within peremptory norms of public international law, as well as observance of the rule of law in the course of application of targeted sanctions.

Ключевые слова: ООН; Совет безопасности; поддержание мира и безопасности; санкции; международное право.

Keywords: United Nations; Security Council; maintenance of peace and security; international organizations; sanctions; international law.

После окончания холодной войны деятельность Совета Безопасности ООН (далее — СБ ООН) значительно активизировалась. СБ ООН расширил понятие угрозы международному миру и безопасности, включив: массовые нарушения прав человека (резолюции 775(1992), 940(1994), 929(1994)), невыполнение обязательств по урегулированию проблемы (резолюции 875(1993), 1441(2002)), международный терроризм (резолюции 1373(2001), 1511(2003)) и др.

СБ ООН обладает широкими полномочиями в области поддержания международного мира и безопасности, при этом часто действует вне рамок, закрепленных Уставом ООН. Частный пример такой деятельности — применение им целевых санкций в отношении конкретных индивидов и организаций. Однако правовой статус и правомерность данных санкций вызывают серьезные споры в науке международного права.

Поскольку сомнение в правомерности мер, предпринимаемых СБ ООН, часто влечет злоупотребления на региональном и национальном уровнях, актуальным является вопрос обеспечения верховенства права в деятельности Совета. Отдельные элементы уже исследовались в правовой литературе. Так, деятельность СБ ООН в системе императивных норм международного права оценивается К. Дёрингом (ФРГ) [28], А. Оракелашвили (Великобритания) [43]. Характеристики отдельных прав человека в период чрезвычайных обстоятельств рассмотрены А. Конте (США) [27], Р. Арнольдом (Швейцария) [15], Б. Фасбендером (ФРГ) [31]. Тем не менее комплексный анализ проблемы правомерности деятельности СБ ООН, в том числе в части применения им целевых санкций, не проводился. В русскоязычной литературе исследования по этому вопросу отсутствуют.

«Правотворческая» деятельность СБ ООН. Изначально международные организации (далее — МПО) как производные субъекты международного права не были наделены правотворческими функциями. В то же время термин «правотворчество» широко используется для описания их деятельности [14]. К развившейся из признания возможности

МПО осуществлять конституционное толкование их учредительных документов [12, с. 147] правотворческой деятельности сегодня часто относят все виды решений, принимаемых политическими органами МПО (независимо от их правовой силы, механизма принятия и сферы регулирования) [8, с. 24–25; 12, с. 190–193; 24, с. 156–168], а иногда также международные договоры и решения судебных и квазисудебных органов [13, с. 190–314].

Правотворческая деятельность СБ ООН носит достаточно специфический характер. Она включает в первую очередь способность создавать обязательные правила поведения. Несмотря на свойственную середине XX в. боязнь государств учредить орган, способный вмешиваться в их внутренние дела, СБ ООН может принимать решения, обязательные для всех государств-членов (ст. 24, 25), и применять принудительные меры в ситуациях, угрожающих международному миру и безопасности (ст. 41, 42). Даже если принимаемые СБ ООН резолюции касаются преимущественно конкретных ситуаций, признается, что они опосредованно создают общие правила поведения (квазинормотворческая деятельность) (С. Ф. Амерасинг [13, с. 184–198], Д. М. Фаррал [30, с. 16–17], Т. Айтель [29, с. 60–61]).

В связи с изменяющимся характером международных отношений за МПО признается возможность совершать действия, прямо не закрепленные в их учредительных документах, но необходимые для достижения поставленных перед ними целей и выполнения их функций (имманентная компетенция). За СБ ООН такое право было специально признано Международным судом ООН (далее — МС ООН) уже в 50–60 гг. XX в. (Консультативные заключения: О компенсации за ущерб, понесенный на службе ООН 1949 г. [46, с. 182], Об определенных расходах ООН 1962 г. [24, с. 167]). Именно в рамках имманентной компетенции СБ ООН расширяет сферу своей деятельности, рассматривая в качестве угрозы международному миру и безопасности широкий круг вопросов, санкционируя миротворческие операции, вводя целевые санкции.

СБ ООН и обеспечение верховенства права. В отличие от национальных правовых систем в рамках ООН не создано действенной системы сдержек и противовесов. Ни один существующий в настоящее время орган не уполномочен давать оценку решениям, принимаемым СБ ООН, либо их пересматривать.

Поскольку СБ ООН несет основную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, а также учитывая состав его постоянных членов, Совет, несмотря на отсутствие правотворческих или судебных функций [3, с. 112; 18, с. 889; 42, с. 435], все чаще дает оценку ситуации, выражает свое отношение к ней и принимает решение о применении принудительных или иных мер, т. е. выполняет квазисудебные функции [30, с. 17]. Отмечается, что в связи с расширением СБ ООН концепции угрозы международному миру и безопасности санкции могут применяться даже в случае отсутствия не только нарушения ст. 2(4) Устава ООН, но и любого нарушения международного права [12, с. 15–16; 36, с. 204]. При этом, основываясь на предпосылке правомерности любых мер СБ ООН и действий государств, направленных на их реализацию [18, с. 916–917], СБ ООН часто воспринимается в качестве последней инстанции, дающей оценку правомерности тех или иных действий на международной арене [12, с. 188–189].

С принятием целевых санкций такая «квазисудебная» функция распространилась и на физических и юридических лиц. В свете этого, при отсутствии контролирующего органа, существует вероятность произвола со стороны СБ ООН, когда Совет начинает обеспечивать интересы его постоянных членов. Уже сейчас часто отмечается избирательность СБ ООН при введении санкции [10, с. 91; 29, с. 64]. Все это ставит вопрос о правомерности конкретных мер, принимаемых СБ ООН, и об обязанности СБ ООН действовать в соответствии с нормами международного права.

Вопрос о месте мер СБ ООН в системе международного права неоднократно обсуждался в доктрине. Лаконичная, но емкая оценка была предложена судьей Фидморисом в Консультативном заключении по Намибии, где он отметил, что целью создания СБ ООН было поддержание международного мира, но не изменение мирового порядка (п. 115) [41, с. 294]. При этом поддержание международного мира и безопасности, на наш взгляд, невозможно без укрепления господства права на международной арене, что нашло свое отражение в целом ряде документов ООН (§ 7, 9 Декларации тысячелетия [1]; § 11, 119, 134 Итогового документа Всемирного саммита [3]).

Несомненно, с учетом изменяющегося характера международных отношений жесткое ограничение деятельности МПО рамками, прямо закрепленными в ее учредительных документах, вызовет бездействие или даже хаос [28, с. 96], что и послужило основой для признания имманентной компетенции. В то же время любая МПО, включая ООН, создается на основании международного договора. Государства, заключая такой

договор, не могут поставить МПО «над правом» [44, с. 432], наделив ее правом нарушать нормы *jus cogens* и принципы международного права. В связи с этим все органы ООН (в том числе СБ ООН) должны действовать в рамках предоставленной им компетенции с учетом ее исторически обусловленного толкования в соответствии с принципами, императивными и обычными нормами международного права [28, с. 92–93; 43, с. 60–62; 30, с. 21; 44, с. 425].

Устав ООН, предоставляя СБ ООН широкие полномочия, не содержит положений относительно правовой силы и последствий принятия резолюций, противоречащих императивным нормам международного права. Но поскольку, как установлено выше, СБ ООН подчиняется императивным нормам международного права, его резолюции и санкции должны соответствовать таким нормам [49, п. 281]. В противном случае, как широко отстаивается в доктрине, они, применяя по аналогии положения ст. 53 Венской конвенции 1969 г., будут недействительными с момента их принятия [5, с. 265; 19, с. 88–89, п. 8; 22, с. 440, п. 100; 23, с. 26; 28, с. 98; 34, с. 801; 44, с. 423, 465–469].

Соблюдение прав человека. Обязанность СБ ООН соблюдать права человека закреплена в ст. 24(2) Устава ООН, согласно которой СБ ООН при исполнении своих полномочий обязан действовать в соответствии с целями и принципами ООН, одним из которых и является «уважение прав человека и основных свобод для всех» (преамбула, ст. 1(3) Устава ООН), что поддерживается и в правовой доктрине [18, с. 886; 43, с. 67; 44, с. 429]. В связи с этим представляется, что указанные цели вряд ли могут быть достигнуты путем ущемления основополагающих прав человека, особенно если они составляют обязательства *jus cogens*.

Запрет применения силы или угрозы силой, как и иные императивные нормы международного права, обязателен для СБ ООН. Поскольку именно СБ ООН уполномочен давать санкцию на применение принудительных военных мер, оценить правомерность принимаемых мер достаточно сложно. Так, например, А. Оракелашвили в качестве критерия оценки правомерности в данном случае выделяет только пропорциональность существующей угрозе [43, с. 63; 44, с. 424]. Представляется необходимым учитывать и иные параметры: добросовестность определения наличия угрозы, степень ее серьезности, соблюдение механизма принятия решения и пр.

Невмешательство во внутренние дела государств. Термин «вмешательство» широко используется в политологической литературе и новостях для обозначения деятельности, осуществляемой политическими органами ООН, включая СБ ООН [10, с. 93; 29, с. 67, 69]. Ст. 2(7) Устава ООН, запрещающая ООН вмешательство во внутренние дела государств, прямо закрепляет, что ее действие не распространяется на меры, предпринимаемые СБ ООН в соответствии с главой VII. Признается, что государства не могут ссылаться на внутреннюю

компетенцию в ситуациях, угрожающих международному миру и безопасности [6, с. 118; 7, с. 236; 35, с. 17]. Данное исключение, однако, распространяется именно на ситуации, когда СБ ООН действует в рамках своих полномочий на основании главы VII Устава ООН и не напрямую затрагивает его деятельность, осуществляемую с превышением полномочий (*ultra vires*). В связи с этим любая деятельность, прямо не предусмотренная Уставом ООН, ставит вопрос о соответствии ее главе VII Устава, и значит — о вмешательстве во внутренние дела государств. Так, например, признание СБ ООН грубых массовых нарушений прав человека угрожающими международному миру и безопасности в 1966 г. не вызвало значительных возражений в данном аспекте. В указанный период уже признавалось, что соблюдение основополагающих прав человека является обязательством *erga omnes* и не входит во внутреннюю компетенцию государств [5, с. 265; 16, с. 32; 23, с. 67; 37, с. 133; 38, с. 77].

Разработанное нами определение вмешательства, как «*противоправное действие или бездействие, осуществляемые одним государством, группой государств в форме ad hoc коалиции или международной организацией против воли государства-жертвы с использованием, как правило, средств принуждения военного или невоенного характера, нарушающие нормальный порядок межгосударственных отношений и подвергающие угрозе международный мир и безопасность, направленные на изменение или сохранение политики или поведения государства-жертвы вмешательства в дела, входящих в его внутреннюю компетенцию, для получения от него каких-либо преимуществ*» [2, с. 112], касается в первую очередь деяний, направленных против одного государства. Однако, учитывая специфику деятельности СБ ООН, предписывающую применение мер общего характера **всеми** государствами [18, с. 881–882], представляется необходимым решить вопрос, может ли деятельность СБ ООН, например по введению целевых санкций, рассматриваться в качестве вмешательства во внутренние дела **одного, нескольких, всех** государств-членов.

Фактическая возможность вмешательства МПО во внутренние дела государства/государств не оспаривается в международном праве. При появлении МПО государства были в первую очередь озабочены тем, чтобы оградить свой суверенитет от любого вмешательства с их стороны (ст. 15(8) Статута Лиги Наций 1919 г., ст. 2(7) Устава ООН, ст. 1(2) Устава ОАГ 1948 г., ст. 1 Устава СНГ 1993 г.). На практике имели место случаи, когда государства заявляли о вмешательстве в их внутренние дела в связи с деятельностью международных органов, включая МС ООН, даже когда рассматриваемые вопросы их непосредственно не касались. Выработанные МС ООН критерии: правовой характер рассматриваемого вопроса [26, с. 61] и обобщенный характер запроса и толкования [25, с. 6–7] — неприменимы к деятельности политических органов МПО, тем более что решения СБ ООН носят обязательный характер.

В связи с этим можно сделать вывод, что вмешательством не будут являться действия, предпринимаемые СБ ООН в рамках имеющихся у него полномочий (*intra vires*), а также иные ситуации, когда наличие угрозы международному миру и безопасности констатируется *bona fide*, а принятые меры правомерны и пропорциональны существующей угрозе. Действия СБ ООН будут представлять собой вмешательства во внутренние дела государств — членов ООН в случае их неправомерности (например, нарушают нормы *jus cogens*), поскольку такие действия обеспечены принуждением СБ ООН, являются исключением из нормального порядка международных отношений, подрывают систему коллективной безопасности, направлены на изменение политики государств в вопросах, входящих в их внутреннюю компетенцию (например, в части целевых санкций — в отношении лиц и имущества, находящихся на их территории).

Целевые санкции СБ ООН. С 1999 г. СБ ООН начал активно использовать целевые санкции, направленные против конкретных физических и юридических лиц, для снижения *inter alia* гуманитарного эффекта всеобъемлющих санкций. За прошедший период СБ ООН вводил целевые санкции:

- в рамках борьбы с международным терроризмом — резолюция 1267(1999) от 15.10.1999 г. (впоследствии — резолюции 1333(2000), 1390(2002), 1455(2003), 1526(2004), 1617(2005), 1735(2006), 1737(2006), 1822(2008), 1904(2009), 1989(2011)) — 220 лиц, 62 организации;
- по ситуациям в Эфиопии, Сомали и Эритрее — резолюция 1844(2008) от 20.11.2008 г. (впоследствии — резолюции 1846(2008), 1851(2008)) — 14 лиц;
- по ситуации в Ираке — резолюция 1518(2003) от 24.11.2003 г. — 89 лиц, 208 организаций;
- по ситуации в Либерии — резолюция 1521(2003) от 22.12.2003 г. (впоследствии — резолюции 1532(2004), 1683(2006), 1903(2009)) — 25 лиц — ограничение свободы передвижения, 9 лиц, 31 организация — замораживание счетов;
- по ситуации в Демократической Республике Конго — резолюция 1533(2004) от 12.03.2004 г. (впоследствии — резолюции 1596(2005), 1649(2005), 1698(2006), 1768(2007), 1771(2007), 1799(2008), 1807(2008), 1857(2008), 1896(2009), 1952(2010)) — 24 лица, 6 организаций;
- по ситуации в Кот д'Ивуаре — резолюция 1572(2004) (впоследствии — резолюции 1584(2005), 1643(2005)) — 8 лиц;
- по ситуации в Судане — резолюция 1591(2005) от 29.03.2005 г. (впоследствии — резолюция 1945(2010)) — 4 лица;
- по ситуации в КНДР — резолюция 1718(2006) от 14.10.2006 г. (впоследствии — резолюция 1874(2009)) — 9 лиц, 17 организаций;
- по ситуации в Иране — резолюция 1737(2006) от 23.12.2006 г. (впоследствии — резолюции 1747(2007), 1803(2008), 1929(2010)) — 43 лица, 77 организаций;

- по ситуации в Ливии — резолюция 1970(2011) от 26.02.2011 г. — 5 лиц — запрет въезда; 15 лиц — замораживание счетов и запрет въезда; 2 организации — замораживание счетов;

- против Талибана — резолюция 1988(2011) от 17.06.2011 г. (133 лица).

Сегодня целевые санкции введены СБ ООН против около 650 лиц и 400 организаций.

Возможность принятия целевых санкций не предусмотрена в ст. 41, 42 Устава ООН. В то же время закрепленный в указанных статьях перечень не является исчерпывающим. Устав также не содержит перечня субъектов, к которым СБ ООН может применять принудительные меры, учитывая лишь обязанность государств обеспечить их применение (ст. 39, 41, 42).

Таким образом, представляется, что в целом принятие СБ ООН целевых санкций не противоречит Уставу ООН, тем более что государства не оспаривают правомерность их принятия [32, с. 710]. Однако их статус и механизмы имплементации неоднозначны. Проблема становится более актуальной, так как вслед за СБ ООН целевые санкции начинают применяться региональными МПО, например ЕС, как для обеспечения выполнения санкций СБ ООН, так и самостоятельно.

Целевые санкции СБ ООН обычно включают наложение следующих ограничений на индивидов и организации:

- замораживание счетов и иных финансовых активов либо экономических ресурсов, собственности, которая прямо или косвенно контролируется лицами и организациями, включенными в список (резолюции 1267(1999), п. 4(b); 1844(2008), п. 3; 1572(2004), п. 12; 1483(2003), п. 23; 1591(2005), п. 3g; 1970(2011), п. 17; 1737(2006), п. 12; 1904(2009), п. 1(a));

- запрет въезда или транзита через свою территорию, авиационные ограничения (резолюции 1904(2009), п. 1(b); 1844(2008), п. 1; 1572(2004), п. 10; 1483(2003), п. 19; 1591(2005), п. 3f; 1970(2011), п. 15; 1737(2006), п. 12);

- предотвращение прямых или косвенных поставок, продажи или передачи оружия, оборудования, военного оборудования, иных материалов, технических консультаций, подготовки в военной сфере, финансовой или иной помощи, включая инвестиции, брокерство или иные финансовые услуги для поддержки военных действий или поставки, продажи, производства или использования оружия и военного оборудования (резолюции 1844(2008), п. 7; 1518(2003); 1904(2009), п. 1(c)).

При этом лица, в отношении которых применяются целевые санкции СБ ООН, могут быть разделены на несколько категорий: лица, подозреваемые в причастности в совершении актов терроризма или иных международных преступлений (резолюция 1267(1999)), государственные служащие, причастные к осуществлению, например, ядерной программы; лица, обладающие определенными знаниями, например в области ядерной энергии (1718(2006), 1737(2006), 1747(2007), 1803(2008)). Отдельные должностные лица вно-

сятся в списки в связи с причастностью к совершению международных преступлений (например, резолюция 1970(2011)).

По общему правилу применение целевых санкций государствами к внесенным в списки индивидам и юридическим лицам существенным образом ограничивает права физических лиц, закрепленные в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. (далее — МПГПП), в том числе право на личную свободу (ст. 9), свободу передвижения (ст. 12), свобода от дискриминации (ст. 2, 27), запрет вмешательства в личную и семейную жизнь (ст. 17) и пр. [34, с. 798]), и, по сути, является наказанием [18, с. 905].

В этой связи необходимо иметь в виду, что цели, принципы и механизмы международного уголовного права, с одной стороны, и имплементации санкций СБ ООН как политических решений — с другой, принципиально отличаются [18, с. 889; 34, с. 799]. При этом включение лиц в списки осуществляется на основании информации, поступающей от государств, критерии для их включения не являются жесткими, отсутствует процедура обоснования включения. Несмотря на активные шаги по разработке механизма обжалования, например, учреждение Центрального органа (резолюция 1566(2006)), должности омбудсмана (резолюция 1904(2009)), разъяснение процедуры исключения из списков в руководствах для отдельных комитетов по санкциям (п. 7 Руководства для Комитета, созданного согласно резолюции 1521(2003) по Либерии), закрепление исключений из вводимых запретов, обусловленных требованиями гуманности (п. 16, 19 резолюции 1970(2011)), он до настоящего момента малоэффективен [47; 30, с. 219, 221–222; 31].

Статус основополагающих прав человека. В современном международном праве основные стандарты по защите ПЧ являются обычными общепризнанными нормами международного права (*erga omnes*), которые носят императивный характер [16, с. 77; 49, п. 226–232; 11, п. 277–283]. Такие нормы обладают наивысшим статусом в системе международного права и, как отмечалось выше, распространяются на всех субъектов международного права, включая СБ ООН.

В то же время международное право признает возможность ограничения прав человека в период чрезвычайного положения в соответствии с процедурой, предписанной законом (ст. 4 МПГПП), либо в части, касающейся ограничений прав отдельных лиц — в соответствии с решением суда, принятым согласно действующему законодательству. Такие ограничения должны прямо предусматриваться национальным правом и носить минимальный, пропорциональный, необходимый и недискриминационный характер [33, с. 107–114]. В контексте данного исследования наибольший интерес представляют ст. 14(2–7) и 15. В отличие от ст. 15, запрещающей привлечение к ответственности за действия или упущения, которые в момент их совершения не являлись уголовным преступлением, ст. 14, п. 2–7 которой закрепляют

минимальные гарантии в уголовном процессе, не включена в перечень ст. 4(2). Однако неотъемлемый характер права на должный процесс в рамках уголовного преследования получил признание со стороны органов по защите прав человека (§ 16 Общих комментариев № 29 к ст. 4 МПГПП) и нашел свое отражение в международных договорах (принцип V Принципов Нюрнбергского трибунала, ст. 72–73, 146(4) IV Женевской конвенции 1949 г., ст. 105–108, 129(4) III Женевской конвенции, ст. 75 Дополнительного протокола I, ст. 6 Дополнительного протокола II). Нарушение данного права является серьезным нарушением МГП (ст. 147 IV Женевской конвенции, ст. 85(4e) Дополнительного протокола I). Из вышеизложенного следует, что право на должный процесс в рамках уголовного обвинения является основополагающим правом человека, нормой *jus cogens*, ограничения которого недопустимы ни при каких обстоятельствах.

Совет Безопасности ООН и право прав человека. Как отмечалось выше, принятие СБ ООН целевых санкций является политической мерой. При том, что права внесенных в списки физических лиц существенно ограничиваются аналогично наказанию за уголовные преступления, процессуальные гарантии в отношении таких лиц отсутствуют: индивидуальное слушание дела лица как таковое не проводится, уголовное обвинение часто не предъявляется, лицо не имеет возможности защищать свои интересы и практически лишено возможности обжалования внесения в список. Поэтому деятельность СБ ООН по введению целевых санкций в существующей сегодня форме может рассматриваться как нарушающая право на справедливое судебное разбирательство (должный процесс) и назначение наказания за деяния, не рассматриваемые в качестве преступлений (*nullum crimen*), которые являются нормами *jus cogens*. В результате возникает коллизия между положениями права международной безопасности и императивными нормами международного права. С одной стороны, в соответствии со ст. 25 Устава ООН государства обязаны выполнять решения СБ ООН, принимаемые на основании главы VII, а их невыполнение ставит под угрозу международный мир и безопасность. В то же время реализация целевых санкций СБ ООН представляет собой нарушение норм *jus cogens* и, как следствие, ведет к дестабилизации всей системы международных отношений.

В литературе применение СБ ООН целевых санкций в нарушение основополагающих прав человека часто обосновывается чрезвычайными обстоятельствами и необходимостью защиты общественных ценностей [17, с. 697–699; 28, с. 95], рассматривая ущемление прав лиц, внесенных в списки скорее как определенное изъятие для общего блага, чем нарушение их фундаментальных прав человека [30, с. 220]. В целом и международное, и национальное право признают возможность отступления от прав отдельного лица для защиты общественных интересов (ЕСПЧ *S. v. France* 1988, *Powell*

& *Rayner v. United Kingdom* 1990, *Fredin v. Sweden* 1990; *Pine Valley Development Ltd. & Others v. Ireland* 1991). Однако, на наш взгляд, идея о нарушении основополагающих прав человека в целях защиты прав человека порочна с точки зрения и морали, и права, тем более что СБ ООН уже наделен исключительными чрезвычайными полномочиями для того (и только потому), чтобы справляться с чрезвычайными ситуациями.

Таким образом, учитывая императивный характер норм по обеспечению должного процесса в уголовном преследовании, в случае если государства автоматически выполняют решения СБ ООН по введению целевых санкций против отдельных индивидов и организаций, они тем самым нарушают императивные нормы международного права как обязательства высшего порядка, вводя в отношении физических лиц наказания без обеспечения гарантий должного процесса, независимо от того, что они действовали с санкциями СБ ООН (принцип IV Принципов Нюрнбергского трибунала). Если же каждое государство будет рассматривать дело каждого внесенного в списки лица, это будет нарушением принципа *non bis idem* (не быть судимым дважды за одно преступление), закрепленного в ст. 14(7) МПГПП. В случае же, когда государство вынесет решение о невиновности лица и не будет применять к нему предписанные СБ ООН меры, это будет являться прямым нарушением санкций СБ ООН и потенциально способно подорвать существующую систему коллективной безопасности.

Санкции в отношении должностных лиц и экспертов. В отдельных случаях СБ ООН принимает санкции в отношении должностных лиц и экспертов в отдельных областях, например в области ядерной энергии. При этом такие лица не обвиняются в совершении международных преступлений, а санкции вводятся в целях предотвращения угрозы международному миру и безопасности, которая может быть создана в результате их деятельности.

Согласно международному праву государства могут в отдельных случаях ограничивать отдельные права должностных лиц других государств, например высылать из страны дипломатов, отказать в агремане. Поскольку действия, предпринимаемые против должностных лиц государства, часто рассматриваются как действия против государства (в данном случае не рассматривается ситуация, когда должностные лица включаются в списки по подозрению в совершении международных преступлений), применение такого рода санкций СБ ООН в целях поддержания международного мира и безопасности не вызывает возражений ни на практике, ни в доктрине международного права.

Лица, не являющиеся государственными служащими (например, ученые, лица, ушедшие с государственной службы), не представляют государство (ст. 4–5 Проекта статей об ответственности государств 2001 г.). Санкции применяются к ним в связи с тем, что они обладают определенными знаниями и информацией, распространение или применение которых может повлечь усиление угро-

зы международному миру и безопасности. Следует учитывать, что положение относительно возможности ограничения выезда физических лиц, обладающих государственными секретами, характерно для законодательства государств (ст. 24 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» от 21.07.1993 № 5485-1 (в ред. от 15.11.2010 г.); ст. 41 Закона Республики Беларусь «О государственных секретах» от 19.07.2010 г. № 170-З (в ред. от 23.10.2014 г.)). В связи с этим применение санкций СБ ООН к таким лицам в целях устранения угрозы международному миру и безопасности вполне может быть обосновано практикой ограничения прав отдельных лиц для общего блага. Как отмечается немецкими авторами Й. А. Фровайном и Н. Кришем, согласно Уставу ООН мир имеет преимущество перед справедливостью [32, с. 710]. Тем не менее такого рода ограничения должны носить временный характер, т. е. периодически пересматриваться, в том числе по заявлению самих лиц, и быть пропорциональными существующей угрозе.

Возможные механизмы оценки правомерности деятельности Совета Безопасности ООН. Несмотря на то что Устав ООН не содержит положений о возможности оценки правомерности деятельности СБ ООН, попытки пересмотра решений СБ ООН в практике региональных и даже национальных судов уже имеются. Например, Суд Европейского союза вынес более 30 решений в части оценки правомерности санкций СБ ООН [48, с. 147–150], в частности решения по делам Кади [39; 49], аль-Баракат [11; 40], Моджахедины [45] и иные [48, с. 150]. Имеется целый ряд решений национальных судов США и государств — членов Европейского союза [48, с. 155–158].

Изначально международные и национальные суды однозначно признавали отсутствие у них компетенции отменить или изменить решения СБ ООН (например, МС ООН в решении по предварительным возражениям по делу Локкерби предпочел не вдаваться в рассмотрение вопроса о соотношении договорных обязательств и резолюций СБ ООН (п. 36–37, 43) [21, с. 128–131]; решение Суда ЕС по делу Кади 2005 г., п. 181, 184, 192–193, 214, 225 [49]), несмотря на признание за нормами *jus cogens* статуса обязательств высшего порядка (решение Суда ЕС по делу Кади 2005 г., п. 226 [49]), то в решении по делу Кади II 2013 г. Суд ЕС говорит о своем праве давать оценку правомерности введения санкций против конкретного лица (п. 135) [39]. Суд также делает вывод о том, что основанные на соответствующей резолюции Совета Безопасности ООН доводы Комитета ООН по санкциям, на основании которых введены санкции против заявителя, недостаточны для введения таких мер в ЕС (п. 164). Фактически Суд ЕС принял решение, согласно которому ЕС и государства ЕС в нарушение ст. 25 Устава ООН не должны выполнять решение Совета Безопасности ООН.

Такого рода региональные и национальные оценки не только подвергают сомнению авторитет СБ ООН, но в конечном итоге ведут к подрыву всей

системы коллективной безопасности. Эффективное функционирование такой системы будет возможным только при условии обеспечения верховенства права в деятельности Совета. При этом реформирование механизма целевых санкций является составной частью реформирования СБ ООН в целом. Наш взгляд, потребность реформирования обусловлена в первую очередь не узким представительством государств, а отсутствием эффективного контроля за деятельностью Совета.

Заявления отдельных государств, доктрина, решения региональных или национальных судов не могут оказывать влияния на решения СБ ООН. Предлагаемая в доктрине необходимость провозглашения неправомерным решения СБ ООН подавляющим большинством государств-членов (А. Абассе) [10, с. 98] с учетом представительского состава Совета вряд ли возможна. Параллельное или последовательное рассмотрение дела в МС ООН и СБ ООН (Р. А. Каламкарян) [4, с. 113], равно как и оценка правомерности резолюций СБ ООН в ходе разрешения представленных на рассмотрение МС ООН споров или вынесения консультативных заключений (Е. Каннизаро [19, с. 195–196], О. Ю. Сорокина) [8, с. 28–29], не будет иметь каких-либо правовых последствий.

Возможным механизмом контроля в данном случае может служить наделение МС ООН компетенцией давать консультативные заключения о соответствии нормам международного права резолюций СБ ООН по запросам как акторов, ныне обладающих правом обращаться за консультативными заключениями, так и государств. На практике МС ООН и СБ ООН уже осуществляли параллельную юрисдикцию по целому ряду дел (Дело Локкерби 1998 г., О захвате заложников в Тегеране 1980 г., Дело о проливе Корфу 1946 г.). Решения, признанные несоответствующими принципам и императивным нормам международного права и также принятые с превышением полномочий соответствующего органа (*ultra vires*), должны утрачивать свою силу с момента вынесения консультативного заключения МС ООН, а противоречащие нормам *jus cogens* — с момента их принятия. Представляется, однако, нецелесообразным приостановление действия решений, в отношении которых в МС ООН подана просьба о консультативном заключении в целях предотвращения злоупотребления правом со стороны затрагиваемых государств.

Несмотря на то что возможность принятия СБ ООН целевых санкций в данной статье не оспаривается, представляется необходимым внести значительные изменения в процедуру их принятия. В случае применения санкций к лицам, подозреваемым в совершении преступления либо вовлеченным в преступную деятельность, государство должно иметь право предложить лицо для включения в перечень СБ ООН только одновременно с возбуждением уголовного (физические лица) либо административного (организации) производства в отношении него. В этом случае применение санкций будет длиться в зависимости от результатов

рассмотрения, либо до вынесения оправдательного приговора (принятия решения о непричастности организации к осуществлению или финансированию преступной деятельности), либо до снятия с лица судимости.

На государство должна возлагаться обязанность извещать соответствующий комитет по санкциям о принятом решении. Индивиды и организации также должны иметь возможность представить в Комитет по санкциям ходатайство об исключении их из списка (включая случаи, когда уголовное производство в отношении них носило явно дискриминационный характер без соблюдения гарантий должного процесса), а также известить о вынесении в отношении него оправдательного приговора либо снятии судимости. В отношении иных лиц санкции могут применяться только на основании принципа пропорциональности и должны периодически пересматриваться, в том числе по заявлению самого лица.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Применение СБ ООН санкций к индивидам и организациям в целом не противоречит Уставу ООН. Однако принятие таких санкций Советом и их применение государствами в существующей сегодня форме представляет собой нарушение основополагающих прав человека, в том числе тех, которые представляют собой императивные нормы международного права. Более того, такие действия, будучи обеспеченными принуждением со стороны СБ ООН, представляют собой вмешательство во внутренние дела всех государств, принуждая их к нарушению норм *jus cogens*.

2. Поскольку нарушения либо неопределенность в деятельности СБ ООН могут вызывать и часто влекут злоупотребления на уровне государств и региональных МПО (например, региональные МПО часто применяют целевые санкции по собственному усмотрению и в ситуациях, не угрожающих международному миру и безопасности), необходимость реформирования механизма целевых санкций СБ ООН является очевидной. Как справедливо отмечает Л. ван ден Херик, практика государств может осуждаться только в случае, если гарантии справедливого судебного разбирательства установлены на международном уровне [10, с. 97; 34, с. 802].

3. Поддержание международного мира и безопасности возможно только при условии обеспечения верховенства права в деятельности всех вовлеченных акторов, включая СБ ООН. Последний в своей деятельности связан принципами и императивными нормами международного права. Расширительное толкование полномочий должно осуществляться Советом *bona fide*, предпринимаемые действия — быть пропорциональными существующей угрозе.

4. Для обеспечения процессуальных гарантий при введении целевых санкций необходимо проведение параллельного уголовного или административного разбирательства в отношении включаемых в списки лиц. Целесообразным также представляется предоставление МС ООН возможности оценки правомерности деятельности СБ ООН путем принятия консультативных заключений по запросам государств — членов ООН.

Библиографические ссылки

1. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций 2000 года : принята резолюцией 55/2 Ген. Ассамблеи ООН, 8 сент. 2000 г. // Орг. Объед. Наций [Электронный ресурс]. URL : <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml> (дата обращения : 03.08.2013).
2. Довгань Е. Ф. Принцип невмешательства во внутренние дела государств: современные тенденции. Минск : Право и экономика, 2009.
3. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года : принят резолюцией 60/1 Ген. Ассамблеи ООН, 16 сент. 2005 г. [Электронный ресурс] // Орг. Объед. Наций. URL : <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005.shtml> (дата обращения : 21.08.2012).
4. Каламкьян Р. А. Кодификация международного права и современный миропорядок. М. : Наука, 2008.
5. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть : учебник. М. : БЕК, 1996.
6. Международное публичное право : учебник / под ред. К. А. Бекяшева. М. : Проспект, 1999.
7. Пирадов А. С., Старишенко Г. Б. Принцип невмешательства в современном международном праве // Сов. ежегодник междунар. права. 1958. М. : Изд-во АН СССР, 1959. С. 230–253.
8. Сорокина О. Ю. Полномочия Совета Безопасности Организации Объединенных Наций : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. М., 2009.
9. Черниченко С. В. Теория международного права : в 2 т. М. : НИМП, 1999. Т. 1: Современные теоретические проблемы.
10. Abass A. Regional Organizations and the Development of Collective Security: Beyond Chapter VIII of the UN Charter. Oxford ; Portland : Hart Publishing, 2004.
11. Ahmed Ali Yusuf and Al Barakaat International Foundation v. Council and Commission of the European Communities: case T-306/01, 21 Sept. 2005 [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. URL : <<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:62001A0306:EN:HTML>> (date of access : 10.02.2010).
12. Alvarez J. E. International Organizations as Law-Makers. New York : Oxford University Press, 2005.
13. Amerasinghe C. F. Principles of the Institutional Law of International Organizations. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2005.
14. Anderson D. H. Law-Making Process within the UN-System — Some Impressions // Max Plank Yearbook of United Nations Law. 1998 P. 23–50.

15. *Arnold R.* Human Rights in Times of Terrorism // *Zeitschrift für Ausländisches Öffentliches Recht und Völkerrecht*. 2006. Vol. 66. P. 297–319.
16. *Barcelona Traction, Light and Power Company, Ltd.* // I.C.J. Reports. The Hague: I.C.J., 1970. P. 3–113.
17. *Benvenuti E.* The US and the Use of Force: Double-edged Hegemony and Management of Global Emergencies // *European Journal of International Law*. 2004. Vol. 15, № 4. P. 677–700.
18. *Bianchi A.* Assessing the Effectiveness of the UN Security Council's Anti-terrorism Measures: the Quest for Legitimacy and Cohesion // *European Journal of International Law*. 2007. Vol. 18, № 5. P. 881–919.
19. *Cannizzaro E.* A Machiavellian moment? The UN Security Council and the rule of law // *International Organizations Law Review*. 2006. № 3. P. 189–224.
20. Case Concerning Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Rwanda), Judgment of 3 February 2006, Separate Opinion of Judge Dugard // I.C.J. Reports. The Hague: I.C.J., 2006. P. 86–94.
21. Case Concerning Questions of Interpretation and Application of the 1971 Montreal Convention Arising from Aerial Incident at Lockerbie, Judgment of 27/02/1998, Preliminary objections // I.C.J. Reports. The Hague: I.C.J., 1998. P. 115–136.
22. Case Concerning the Application of the Genocide Convention (Bosnia and Herzegovina v. Yugoslavia), Order of 13 September 1993 on the Request for the Indication of Further Provisional Measures, Separate Opinion of Judge Lauterpacht // I.C.J. Reports. The Hague: I.C.J., 1993. P. 407–448.
23. *Cassese A.* Ex Iniuria ius oritur: Are we moving toward International Legitimation of Forcible Humanitarian Countermeasures in the World Community? // *European Journal of International Law*. 1999. Vol. 10, № 1. P. 23–30.
24. Certain Expenses of the United Nations (Article 17, Paragraph 2, of the Charter), Advisory Opinion // I.C.J. Reports. The Hague: I.C.J., 1962. P. 151–309.
25. Competence of the General Assembly for the Admission of a State to the United Nations. Advisory Opinion of March 3rd, 1950 // I.C.J. Reports. The Hague: I.C.J., 1950. P. 4–57.
26. Conditions of Admission of a State to the United Nations (Charter, Art. 4), Advisory Opinion // I.C.J. Reports. The Hague: I.C.J., 1948. P. 57–116.
27. *Conte A.* Handbook on Human Rights Compliance While Countering Terrorism. Washington : Center on Global Counterterrorism Cooperation, 2008.
28. *Doehring K.* Unlawful Resolutions of the Security Council and Their Legal Consequences // *Max Plank Yearbook of United Nations Law*. 1997. P. 91–109.
29. *Eitel T.* The UN Security Council and its Future Contribution in the Field of International Law // *Max Plank Yearbook of United Nations Law*. 2000. P. 53–71.
30. *Farral J. M.* United Nations Sanctions and the Rule of Law. Cambridge : Cambridge University Press, 2009.
31. *Fassbender B.* Targeted Sanctions and Due Process: working paper of the Humboldt-Universität zu Berlin // [Electronic resource] // United Nations. URL : <http://www.un.org/law/counsel/Fassbender_study.pdf> (date of access : 12.02.2010).
32. *Frowein J. A., Krisch N.* Introduction to Chapter VII // The Chapter of the United Nations: a Commentary. 2nd ed. Vol. 1 / ed. by B. Sinna. München : Verlag C. H. Beck, 2002. P. 703–716.
33. General Comment № 29: Article 4: Derogations during a State of Emergency (CCPR/C/21/Rev.1/Add.11) // General Comments and Recommendations. Vol. I. 4th ed. Lund, 2003. P. 107–115.
34. *Herik L. van den.* The Security Council's Targeted Sanctions Regimes: In Need of Better Protection of the Individual // *Leiden Journal of International Law*. 2007. Vol. 20. P. 797–807.
35. *Higgins R.* Fundamentals of International Law // Perspectives of International Law / ed. by N. Jasentuliyana. London : Kluwer Law International, 1995. P. 3–22.
36. *Higgins R.* The Development of International Law Through the Political Organs of the United Nations. Oxford : Oxford University Press, 1963.
37. International Status of South-West Africa. Advisory Opinion // I.C.J. Reports. The Hague: I.C.J., 1950. P. 128–145.
38. Interpretation of Peace Treaties, Advisory Opinion. // I.C.J. Reports. The Hague: I.C.J., 1950. P. 65–78.
39. Judgement of the Court (Grand Chamber) Yassin Abdullah Kadi v. Council of the European Union and Commission of the European Communities: 18 July 2013 [Electronic resource] // Court of Justice of the European Union. URL : <<http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=139745&pageIndex=0&doclang=en&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=1914364>> (date of access : 02.09.2013).
40. Kadi and Al Barakaat International Foundation v. Council of the European Union and Commission of the European Union, joined cases C-402/05 P and C-415/05 P [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. URL : <<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:62005J0402:EN:HTML>> (date of access : 05.10.2013).
41. Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South-West Africa) notwithstanding Security Council Resolution 276(1970), Dissenting Opinion of Judge Sir G. Fitzmaurice // I.C.J. Reports. The Hague: I.C.J., 1971. P. 220–425.
42. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America) Preliminary objections, Judgment of 26.11.1984 // I.C.J. Reports. The Hague: I.C.J., 1984. P. 392–443.
43. *Orakhelashvili A.* The Impact of Peremptory Norms on the Interpretation and Application of United Nations Security Council Resolutions // *European Journal of International Law*. 2005. Vol. 16, № 1. P. 59–88.
44. *Orakhelashvili A.* Peremptory Norms in International Law. New York : Oxford University Press, 2008.
45. Organisation des Modjahedines du peuple d'Iran v Council of the European Union: case T-228/02: judgment of the Court of 1st Instance (2nd Chamber), 12 Dec. 2006 [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union

- law. URL : <<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:62002A0228:EN:HTML>> (date of access : 05.10.2013).
46. Reparation for Injuries Suffered in the Service of the United Nations. Advisory Opinion // I.C.J. Reports. The Hague: I.C.J., 1949. P. 174–189.
47. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism, Martin Scheinin: Summary: UN. Doc. A/HRC/4/26 [Electronic resource]. URL : <<http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/HRC/4/26>> (date of access : 20.01.2010).
48. Review of the Security Council by member states / ed. by E. de Wēt, A. Nollkaemper, P. Dijkstra. Antwerp : Intersentia, 2003.
49. Yassin Abdullah Kadi v. Council of the European Union and Commission of the European Communities: case T 315/01, 21 Sept. [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. URL : <<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:62001A0315:EN:HTML>> (date of access : 10.02.2010).

Статья поступила в редакцию в апреле 2015 г.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ И РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Ю. А. Лепешков

В статье предпринята попытка проанализировать сложившийся сегодня механизм международно-правовой регламентации сотрудничества государств и межправительственных организаций в сфере рационального использования и охраны водных ресурсов, выявить его сильные и слабые стороны.

An attempt to analyze the present mechanism of international legal regulation of cooperation between states and inter-governmental organizations in the sphere of the rational use and protection of water resources is undertaken in the article. The goal is also to identify its advantages and drawbacks.

Ключевые слова: экология; водные ресурсы; трансграничные воды; охрана окружающей среды; охрана водных ресурсов; рациональное использование водных ресурсов; международное сотрудничество.

Keywords: ecology; water resources; transborder waters; environmental protection; water resources protection; rational use of water resources; international cooperation.

ВВЕДЕНИЕ

С момента выхода проблемы защиты и сохранения вод нашей планеты за пределы национальных границ ее решение посредством усилий, принимаемых лишь одними, пусть и основными (ведущими) международно-правовыми субъектами — суверенными государствами, какими бы финансовыми и техническими возможностями они ни обладали, стало малопродуктивным. Существенным фактором, обуславливающим проблему дефицита пресной воды, является «очевидная неспособность вододефицитных развивающихся стран самостоятельно, собственными силами справиться с этим дефицитом» [4, с. 47]. В условиях растущей глобализации, приобретения водным кризисом поистине транснационального характера всестороннее сотрудничество международных организаций и государств становится все более актуальным и востребованным.

В пункте 1.3 принятой на Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г.) Повестке дня на XXI век [19], отражающей «глобальный консенсус и принятие на самом высоком уровне политических обязательств в отношении сотрудничества по вопросам развития и окружающей среды», особо отмечено, что ответственность за ее успешное осуществление ложится не только на правительства. Для достижения этой цели необходимо международное сотрудничество (с вовлечением в него универсальных, региональных и субрегиональных организаций при решающей роли системы ООН), способствующее национальным мерам и дополняющее их.

Объединение усилий государств и международных организаций в интересах обеспечения рационального использования и охраны водных ресурсов, вне всяких сомнений, требует преодоления определенных барьеров, связанных с различиями в правовом положении (статусе) названных субъектов, с несовпадением их интересов, с дублированием выполняемых ими функций, а также с особенностями

национальных правовых систем разных стран и институционально-правовых механизмов различных международных организаций. Все эти факторы даже в их совокупности вряд ли способны «перевесить» тот положительный потенциал, который изначально заложен в механизме взаимодействия главных сегодня действующих лиц (акторов) на международной арене — государств и международных организаций, причем независимо от сферы приложения ими своих усилий.

Цель статьи — определить степень эффективности механизма международно-правовой регламентации сотрудничества государств и межправительственных организаций в сфере рационального использования и охраны водных ресурсов.

Теоретическую основу для проведения настоящего исследования составили научные разработки ученых, таких как Р. М. Валеев [2], В. И. Данилов-Данильян [4], М. Н. Копылов [12], Д. Р. Миннекаева [13], А. М. Солнцев [26], Э. Я. Эюбов [30]. Нормативной базой исследования являются природоохранные (в первую очередь водоохранные) международно-правовые акты договорного и недоговорного происхождения как универсального, так и регионального характера.

Международно-правовая регламентация сотрудничества государств и международных организаций в сфере охраны и рационального использования водных ресурсов осуществляется двумя видами актов. Во-первых, это акты договорного происхождения, имеющие обязательный характер для участвующих в них субъектов. Речь идет о многочисленной группе международных природоохранных (в том числе водоохранных) соглашений и конвенций как универсального, так и регионального характера. Во-вторых, это документы недоговорного происхождения, которые носят рекомендательный характер и содержат нормы «мягкого» права (акты, принятые на международных конференциях и иных форумах, а также резолюции межправительственных организаций).

Международное публичное, международное частное и европейское право

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ НЕДОГОВОРНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Необходимость координации усилий государств и иных участников международного общения (в том числе межправительственных организаций) в сфере охраны окружающей среды стала очевидной уже давно. В одном из первых универсальных природоохранных документов недоговорного происхождения — Стокгольмской декларации ООН по проблемам окружающей человека среды 1972 г. [5] — особо отмечена целесообразность «широкого сотрудничества между государствами и принятия мер со стороны международных организаций в общих интересах» (п. 7 разд. I). Более того, принцип 25 названного документа прямо и недвусмысленно возложил на государства обязанность «содействовать тому, чтобы международные организации играли согласованную, эффективную и динамичную роль в деле охраны и улучшения окружающей человека среды».

Еще один значимый международный документ — Всемирная хартия природы [3], принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1982 г., — обратил внимание на необходимость надлежащих мер на различных уровнях — национальном и международном, индивидуальном и коллективном, частном и общественном — для охраны природы и расширения международного сотрудничества в этой области. Пунктом 21 Хартии на государства, международные организации, частные лица, ассоциации и предприятия была возложена обязанность «сотрудничать в целях охраны природы путем проведения совместной деятельности и других соответствующих мероприятий, включая обмен информацией и консультации».

В упомянутой выше Повестке дня на XXI век двустороннее и многостороннее сотрудничество государств друг с другом, а также с ООН и другими международными организациями обозначено в качестве одного из ключевых направлений взаимодействия в интересах сохранения качества ресурсов пресной воды и снабжение ею, охватывающего, как известно, такие значимые программные области, как комплексное освоение и рациональное использование водных ресурсов, их оценка; охрана водных ресурсов, качества воды и водных экосистем; снабжение питьевой водой и санитария; вода для устойчивого городского развития, а также для устойчивого производства продовольствия и развития сельских районов; последствия изменения климата для водных ресурсов (п. 18.5).

В числе основных форм взаимодействия государств и международных организаций в рассматриваемой сфере, непосредственно прописанных в Повестке дня на XXI век, можно отметить следующие: разработка национальных планов действий, систем мониторинга и оценки; создание интерактивных баз данных, моделей прогнозирования и методов рационального использования водных ресурсов; научно-исследовательское сотрудничество; распространение информации и обмен знаниями; развитие людского потенциала (подготовка руководящих кадров, обучение специалистов и т. п.); разработка национальных

и международных правовых документов; техническое сотрудничество (передача технологии, технического опыта и др.). Особое внимание в названном международно-правовом акте обращено на целесообразность максимально возможного участия всех стран в осуществлении международных программ мониторинга и регулирования качества воды, администрируемых, как правило, международными организациями и органами, например, таких, как Глобальная программа мониторинга качества воды, Программа ЮНЕП по экологически обоснованному использованию внутренних водных ресурсов, Международная гидрологическая программа ЮНЕСКО, программы ФАО по региональным внутренним водоемам, используемым для рыбного промысла, по вопросам водных ресурсов и устойчивого развития сельского хозяйства.

Разработчики Программы действий по дальнейшему осуществлению Повестки дня на XXI век [20], принятой в ходе встречи на высшем уровне «Планета Земля + 5» в 1997 г., давая оценку прогрессу, достигнутому со времени проведения Конференции ООН по окружающей среде и развитию 1992 г., с гордостью констатировали активные совместные усилия правительств и международных организаций по обеспечению учета проблем окружающей среды и развития в процессе принятия решений. При этом в названном документе подчеркнуто, что хотя основная ответственность за достижение целей в области развития лежит на национальных правительствах, «важно оживить и активизировать международное сотрудничество» (п. 22), вовлекая в него как можно более широкий круг участников, в том числе универсальные и региональные международные организации. Как справедливо отмечает по этому поводу Д. Р. Миннекаева, «только партнерство в глобальном масштабе может принести всем народам более безопасное и обеспеченное будущее» [13].

В части решения наиболее серьезных проблем, связанных с использованием ресурсов пресной воды, разработчиками Программы действий по дальнейшему осуществлению Повестки дня на XXI век было указано на необходимость безотлагательно начать диалог под эгидой Комиссии ООН по устойчивому развитию для достижения консенсуса в отношении необходимых действий, активизировать региональное и международное сотрудничество в области передачи технологии и финансирования комплексных программ и проектов использования водных ресурсов, укрепить потенциал правительств и международных учреждений в области сбора и обработки информации, развивать региональное и международное сотрудничество в сфере распространения информации и обмена ею, оказывать развивающимся странам техническую помощь и обеспечить международную поддержку предпринимаемых ими усилий по комплексному освоению водных ресурсов (п. 34).

В Йоханнесбургской декларации по устойчивому развитию [6], принятой на Всемирной встрече на

высшем уровне по устойчивому развитию (Йоханнесбург, 26 августа – 4 сентября 2002 г.), нашла отражение поддержка формирования более сильных региональных группировок и союзов в целях содействия расширению международного сотрудничества и устойчивому развитию (п. 23). При этом было четко заявлено, что будущее — за многосторонним подходом, в связи с чем для устойчивого развития необходимы «более эффективные, демократичные и подотчетные международные и многосторонние учреждения» (п. 31).

Развивая данный подход, разработчики Плана выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию [18], принятого там же — в Йоханнесбурге в 2002 г., в рамках общего курса на повышение экологической эффективности отметили важность сотрудничества государств и международных организаций в деле наращивания потенциала, передачи и обмена технологией, в особенности когда в этот процесс вовлечены развивающиеся страны и страны с переходной экономикой (подп. «f» п. 15). В документе акцентировано внимание на необходимости содействия эффективной координации между различными международными и межправительственными органами и механизмами, занимающимися водной проблематикой (п. 29).

В Итоговом документе, принятом на состоявшейся в июне 2012 г. в Рио-де-Жанейро Конференции ООН по устойчивому развитию и озаглавленном «Будущее, которого мы хотим» [1], идея активизации международного сотрудничества проходит «красной нитью». В разделе Итогового документа, посвященном институциональным рамкам устойчивого развития (разд. IV), особое внимание уделено вопросам укрепления соответствующих межправительственных механизмов с акцентом на необходимости «укрепления слаженности и усиления координации в рамках всей системы Организации Объединенных Наций наряду с обеспечением необходимой подотчетности государств-членов, в частности на основе повышения согласованности процедур отчетности и активизации совместных усилий в рамках существующих межучрежденческих механизмов и стратегий...» (п. 78).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ДОГОВОРНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Важная роль, отводимая международному сотрудничеству, в том числе взаимодействию международных организаций и государств, в области охраны и рационального использования водных ресурсов, обозначена не только в документах рекомендательного свойства. Значимым вкладом в формирование и укрепление правового режима защиты и сохранения вод Земли являются заключенные преимущественно во второй половине XX ст. международные договоры экологической направленности, содержащие четкие юридические обязательства участвующих в них субъектов. По сведениям Р. М. Валеева, только за последние полвека заключено порядка полутора сотен международных соглашений, связанных с водными ресурсами [2].

Заявляя о «важности учета фактора водных ресурсов в контексте устойчивого развития», признавая, что «водные ресурсы являются одним из краеугольных камней устойчивого развития» (п. 119), разработчики Итогового документа саммита в Рио-де-Жанейро четко обозначили основные направления международного сотрудничества в рассматриваемой области, а именно: борьба с наводнениями, засухами и нехваткой воды; мобилизация финансовых ресурсов и инвестиций в целях создания инфраструктуры, обеспечивающей водоснабжение и оказание санитарных услуг; снижение уровня загрязнения воды и повышение ее качества, улучшение очистки сточных вод для повторного использования и повышение эффективности водопользования (п. 123–124).

Как уже было отмечено ранее, рассмотренные акты недоговорного происхождения носят рекомендательный характер, что, впрочем, ни в коей мере не снижает их авторитета и значения. В большинстве своем это стандарты высокого уровня, в силу чего далеко не все государства и международные организации готовы сразу воспринять их и тем более реализовать на практике. Важная роль данных актов в том, что они способствуют унификации подходов различных участников международного общения к решению проблем, связанных с защитой и сохранением водных ресурсов, делают предпринимаемые ими усилия более скоординированными, упрощают разработку международных договоров в рассматриваемой области, обеспечивая предварительное («доправовое») регулирование.

Уместно обратить внимание и на такую особенность международного природоохранного сотрудничества (в том числе в сфере рационального использования и защиты водных ресурсов), как целенаправленное и сознательное широкое использование государствами и международными организациями норм «мягкого» права, особенно в тех случаях, когда применение традиционных международно-правовых инструментов невозможно либо затруднительно. Как отмечает М. Н. Копылов, «подобная практика, показавшая свою жизненную силу, убедительно доказала способность “мягкого” международного экологического права решать задачи, которые не под силу “твердому” праву» [12, с. 19].

Всего же подписано более 400 международных договоров по управлению водными ресурсами на региональном и глобальном уровнях [26, с. 247].

В числе универсальных международных соглашений, затрагивающих вопросы охраны и рационального использования водных ресурсов, можно отметить следующие:

- Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве мест обитания водоплавающих птиц, 1971 г. [8] (заключена в Рамсаре, вступила в силу в 1975 г., Республика Беларусь участвует с 1991 г.);
- Конвенция по борьбе с опустыниванием в тех странах, которые испытывают серьезную засуху и/или опустынивание, особенно в Африке, 1994 г.

[10] (заключена в Париже, вступила в силу в 1996 г., Республика Беларусь участвует с 2001 г.);

• Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 г. [9] (заключена в Нью-Йорке, вступила в силу в 2014 г., Республика Беларусь не участвует).

Первая из упомянутых конвенций примечательна тем, что предусматривает возможность созыва договаривающимися сторонами по мере необходимости специализированных конференций по охране водно-болотных угодий и водоплавающих птиц. Данные конференции, наделенные консультативными полномочиями, вправе среди прочего обращаться с просьбой к соответствующим международным органам относительно подготовки отчетов и статистических данных, касающихся водно-болотных угодий (ст. 6). Наряду с этим Конвенция возложила на Международный союз охраны природы выполнение функций постоянно действующего бюро, обязав его содействовать созыву и организации специализированных конференций, осуществлять ведение и хранение списка водно-болотных угодий международного значения, информировать государства-участники о любых изменениях в списке или изменениях в характере водно-болотных угодий, включенных в него, а также доводить до их сведения рекомендации конференций в отношении таких изменений (ст. 8).

Конвенция по борьбе с опустыниванием в тех странах, которые испытывают серьезную засуху и/или опустынивание, особенно в Африке, 1994 г. нацелена на борьбу с опустыниванием и смягчение последствий засухи «путем принятия эффективных мер на всех уровнях в сочетании с соглашениями о международном сотрудничестве и партнерстве...» (ст. 2). Ее спецификой является установление трех видов (уровней) обязательств, а именно: общих обязательств всех государств — участников Конвенции (ст. 4), обязательств затрагиваемых стран — сторон Конвенции (ст. 5) и обязательств развитых стран — сторон Конвенции (ст. 6). При этом под затрагиваемыми странами понимаются государства — участники Конвенции, в которых поверхность суши включает целиком либо частично засушливые и/или полусухие районы, затрагиваемые опустыниванием или находящиеся под угрозой опустынивания.

Отличительной особенностью данной Конвенции является возможность участия в ней наряду с суверенными государствами региональных организаций экономической интеграции, чем, например, в свое время (в 1998 г.) воспользовался Европейский союз. Масштаб обязательств, устанавливаемых Конвенцией для пожелавшей стать ее участником региональной организации экономической интеграции, зависит от того, являются ли государства-члены такой организации сторонами этой Конвенции. Любая региональная организация экономической интеграции, которая становится стороной Конвенции, связана всеми вытекающими из нее обязательствами лишь тогда, когда ни одно из ее государств-членов не является стороной Конвенции. В противном случае такая организация и ее государства-члены должны урегулировать между

собой вопрос, касающийся выполнения своих обязательств, вытекающих из Конвенции (п. 2 ст. 34).

В числе важных принципов, на которых базируется Конвенция, получивших закрепление в ст. 3, стоит отметить совершенствование сотрудничества и координации сторон на субрегиональном, региональном и международном уровнях в духе международной солидарности и партнерства, развитие сторонами сотрудничества между всеми уровнями управления в духе партнерства. Данные принципы получили развитие в статьях Конвенции, посвященных международному сотрудничеству (ст. 12) и координации при разработке и осуществлении программ действий (ст. 14). В частности, ст. 12 возложила на затрагиваемые страны — стороны Конвенции — обязанность сотрудничать с другими сторонами и международным сообществом, с тем чтобы обеспечить создание благоприятной международной обстановки при осуществлении положений Конвенции, конкретизировала области такого сотрудничества: передача технологии, научные исследования и разработки, сбор и распространение информации, финансовые ресурсы. В свою очередь, в соответствии со ст. 14 стороны Конвенции «тесно сотрудничают, непосредственно или через соответствующие межправительственные организации, в разработке и осуществлении программ действий», «создают действенные механизмы... для обеспечения наиболее полной координации между... странами... и соответствующими межправительственными и неправительственными организациями...».

Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 г. в отличие от двух других упомянутых выше соглашений имеет непосредственное отношение к международному праву водных ресурсов. Это первый и пока единственный универсальный международный договор, систематизировавший основные принципы и нормы поведения государств в сфере рационального освоения и охраны трансграничных водных объектов. До его появления данная сфера международно-правового регулирования не могла «похвастать» успехами в деле кодификации и прогрессивного развития, если, конечно же, не брать в расчет попытку неофициальной кодификации, предпринятую неправительственной международной организацией «Ассоциация международного права» и завершившуюся принятием в 1966 г. «Правил пользования водами международных рек» [34], названных по месту их принятия «Хельсинкскими правилами» (пересмотрены и дополнены на Берлинской конференции Ассоциации международного права в 2004 г. [32]).

Конвенция 1997 г., предусмотревшая по аналогии с Конвенцией по борьбе с опустыниванием 1994 г. возможность участия в ней наряду с государствами также региональных организаций экономической интеграции, в числе ряда основополагающих принципов, получивших закрепление в Части II, устанавливает общее обязательство сотрудничать в целях достижения оптимального использования и надлежащей защиты международного водотока (п. 1 ст. 8). Более того, при определении

способов такого сотрудничества, а также для его облегчения предусмотрена возможность создания совместных механизмов или комиссий в отношении соответствующих мер и процедур (п. 2 ст. 8).

По аналогии с Конвенцией по борьбе с опустыниванием 1994 г. определяется и масштаб обязательств, устанавливаемых Конвенцией 1997 г. для региональных организаций экономической интеграции: «Любая региональная организация экономической интеграции, которая становится Стороной настоящей Конвенции в случае, когда ни одно из ее государств-членов не является Стороной, принимает на себя все обязательства по Конвенции. В случае таких организаций, одно или более государств-членов которых являются Стороной настоящей Конвенции, эта организация и ее государства-члены решают вопрос о своих соответствующих обязанностях, касающихся выполнения их обязательств по настоящей Конвенции. В таких случаях эта организация и государства-члены неправомочны одновременно осуществлять права по Конвенции» (п. 2 ст. 35).

В научной литературе высказывались разные (в том числе критические) суждения относительно практической ценности рассматриваемого международного договора, а также дальнейших перспектив Конвенции 1997 г. в связи с несколькими затянувшимся процессом ее вступления в силу [4, с. 55; 30, с. 190–193]. Так, например, Э. Я. Эюбов высказывал сомнения не только в том, что уровень ратификации, необходимый для вступления рассматриваемого международного договора в силу, «вряд ли будет достигнут в скором времени», но даже по поводу того, что Конвенция вообще «когда-либо станет полностью действующей» [30, с. 190].

Но несмотря на критику в ее адрес, порой вполне обоснованную, Конвенция 1997 г. все же сумела доказать жизнеспособность, вступив в силу 17 августа 2014 г. [33]. Это позволяет говорить о наступлении нового этапа в эволюции международного права водных ресурсов, в рамках которого сотрудничество государств и международных организаций будет продолжено на основе действующего юридически обязательного международного документа.

Есть надежда, что вступление Конвенции 1997 г. в силу послужит серьезным побудительным мотивом для присоединения к ней нашей страны, в особенности принимая во внимание значимость данной Конвенции как фундаментальной основы правового регулирования международных водотоков, а также с учетом того, что территория Беларуси включает в себя несколько трансграничных водных бассейнов (Днепр, Западная Двина, Западный Буг, Неман, Припять).

В 2008 г. Комиссия международного права ООН на своей 60-й сессии приняла во втором чтении проекты статей, посвященных праву трансграничных водоносных горизонтов [21], и рекомендовала Генеральной Ассамблее ООН принять их в виде резолюции, а также рассмотреть с учетом важности данной темы возможность заключения конвенции на основе данных проектов статей.

Помимо закрепления общего обязательства сотрудничать (ст. 7) разработчики проектов статей (включает 19 статей), учитывающих многочисленные двусторонние, региональные и универсальные соглашения и договоренности, касающиеся грунтовых вод, предусмотрели отдельную статью, регламентирующую сотрудничество с развивающимися государствами — научное, учебное, техническое, юридическое и иное, которое может осуществляться как напрямую, так и через компетентные международные организации (ст. 16). Более того, в указанной статье обстоятельно, хотя и неисчерпывающе, прописаны направления такого сотрудничества, предусматривающие, в частности, содействие укреплению потенциала развивающихся государств в научной, технической и юридической областях; активизацию их участия в соответствующих международных программах; предоставление им необходимых средств и оборудования, а также расширение их возможностей для производства последнего; оказание консультативной помощи.

Наряду с универсальными международно-правовыми актами нормы, регламентирующие сотрудничество государств и международных организаций в сфере охраны и рационального использования водных ресурсов, получили закрепление в актах регионального характера, причем в большинстве случаев это документы, относящиеся к европейскому региону. Более четверти всех трансграничных речных водосборов нашей планеты расположены на европейском континенте [4, с. 53]. Именно в Европе находится река (Дунай), к бассейну которой принадлежит самое большое число стран — 19 (14 непосредственно и 5 косвенно) [29]. В этой связи неудивительно, что именно в европейском регионе международное сотрудничество в сфере совместного использования и охраны пресных вод не только возникло раньше всего, но и является на сегодняшний день одним из наиболее эффективных.

В контексте рассматриваемой проблематики наибольший интерес представляет договорно-правовая база водоохранного сотрудничества в европейском регионе, в формировании которой непосредственное участие приняла ЕЭК ООН — одна из пяти региональных комиссий ЭКОСОС ООН, членами которой на данный момент являются 56 стран, включая Республику Беларусь. Уместно напомнить, что в Итоговом документе Конференции ООН по устойчивому развитию, состоявшейся в июне 2012 г. в Рио-де-Жанейро, особо отмечена деятельность региональных комиссий ООН, которые «должны играть в своих соответствующих регионах заметную роль в поощрении сбалансированной интеграции экономического, социального и экологического компонентов устойчивого развития», «уделять приоритетное внимание вопросам устойчивого развития посредством более эффективного и действенного наращивания потенциала, разработки и осуществления при необходимости региональных соглашений и договоренностей и обмена информацией, передовым опытом и извлеченными уроками» (п. 100).

За период времени, в течение которого ЕЭК ООН занимается вопросами окружающей среды, а это около полувека, создана «уникальная правовая экологическая база» [28] — разработаны 17 международных договоров (5 конвенций и 12 протоколов), касающихся загрязнения воздуха, оценки воздействия на окружающую среду, промышленных аварий, трансграничных вод и участия общественности. Как указано в Компендиуме международных договоров, норм и стандартов ЕЭК ООН, «эти правовые документы, которые являются важным элементом общеевропейской правовой структуры, служат конкретным и эффективным инструментом для стирания существовавшей ранее границы, разделявшей восток и запад, а также для интеграции стран с экономикой переходного периода в общеевропейское правовое и экономическое пространство» [7].

Три из 17 договоров посвящены водоохранной тематике. В их числе Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 г. [11] (заключена в Хельсинки, вступила в силу в 1996 г., Республика Беларусь участвует с 2003 г.), а также два протокола 1999 и 2003 гг., первый из которых посвящен проблемам воды и здоровья [23] (подписан в Лондоне, вступил в силу в 2005 г., Республика Беларусь участвует с 2009 г.), а второй — ответственности за ущерб, причиненный трансграничным воздействием промышленных аварий на трансграничные воды [22] (подписан в Киеве, по состоянию на 1 июня 2015 г. в силу не вступил, Республика Беларусь не подписала).

Важно отметить, что Конвенцию 1992 г. весьма условно (т. е. лишь по старой традиции) можно рассматривать в качестве регионального международного договора. Это связано с тем, что 6 февраля 2013 г. вступили в силу принятые в 2003 г. поправки к статьям 25 и 26 данного международного договора [31], позволяющие любым государствам — членам ООН, расположенным за пределами региона ЕЭК ООН, стать его участниками после получения на то согласия от совещания сторон Конвенции. Иными словами, с момента вступления указанных поправок в силу рассматриваемое соглашение трансформировалось из классического регионального инструмента, каковым оно изначально и являлось, в универсальный документ.

Как и ряд упомянутых выше международных договоров, Конвенция 1992 г. допускает участие в ней наряду с государствами также региональных организаций экономической интеграции, аналогичным образом фиксируя устанавливаемый для них масштаб обязательств: «Любая... организация, которая становится Стороной настоящей Конвенции при том, что ни одно из государств-членов этой организации не является Стороной настоящей Конвенции, будет связана всеми обязательствами, предусмотренными настоящей Конвенцией. В случае, когда одно или несколько государств-членов такой организации являются Сторонами настоящей Конвенции, данная организация и ее государства-члены принимают решение в отношении их соответствующих обязанностей по выполнению

своих обязательств по настоящей Конвенции. В таких случаях данная организация и ее государства-члены не могут одновременно пользоваться правами, предусмотренными в настоящей Конвенции» (п. 4 ст. 25).

Уже в начале Конвенции 1992 г., представляющей собой рамочный договор, отмечено осознание ее участниками того факта, что «охрана и использование трансграничных водотоков и международных озер являются важными и неотложными задачами, эффективное решение которых может быть обеспечено только путем тесного сотрудничества» (преамбула). Акцентируется внимание на признании роли ЕЭК ООН в содействии международному сотрудничеству в рассматриваемой области, а также содержится напоминание о ряде принятых ею рекомендательных актов, включая Принципы сотрудничества в области трансграничных вод. Отдельная статья Конвенции (ст. 9) посвящена двустороннему и многостороннему сотрудничеству прибрежных государств, оформляемому посредством заключения соответствующих соглашений и договоренностей, которые, в свою очередь, «должны предусматривать учреждение совместных органов» (п. 2 ст. 9).

Два вышеупомянутых протокола к Конвенции 1992 г. дополняют установленный ею правовой режим. В частности, Протокол по проблемам воды и здоровья 1999 г. призван содействовать охране здоровья и благополучия человека путем совершенствования управления водохозяйственной деятельностью, включая охрану водных экосистем. Одна из его особенностей в том, что он вводит социальную составляющую в сотрудничество по управлению водными ресурсами, акцентируя внимание на необходимости увязывания социально-экономического развития с охраной природных экосистем. Что касается Протокола о гражданской ответственности и компенсации за ущерб, причиненный трансграничным воздействием промышленных аварий на трансграничные воды, 2003 г., его основное предназначение — установление режима возмещения экологического вреда в результате аварийного загрязнения трансграничных пресных вод.

Оба протокола по аналогии с Конвенцией 1992 г. предусматривают возможность участия в них помимо суверенных государств также региональных организаций экономической интеграции и, что весьма важно, исходят из понимания сотрудничества как предпосылки (предварительного условия) устойчивого использования трансграничного водотока. Дифференцируя масштаб обязательств, фиксируемых для региональных организаций экономической интеграции в зависимости от того, являются ли их государства-члены участниками рассматриваемых протоколов, оба протокола устанавливают определенные критерии и процедуры для таких организаций с целью получения ими статуса стороны. Так, подписавшие региональные организации экономической интеграции могут ратифицировать, принять или утвердить каждый из двух протоколов, в то время как любые иные организации могут присоединиться к ним.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ И РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В ходе исследования международно-правовой регламентации сотрудничества государств и международных организаций в сфере охраны и рационального использования водных ресурсов представляется целесообразным обратить внимание еще на один регион, непосредственное отношение к которому имеет наша страна — постсоветский, и, в частности, обозначить результаты правотворческих усилий, предпринятых участниками двух межгосударственных объединений — СНГ и ЕАЭС (до 1 января 2015 г. — ЕврАзЭС) — в рассматриваемой области.

Необходимо отметить высокую сегодня степень разработанности нормативно-правовой базы СНГ в сфере рационального использования и охраны трансграничных водных объектов. В числе наиболее значимых договорных источников — Соглашение об основных принципах взаимодействия в области рационального использования и охраны трансграничных водных объектов 1998 г. [24] (заключено в Москве, вступило в силу, в том числе для Республики Беларусь, в 2002 г.), а также новый базовый природоохранный договор СНГ — Соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды государств — участников СНГ 2013 г. [25] (заключено в Минске, вступило в силу, в том числе для Республики Беларусь, в 2014 г.).

Оба соглашения исходят из принципов сотрудничества и взаимодействия в сфере охраны окружающей среды, включая охрану и использование водных ресурсов (см. преамбулу Соглашения 1998 г., а также ст. 1 Соглашения 2013 г.). Однако данное сотрудничество (взаимодействие) с точки зрения круга вовлеченных в него субъектов трактуется в обоих договорах весьма узко, а именно как сотрудничество (взаимодействие) исключительно государств-участников соответствующих соглашений. К сожалению, ни о какой роли (вкладе, участии) международных организаций, ни о каком сотрудничестве (взаимодействии) государств с международными организациями в рассматриваемой области речь в соглашениях не идет. Единственное упоминание о международных организациях содержится в Положении о Межгосударственном экологическом совете государств — участников СНГ, являющемся приложением к Соглашению 2013 г. В соответствии с п. 6 разд. IV Положения представители межгосударственных объединений и международных организаций могут в качестве наблюдателей принимать участие в заседаниях Межгосударственного экологического совета с согласия его членов. Кроме того, согласно п. 1 разд. V Положения Секретариат Межгосударственного экологического совета обеспечивает последнего необходимой информацией о деятельности международных организаций.

Глава 27 Особенной части Модельного экологического кодекса для государств — участников СНГ [17], принятого на 29-м пленарном заседании Меж-

парламентской Ассамблеи государств — участников СНГ в 2007 г. и имеющего статус международного договора государства, посвящена международному сотрудничеству в экологической сфере. Как предусмотрено одной из трех статей, содержащихся в упомянутой главе (ст. 131), «государство осуществляет международное сотрудничество в экологической сфере в соответствии с общепринятыми принципами и нормами международного права, а также международными конвенциями и договорами...», «оказывает содействие созданию международной системы коллективной экологической безопасности».

Аналогичную по своей целевой направленности главу содержит Модельный водный кодекс для государств — участников СНГ [14], принятый на 27-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ в 2006 г. Данная глава (гл. 8), состоящая всего из одной статьи, посвящена основным направлениям международного сотрудничества в области использования и охраны трансграничных водных объектов и предусматривает, среди прочего, взаимодействие с организациями, которые могут предоставить техническую и финансовую помощь для оказания содействия улучшению экологического состояния трансграничных водных объектов.

Модельный закон «О стратегической экологической оценке» [16] (принят на 36-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ в 2011 г.), призванный содействовать внедрению этой новой высокоуровневой процедуры в государствах — участниках СНГ, акцентирует внимание на важности международного сотрудничества и партнерства в данной сфере (п. 5.2 ст. 5), а также содержит отдельную статью (ст. 8), посвященную международному сотрудничеству. В тексте статьи указано, что проведение стратегической экологической оценки является важным направлением международного сотрудничества государства (п. 8.1), отмечена необходимость уделять особое внимание развитию международного сотрудничества и партнерства в вопросах проведения названной процедуры в ходе реализации проектов и программ развития приграничных территорий (п. 8.2), а также закреплена такая значимая функция государства, как участие в создании и постоянной поддержке соответствующей международной информационно-аналитической базы данных.

В Модельном законе «О рациональном использовании и охране трансграничных вод (водных объектов)» [15] (принят на 40-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ в 2014 г.), регулирующем отношения в соответствующей области в интересах устойчивого развития государств — участников СНГ, как и в ряде других рассмотренных выше модельных актов, присутствует отдельная глава, посвященная между-

Международное публичное, международное частное и европейское право

народному сотрудничеству (гл. 9). Вместе с тем особенностью этого документа в сравнении со многими другими модельными актами является то, что в нем непосредственно прописано участие международных организаций в осуществлении бассейнового управления в рассматриваемой сфере. В частности, как предусмотрено п. 3 ст. 6 данного Модельного закона, «межгосударственное бассейновое водохозяйственное управление может осуществляться путем создания международных межправительственных организаций (объединений), которые обладают наднациональными полномочиями...». При этом такие организации могут включать в себя представителей внутригосударственных бассейновых водохозяйственных управлений (п. 4 ст. 6) и в случае их (т. е. организаций) учреждения выполняют координирующие функции в отношении внутригосударственных бассейновых водохозяйственных управлений в объеме и порядке, установленных международными договорами (п. 7 ст. 6).

Модельный закон предусмотрел возможность привлечения государствами средств международных организаций для обеспечения «сотрудничества с сопредельными странами в области унификации нормативно-правовой базы, создания единых систем мониторинга, разработки и реализации совместных программ охраны и восстановления трансграничных вод (водных объектов) и связанных с ними экологических систем», а также обратил внимание на целесообразность создания международных бассейновых организаций (объединений)

по управлению трансграничными водами (водными объектами) в интересах совместной реализации ратифицированных государством соглашений в данной сфере (ст. 30).

В рамках другого межгосударственного объединения постсоветских стран — ЕАЭС — соответствующие усилия по формированию правовой базы сотрудничества в области рационального использования и охраны водных ресурсов оказались куда «скромнее» по сравнению с СНГ. Единственным на сегодняшний день источником, напрямую затрагивающим рассматриваемые вопросы, является типовый проект законодательного акта «Об охране и использовании трансграничных водотоков и международных озер» [27], принятый Межпарламентской Ассамблеей государств — участников ЕврАзЭС в 2012 г. и направленный в парламенты государств-членов с целью его последующего использования при разработке соответствующих актов национального законодательства. Вместе с тем какую-либо самостоятельную ценность данный документ, к сожалению, не представляет, ибо является почти дословно переписанной Конвенцией по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 г. В частности, сопоставление текстов обоих документов обнаруживает их совпадение (дублирование) почти на 100 процентов, в связи с чем возникает вполне резонный вопрос: кому и для чего вообще нужна подобная типовая законодательная деятельность, лишенная какой бы то ни было самостоятельности?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно констатировать, что современное правовое регулирование международного сотрудничества в области охраны и рационального использования водных ресурсов характеризуется множественностью нормативных правовых актов, принятых на международном уровне. Регламентация сугубо межгосударственного взаимодействия в рассматриваемой области все еще остается доминирующей, значительно опережая водоохранное сотрудничество международных организаций и государств. Это вполне объяснимо: пресноводные ресурсы принадлежат государствам, являются их собственностью, в то время как международные организации — лишь один из способов (механизмов, форм) межгосударственного сотрудничества в сфере охраны и использования вод. Однако подобное положение дел — признак отсутствия пока еще системного (комплексного) подхода в нормативном закреплении сотрудничества государств и международных организаций в водоохранной сфере.

Сопоставление друг с другом различных международных инструментов, затрагивающих сотрудничество международных организаций и государств, как специально посвященных водным ресурсам, так и касающихся данной проблематики лишь отчасти, позволяет сделать вывод о существовании в настоящее время широкого круга актов, отличающихся друг от друга и по форме, и по содержанию, и по юридической силе. Среди них ключевое место

занимают акты договорного происхождения (договоры, конвенции, соглашения), что, тем не менее, ни в коей мере не умаляет авторитета и значения соответствующих рекомендательных инструментов (декларации, хартии, правила, итоговые документы, программы действий, планы выполнения решений, модельное законодательство). Значимая роль последних заключается в том, что они во многих случаях обеспечивают предварительное, «доправовое» регулирование, а также нередко упрощают последующую разработку международных договоров.

Несмотря на достаточно высокую степень разработанности нормативно-правовой базы СНГ в сфере рационального использования и охраны трансграничных водных объектов, уровень правовой регламентации взаимодействия государств и международных организаций в данной сфере на постсоветском пространстве по-прежнему остается весьма низким. С одной стороны, основополагающие нормативные документы СНГ (соглашения, акты модельного законодательства) опираются на принципы сотрудничества и взаимодействия в сфере охраны окружающей среды, включая охрану и использование водных ресурсов. Однако, с другой, данное сотрудничество (взаимодействие) с точки зрения круга вовлеченных в него субъектов трактуется весьма узко, а именно как исключительно межгосударственное. К сожалению, ни о какой роли (вкладе, участии) международных организаций,

ни о каком сотрудничестве (взаимодействии) государств с международными организациями в рассматриваемой области даже не упоминается.

Таким образом, можно сделать вывод, что для достижения ранее согласованных в рамках ООН целей Международного десятилетия действий «Вода для жизни» необходимо дальнейшее развитие международного сотрудничества на всех уровнях, вклю-

чая уровень взаимодействия государств и международных организаций. Только объединив усилия различных участников международного общения, лишь при условии принятия согласованных мер всеми заинтересованными в этом субъектами можно добиться того, чтобы завершающееся в 2015 г. Десятилетие в отношении водных ресурсов действительно стало десятилетием действий.

Библиографические ссылки

1. Будущее, которого мы хотим : док. ООН A/RES/66/288 [Электронный ресурс] // Орг. Объед. Наций. URL : <<http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/66/288>> (дата обращения : 17.05.2015).
2. *Валеев Р. М.* Охрана пресноводных ресурсов Земли в нормах международного экологического права // Междунар. эколог. право : учебник / Т. Г. Авдеева [и др.] ; отв. ред. Р. М. Валеев [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2015.
3. Всемирная хартия природы [Электронный ресурс] // Орг. Объед. Наций. URL : <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/charter_for_nature.shtml> (дата обращения : 16.05.2015).
4. *Данилов-Данильян В. И.* Водные ресурсы мира и перспективы водохозяйственного комплекса России. М. : Тип. ЛЕВКО ; Ин-т устойчивого развития ; Центр экологической политики России, 2009.
5. Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды [Электронный ресурс] // Орг. Объед. Наций. URL : <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml> (дата обращения : 16.05.2015).
6. Йоханесбургская декларация по устойчивому развитию Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию [Электронный ресурс] // Орг. Объед. Наций. URL : <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_wssd.shtml> (дата обращения : 16.05.2015).
7. Компендиум международных договоров, норм и стандартов. ЕЭК ООН. 2007 год [Электронный ресурс] // UNECE. URL : <http://www.unece.org/fileadmin/DAM/leginstr/UNECE_Legal_instruments_R.pdf> (дата обращения : 29.05.2015).
8. Конвенция Организации Объединенных Наций о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве мест обитания водоплавающих птиц [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2015.
9. Конвенция Организации Объединенных Наций о праве несудоходных видов использования международных водотоков [Электронный ресурс] // Орг. Объед. Наций. URL : <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml> (дата обращения : 20.05.2015).
10. Конвенция Организации Объединенных Наций по борьбе с опустыниванием в тех странах, которые испытывают серьезную засуху и/или опустынивание, особенно в Африке [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2015.
11. Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер [Электронный ресурс] // Орг. Объед. Наций. URL : <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml> (дата обращения : 21.05.2015).
12. *Копылов М. Н.* К вопросу об эффективности норм «мягкого» международного экологического права // Междунар. публичное и частное право. 2007. № 3. С. 17–21.
13. *Миннекаева Д. Р.* «Повестка дня на XXI век» – путь к устойчивому развитию. Теоретические основы перспективной программы Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] // Ун-т управления «ТИСБИ». URL : <<http://old.tisbi.org/science/vestnik/2003/issue4/U3.html>> (дата обращения : 17.05.2015).
14. Модельный Водный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] // Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. URL : <<http://www.iaicis.ru/upload/iblock/c44/199.pdf>> (дата обращения : 31.05.2015).
15. Модельный закон «О рациональном использовании и охране трансграничных вод (водных объектов)» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2015.
16. Модельный закон «О стратегической экологической оценке» [Электронный ресурс] // Исполнительный комитет СНГ. URL : <<http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=3051>> (дата обращения : 31.05.2015).
17. Модельный Экологический кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств (Особенная часть) [Электронный ресурс] // Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. URL : <<http://www.iaicis.ru/upload/iblock/120/215.pdf>> (дата обращения : 31.05.2015).
18. План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию [Электронный ресурс] // Орг. Объед. Наций. URL : <http://www.un.org/russian/conferen/wssd/docs/plan_wssd.pdf> (дата обращения : 16.05.2015).
19. Повестка дня на XXI век [Электронный ресурс] // Орг. Объед. Наций. URL : <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml> (дата обращения : 15.05.2015).
20. Программа действий по дальнейшему осуществлению Повестки дня на XXI век [Электронный ресурс] // Орг. Объед. Наций. URL : <<http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N97/774/75/PDF/N9777475.pdf?OpenElement>> (дата обращения : 15.05.2015).

21. Проекты статей по праву трансграничных водоносных горизонтов. Доклад Комиссии международного права. Шестидесятая сессия : док. ООН А/63/10 [Электронный ресурс] // Орг. Объед. Наций. URL : <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/transboundary_aquifers.pdf> (дата обращения : 30.05.2015).
22. Протокол о гражданской ответственности и компенсации за ущерб, причиненный трансграничным воздействием промышленных аварий на трансграничные воды, к Конвенции 1992 года по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер и к Конвенции 1992 года о трансграничном воздействии промышленных аварий [Электронный ресурс] // Орг. Объед. Наций. URL : <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/27_16r.pdf> (дата обращения : 22.05.2015).
23. Протокол по проблемам воды и здоровья к Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер от 17 марта 1992 года, принятый в Лондоне 17 июня 1999 года [Электронный ресурс] // Орг. Объед. Наций. URL : <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/27-5a-ru.pdf> (дата обращения : 22.05.2015).
24. Соглашение об основных принципах взаимодействия в области рационального использования и охраны трансграничных водных объектов [Электронный ресурс] // Исполнительный комитет СНГ. URL : <<http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#text>> (дата обращения : 30.05.2015).
25. Соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды государств – участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] // Исполнительный комитет СНГ. URL : <<http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=3874>> (дата обращения : 30.05.2015).
26. Солнцев А. М. От конфликта к сотрудничеству: российско-китайские отношения в области управления водными ресурсами // Междунар. право = International law. 2009. № 1. С. 246–261.
27. Типовой проект законодательного акта «Об охране и использовании трансграничных водотоков и международных озер» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2015.
28. Трансграничное водное сотрудничество в новых независимых государствах. Проект ЕЭК ООН, Европейского регионального офиса ЮНЕП, М-ва природных ресурсов Рос. Федерации, Шведского агентства охраны окружающей среды и Агентства экологических оценок «ЭКОТЕРРА» [Электронный ресурс] // UNECE. URL : <http://www.unece.org/env/water/documents/transbwatcoopnis_fin_r.doc> (дата обращения : 27.05.2015).
29. Управление трансграничными водными ресурсами. Доклад о развитии человека Программы развития Организации Объединенных Наций – 2006 [Электронный ресурс] // Орг. Объед. Наций. URL : <http://www.un.org/russian/esa/hdr/2006/hdr2006_ch6.pdf> (дата обращения : 28.05.2015).
30. Эюбов Э. Я. От Хельсинкских правил до Конвенции ООН о праве несудоходного использования международных водотоков 1997 г. // Моск. журн. междунар. права. 2009. № 2. С. 186–195.
31. Amendments to Articles 25 and 26 of the Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes, Madrid, 28 November 2003: Status of Treaty [Electronic resource] // United Nations Treaty Collection. URL : <https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXVII-5-b&chapter=27&lang=en> (date of access : 23.05.2015).
32. Berlin rules on water resources (2004) [Electronic resource] // CAWATERinfo. URL : <http://www.cawater-info.net/library/eng/l/berlin_rules.pdf> (date of access : 25.05.2015).
33. Convention on the Law of the Non-Navigational Uses of International Watercourses, New York, 21 May 1997: Status of Treaty [Electronic resource] // United Nations Treaty Collection. URL : <https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXVII-12&chapter=27&lang=en> (date of access : 23.05.2015).
34. The Helsinki rules on the uses of the waters of international rivers (1966) [Electronic resource] // UNESCO. URL : <http://webworld.unesco.org/water/wwap/pccp/cd/pdf/educational_tools/course_modules/reference_documents/internationalregionconventions/helsinkirules.pdf> (date of access : 25.05.2015).

Статья поступила в редакцию в июне 2015 г.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Арсентьева М. Ф. Зарубежная педагогика: к вопросу о креативности в обучении иностранному языку

Дубинко С. А. Лингвокультурологические и методические аспекты языковой подготовки студентов-международников в сфере профессиональной коммуникации (английский язык экономических специальностей)

Ивашкевич И. Н. К проблеме метафорического моделирования специального знания

АВТОРЫ

Арсентьева Мария Федоровна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой германских языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Дубинко Светлана Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка экономических специальностей факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Ивашкевич Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка гуманитарных специальностей факультета международных отношений Белорусского государственного университета

ЗАРУБЕЖНАЯ ПЕДАГОГИКА: К ВОПРОСУ О КРЕАТИВНОСТИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

М. Ф. Арсентьева

Анализируется влияние лингвистического аспекта на успешность как бизнес-переговоров, так и его влияние в сфере массмедиа. Коммуникативные неудачи рассматриваются как один из элементов общественно-политического дискурса. Устанавливаются факторы, влияющие на эффективность межкультурной коммуникации, среди которых особо выделяется феномен доверия. Предлагается конкретная схема установления партнерского доверия, описываются возникающие при этом трудности.

The impact of linguistic aspect on success in business negotiations as well as its influence on mass-media is analyzed in the article. Communication failures are considered as one the elements of social and political discourse. Factors influencing the effectiveness of cross-cultural communication including particularly standing out phenomenon of trust are defined. The specific scheme of partner trust maintenance is proposed. Difficulties arising in this process are described.

Ключевые слова: коммуникативная неудача; общественно-политический дискурс; партнерское доверие; межкультурная коммуникация; языковые барьеры.

Keywords: communication failures; social and political discourse; trust in partnership; cross-cultural communication; linguistic barriers.

Успех обучения в значительной мере зависит от форм работы и принципов, которые лежат в основе организации и управления этим процессом. Организация и управление обучением представляют собой не столько последовательное решение методических проблем по усвоению языкового учебного материала, сколько организацию и управление взаимоотношениями между субъектами этого процесса в ходе совместной работы над учебным материалом. Но выбор и применение технологий обучения являются делом преподавателя, поскольку они определяются во многом конкретной ситуацией обучения. Управлять обучением означает не руководить, не вести процесс по жесткому плану, а воздействовать на студентов.

Творчество и стандартизация – это противоречие или взаимодополнение? Цель данной публикации – рассмотреть эти понятия, используя зарубежный опыт, выявить факторы оптимального формирования креативности в процессе обучения иностранному языку. В статье большое внимание уделяется формам творческой работы на уроке иностранного языка. При этом зарубежные ученые исходят из того, что именно творческий подход в процессе преподавания языка способствует качественному усвоению иностранного языка. Частично нетрадиционные задания, ориентированные на студентов, мотивируют их к активному участию в альтернативных формах работы.

Общепринятое определение термина «творчество» доступно еще не всем, однако многие зарубежные ученые описывают аспекты, раскрывающие данное понятие. К аспектам, касающимся преподавания иностранного языка, можно отнести, например, способность человека создавать из известного что-то новое [3, s. 308]. Одним из рамочных условий для развития творчества является то, что обучение иностранному языку рассматривается как процесс, в котором задействован весь человек, а не только его когнитивные способности. Таким образом, для творческого обучения и учебного процесса необходимы учебные ситуации, которые развивают

у студентов навыки открытого, личностно ориентированного и прежде всего нацеленного на конкретные действия совместного обучения. Обучение иностранному языку в вузе или на курсах – это общение и применение знаний в повседневной жизни и помощь студентам ориентироваться в окружающей среде. На практических занятиях студенты получают возможность приобретать такие навыки и способности, которые им необходимы для того, чтобы общаться должным образом в повседневных коммуникативных ситуациях.

Креативность (творчество) может быть определено как индивидуальный потенциал в процессе обучения людей, что позволяет обучающемуся открыть самостоятельно или сообщая что-то новое и исследовать новые пути решения проблемы на занятиях. Поэтому творческие уроки иностранного языка должны включать открытые, ориентированные на обучение и требующие коммуникативно-деятельностного подхода задачи, при которых поощряется инициатива и воображение, взаимодействие, спонтанность, решение стратегических проблем, опыт, а также эмоции, эстетика, индивидуальность и т. д. Это должны быть задания, у которых есть множество различных решений. Однако манеры проведения занятия имеют свои подходы в разных образовательных системах.

Необходимо подчеркнуть, что в официальных документах, на которые опирается европейская система обучения, заложена основа творческого развития. Один из таких документов – «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка», изданный Департаментом по языковой политике Совета Европы в 2001 г., где на первый план выдвигается ориентированно-деятельностный подход [6, s. 21]. Он определяет рамочные условия для целей, содержания и методов обучения иностранному языку и рекомендует проводить языковые занятия в соответствии с их содержанием, учебными планами и сертификацией во всех европейских вузах. Это действительно содействует дальнейшему развитию сотрудничества.

Межкультурная коммуникация и обучение иностранным языкам

Но необходимо учитывать следующий момент. С одной стороны, рекомендации и предложения этого документа должны быть строго соблюдены. А с другой стороны, в нем заложена основа для развития творческих компетенций (способностей) студентов при поддержке их креативности на занятиях по иностранному языку. К ним относятся спонтанность, оригинальность, изобретательность и личный вкус студентов, с которыми тесно связано творческое обучение [12, s. 27].

Часто без внимания остается тот факт, что общеевропейские рамочные компетенции это всего лишь предложения по организации занятий по иностранному языку. Этот документ необходимо рассматривать как «открытый, динамичный и не догматический, который призывает обучающихся ставить под сомнение непроверенные предположения о преподавании языка, которые рассматриваются в профессиональной деятельности как традиционные» [6, s. 29]. Он предлагает адаптировать учебный материал с точки зрения активного и творческого преподавания немецкого языка. В этой связи существует фундаментальный методологический принцип Европейского совета использования таких методов, которые считаются наиболее эффективными для преподавания, обучения и изучения языков.

Так как современные языки преподаются и изучаются по-разному, то задача данного документа не пропаганда того или иного метода преподавания иностранных языков, а предложение различных вариантов подачи учебного материала [5, s. 140].

Следующим важным документом в преподавании иностранного языка является «Рамочный план: немецкий язык как иностранный для зарубежных студентов». Данный документ учитывает социальные и экономические прогнозы государства, а также потребности студентов. Но одно очевидно: в связи с экономическими изменениями в Европе спрос на высококвалифицированных специалистов постоянно растет. Креативность и готовность к инновациям стали ключевыми требованиями в подготовке персонала, владеющего языковыми навыками на высоком уровне.

На протяжении многих десятилетий главными критериями, предъявляемыми к преподавательскому составу, были готовность строго выполнять заказ государства и готовить соответствующих специалистов. В то время речь не шла еще о творческом подходе и оригинальности представления результатов работы. Теперь же сотрудники должны работать творчески и инновационно [1, s. 75].

В 2010 г. в Федеративной Республике Германия активно шла дискуссия о современных образовательных стандартах, ориентированных на формирование компетенций на занятиях по иностранному языку. Так, Л. Кох предлагает больше внимания в процессе обучения уделять креативности и творческому подходу: «Существует недостаток фантазии (воображения) и интереса к познанию как к инструменту решения проблем. В учебном процессе игнорируется воображение, хотя оно всегда имеет место при творческом подходе к решению проблем» [9, s. 327].

Следовательно, здесь Л. Кох выступает за такое занятие, которое открывает обучающимся возмож-

ность исследовательского обучения, где они, сталкиваясь с проблемами, могут попытаться разрешить их самостоятельно.

Критика по отношению к содержанию компетенций и стандартизации учебных планов имеет место не только в Германии и Европе, но и в других странах, например в США. В 2010 г. было проведено исследование под названием «Кризис творчества», опубликованное американским журналом «Newsweek». Результаты показали, что американские студенты уже не способны найти гибкий и творческий подход к решению задач и проблем в аудитории. Авторы приводят несколько причин такого негативного тренда. Основную причину, очевидно, необходимо искать в школьном образовании. Другая причина заключается в отсутствии развития творческого потенциала. В самом деле нет согласованных усилий по содействию в развитии творчества всех обучающихся [2].

Американская система образования ориентируется все больше на стандартизированный учебный план и стандартизованные национальные тесты, а не на индивидуальную поддержку каждого в отдельности учащегося. Но, как это ни парадоксально, американское общество желает развивать творческое мышление учащихся и внедрять творческие формы работы в процесс обучения, но не готово еще это делать. По данным американских преподавателей не остается времени для творческого подхода в обучении. Критичной остается ситуация с часами по музыкальному образованию, во многих школах их количество резко сокращается.

И все же есть американские ученые, которые используют многочисленные творческие формы занятий. Примером служат американские ученые Б. Бронсон и А. Мериман, внедряющие проектно-ориентированное обучение. Они выделяют следующие фазы проектной деятельности [2, s. 21]:

- анализ фактов: с какими темами, содержанием имеют дело студенты;
- определение проблемы: какие проблемы необходимо решить;
- развитие идей о том, как поступать в будущем: какие есть возможности;
- разработка плана действий: что должно быть сделано и кем? Какая помощь необходима;
- поиск возможных решений: какое решение выбрали студенты.

Эти фазы во многих аспектах совпадают с распространенными на территории Германии моделями [4]. По мнению немецких ученых В. Эмер, К. Ленцен, проекты должны пройти следующие этапы:

- 1) инициатива провести проект;
- 2) наброски проекта;
- 3) проект плана;
- 4) проведение проекта, в том числе организационный обмен, адаптация плана, рефлексия работы в группах;
- 5) завершение проекта, состоящего из фазы презентаций (представление продукта), фазы оценивания (оценка продукта и процесса), фазы продолжения (документация и, возможно, продолжение проекта).

Таким образом, в последнее время проектно-ориентированное обучение рассматривается как важный компонент ориентированного на учащегося обучения как в американской, так и европейской системах образования.

Авторы полагают, что в таком проектно-ориентированном обучении роль учителя должна измениться: он должен выполнять функцию консультанта обучения. Если преподаватели принимают интересные для студентов решения, поддерживают их точку зрения, владеют новыми креативными методиками преподавания, то такие занятия имеют положительный результат [2].

Похожей точки зрения придерживается нейробиолог Д. Хютер из г. Гёттинген [10, s. 30].

При проектно-ориентированном обучении также необходимо учитывать типы учащихся, множественный интеллект и его влияние на проведение занятия.

Занятие по иностранному языку, ориентированное на различные типы учащихся, предполагает, что оно должно учитывать неоднородность обучающихся. По крайней мере, с 1970 года существует теория о разных типах учащихся, а именно по виду восприятия (слуховой, зрительный, кинестетический) или по типу действия (когнитивно-абстрактный, коммуникативно-кооперативный).

Г. Гарднер в 1980-х гг. разработал теорию о так называемых множественных интеллектах, но только в последние годы она стала приобретать должное значение в области методики и дидактики преподавания иностранного языка. Х. Пучта, В. Кренн и М. Ринфолукри [11] рассматривают семь форм интеллекта следующим образом:

1) внутриличностный интеллект, который предполагает знание о себе, саморегуляции и самоконтроле;

2) межличностный интеллект, где в центре внимания стоит умение общаться с другими людьми;

3) логико-математический интеллект, для которого характерно научное, аналитическое мышление и умение решения проблем;

4) лингвистический интеллект, который предусматривает способность размышлять о языке через взаимоотношения между формой и содержанием речи;

5) музыкальный интеллект, в центре которого находятся ритм, звук, высота звука, громкость и т. д.;

6) пространственный интеллект, для которого характерно пространственное мышление, а также представление очень больших структур и небольших закрытых пространств;

7) кинестетически-физический интеллект, который позволяет использовать свое собственное тело многосторонне и со смыслом.

Занятия по обучению языку, предусматривающие творческие формы работы и принцип ориентации на действие, позволяют каждому отдельному интеллекту реализовать себя и выучить язык благодаря своему стилю обучения.

Зарубежные ученые развивают творческую работу по недельному планированию, обучению с помощью «станций», проектно-ориентированному обучению, сценической игре, а также используют в учебном процессе небольшие творческие упражнения.

Наряду с проектно-ориентированным обучением большое внимание уделяется разработке междисциплинарных уроков, выполняющих функцию моста между преподавателями иностранного языка и соответствующими преподавателями-предметниками [14, s. 11].

Б. Хуфайзен и М. Лютехармс предприняли попытку разработать модель единого междисциплинарного учебного плана преподавания иностранного языка, проводя не только конференции соответствующих студенческих органов или ведомств иностранных языков вузов, но и большую подготовку преподавателей-предметников. Они отметили тот факт, что язык является не только субъектом, но и средством для общения, обсуждения и решения проблем [7, s. 14].

Примерами междисциплинарного обучения может быть работа Й. Бисхоффа «Менделеев встречает Майера». В ней он описал творческое междисциплинарное преподавание химии. Ф. Мюллер показал в своей статье «Карриатура на занятии по иностранному языку», как творческие уроки могут быть реализованы в самых трудных для преподавания предметах, таких как история.

Б. Хуфайзен предлагает преподавателям ввести новый дополнительный предмет «Межкультурные исследования», в рамках которого можно было бы изучать такие темы, как литература, культура, политический и экономический мир [8, s. 274].

Р. Викке подчеркнул важность метода работы с иностранной художественной литературой, который до сих пор практически не рассматривался ни в текущих учебных планах, ни в образовательных стандартах, ни в моделях обучения. А творческие, интерактивные, ориентированные на учащихся занятия по иностранному языку ни в коем случае не должны отказываться от использования литературных текстов на занятии [15].

Ч. Юнал признал, что работа с художественной литературой способствует развитию творчества и языкового сознания. Так, литературные тексты на иностранном языке включают в себя потенциал креативного применения и расширения уже полученных знаний. Предпосылкой для эффективного использования этих текстов является неприкосновенность литературного произведения. Поэтому традиционная интерпретация текста должна быть заменена на другие формы работы [13, s. 34].

Новые эксперименты показывают, что обучающиеся работают с текстом не только рецептивно, но и творчески, то есть они сами активно изучают способы внедрения литературных текстов на занятиях. Используя уже накопленный опыт и предыдущие знания, студенты используют литературные тексты для выражения собственного мнения и представления своих собственных мыслей и чувств. Обучающиеся должны иметь возможность внести свой вклад в обсуждение текста и самостоятельно интерпретировать произведения.

Автор предлагает, работая с текстами, на разных этапах применять различные задания. Перед чтением: высказать мнение о главной идее в тексте на основе заголовка; составить свою историю (рассказ); составить упражнения, сконцентрировавшись

на языке мимики и жестов; отгадать профессии, чувства. Во время чтения: упорядочить части рассказа; выдвинуть гипотезу о дальнейшем сюжете; написать сочинение, рассказ; высказать свою точку зрения относительно происходящего; отгадать мысль, составить историю на основе картинок; изобразить что-то с помощью пантомимы; подготовить ролевую игру. После чтения рассказа: переделать текст или расширить его; переписать текст в форме стихотворения; написать аналогичный текст самому; написать письмо автору, герою рассказа и т. д.

Таким образом, внедряя литературные тексты, мы поддерживаем языковые способности, расширяем кругозор. Новый дидактический подход требует от преподавателя внесения изменений в работу с иноязычной литературой. В центре обучения не должна быть личная интерпретация произведения.

Преподаватели активно используют также игровые задания, стимулирующие интерес студентов, подталкивающие их к спонтанному говорению и разбавляющие монотонность учебных занятий.

Игра — это форма приятной и полезной деятельности, которая сплачивает учебную группу, создает в ней дружеские и одновременно деловые отношения.

При этом необходимо знать, что представляет собой каждый студент как личность. Это обязательное условие. Если переход к игре происходит эпизодически, то он обескураживает обучающихся, и игровое задание не дает положительного эффекта. С другой стороны, игровое задание может увести от цели — студенты делают то, что им приятно. Поэтому преподаватель должен соблюдать следующие правила:

- иногда делать то, что для обучающихся неожиданно, например задавать вопросы, шутить, не задевая никого;

- быть внимательным и благожелательным, не говорить «плохо», «неправильно», а поддерживать дисциплину косвенными замечаниями, например: «Извините, я отвлеку вас от разговора...», «Вы хотели сказать...».

При возникновении трудных ситуаций предлагаются следующие варианты поведения преподавателя:

1. Учащиеся не вступают в игру, так как стесняются и не верят в свои силы. Это бывает на начальном этапе работы с играми или при недостаточной подготовке преподавателя. Решение: преподавателю проиграть трудную роль самому, обеспечить список слов на доске, отослать студентов к диалогу-обrazцу.

2. Игра затягивается, поскольку участники не могут найти правильного решения. Решение: ввести дополнительные задания, подсказать ответ.

3. Игра затягивается из-за отсутствия налаженного взаимодействия. Решение: уточнить роли участников.

4. Игра переходит в конфликтную ситуацию: спор переходит в ссору. Решение: ликвидировать предмет спора, дать решение в готовом виде, ввести в игру новых участников, нейтрализующих участников конфликта.

5. Учащиеся не включаются в игру, а только симулируют игровую деятельность. Решение: переформулировать цели, сменить участников, заново сформулировать игровую установку.

Таким образом, в статье была предпринята попытка на основе зарубежных исследований выявить основные подходы к пониманию креативности (творчества) в иноязычном речевом общении и представить некоторые формы нестандартного ведения занятий.

Библиографические ссылки

1. Brater M., Freygart S., Rainer M. Was die Arbeitswelt und Berufsbildung von Künstlern lernen können. Bielefeld : Bertelsmann, 2011.
2. Bronson M., Merryman A. The Creativity Crisis — For the first Time, research shows that American creativity is declining. What went wrong — and how we can fix it. Amsterdam ; Niederlande, 2010.
3. Caspari D. Kreative Übungen // Handbuch Fremdsprachenunterricht / K. R. Bausch, H. Christ (Hrsg.). Tübingen ; Basel : Francke, 2003. S. 308–312.
4. Emer W. Projektunterricht gestalten — Schule verändern. Projektunterricht als Beitrag zur Schulunterricht. Baltmannsweiler : Schneider Verlag Hohengehren, 2002. S. 132.
5. Europarat: Gemeinsamer Europäischer Referenzrahmen für Sprachen. Straßburg : Langenscheidt, 2001.
6. Gemeinsamer europäischer Referenzrahmen für Sprachen: lernen, lehren, beurteilen / J. Trim [u.a.]. Berlin ; München ; Wien ; Zürich ; New York : Langenscheidt, 2001.
7. Hufeisen B., Lutjerharm M. Gesamtsprachencurriculum, Integrierte Sprachendidaktik, Common Curriculum. Tübingen : Narr, 2005.
8. Hufeisen B., Baut R., Hufeisen B. Gesamtsprachencurriculum: Überlegungen zu einem prototypischen Modell // Vieles ist sehr ähnlich / Baltmannsweiler. Schneider Verlag Hohengehren, 2011. S. 265–282.
9. Koch L. Kompetenz, Konstrukt zwischen Defizit und Anmaßung // Bildungsstandards auf dem Prüfstand / W. Böhm, U. Frost (Hrsg.). Paderborn : Schöningh, 2010. S. 323–331.
10. Kosog S. Interview mit Gerald Hüther // Das Magazin für Kindheit und Kulturen. Themenheft Schule, ja bitte. Aber anders. 2001. № 28. S. 28–30.
11. Puchta H., Krenn W., Rinvoluceri M. Multiple Intelligenzen im DaF-Unterricht. Hueber : Ismaning, 2009.
12. Schröder Ch., Wirth I. Kompetenzorientiert unterrichten. Praxis-Ratgeber. Berlin : Cornelsen-Verlag, 2012.
13. Ünal G. Die Arbeit mit Literatur im Fach Deutsch als Fremdsprache. Neue Ansätze mit Unterrichtsentwürfen. Ankara : HacettepeUniversitesi, 2010.
14. Wicke R., Rottmann K. Musik und Kunst im Unterricht Deutsch als Fremdsprache. Berlin : Cornelsen, 2013.
15. Wicke R. Unterricht gestalten — Unterricht entwickeln // Fremdsprache Deutsch. Themenheft Deutschunterricht gestalten — Beispiele der Unterrichtsentwicklung / Goethe-Institut (Hrsg.). 2010. № 5. S. 5–12.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ)

С. А. Дубинко

Рассматриваются некоторые актуальные вопросы языковой подготовки специалистов-международников в сфере профессиональной коммуникации с позиции компетентностного и коммуникативного подходов к обучению.

Изменения в современной образовательной парадигме, понимание социального заказа и адресный характер образовательного процесса в современном обществе означают изменение приоритетов в области языкового образования, перемещение акцента в сторону коммуникативного и социокультурного аспектов изучения языка, что делает необходимым переосмыслить цели и содержание обучения, разрабатывать новые методики и технологии.

The article considers some topical issues of language and professional language training of a specialist in the sphere of international relations from the position of competence and communication-oriented approaches.

The changes in the educational paradigm today, the social demand and the tasks of the student-oriented educational process in modern society result in shifting the priorities and focus of attention in the educational area towards communicative, social and cultural aspects, which makes it urgent to reconsider the aims as well as the content of education and to work out new methods and techniques.

Ключевые слова: аргументация; убеждение; эффективное коммуникативное поведение; неудачи и провалы в коммуникации; межкультурная коммуникация; компетенции.

Keywords: argumentation; persuasion; effective communicative behaviour; failures in communication; intercultural communication; competences.

Модель языковой подготовки специалистов-международников в сфере профессиональной коммуникации (экономические специальности) в новой парадигме современного образования включает ряд актуальных вопросов лингвокультурологического, делового и методического аспектов обучения.

Интерес к иностранным языкам и ориентация системы образования Республики Беларусь на сохранение и развитие своих ценностных ориентиров с учетом европейских общеобразовательных стандартов ставят актуальную задачу формирования у выпускников современного вуза навыков иноязычного общения в сфере профессиональной деятельности и подготовки специалистов в сфере профессиональной коммуникации. Возросший культурноносный потенциал иностранного языка ставит в процессе обучения языку для специальных целей задачу преодоления языкового и этнокультурного барьера между коммуникантами в ходе осуществления профессиональной деятельности, прогнозирования трудностей в общении и провалов в коммуникации. Актуальным в области подготовки специалистов-международников в сфере профессиональной деятельности является сегодня не только формирование навыков иноязычного общения, но и усвоение необходимого объема лингвистической, страноведческой, культурологической информации, формирование способности к интеркоммуникации с применением современных методов и технологий.

В последние годы в лингвострановедческом аспекте большое внимание уделяется анализу соотношения языка и культуры с учетом человеческого фактора, анализу личности как высшей ценности, ее замыслам и побуждениям, восприятию иноязычной культуры и изучаемого языка. Особенное

внимание уделяется изучению особенностей национального характера и национальных мыслительных и поведенческих стереотипов. Это особенно важно для будущих экономистов, поскольку их профессиональная деятельность тесно связана с межличностной коммуникацией.

Произошедшие в последние десятилетия изменения в характере образования ориентируют его на творческую инициативу, конкурентоспособность, мобильность будущего специалиста [3]. При этом отмечается, что в европейской и отечественной педагогике выделяется новый подход к образованию — компетентностный [4, с. 11].

Цель разрабатываемых кафедрой учебных программ нового поколения в контексте новой парадигмы современного образования — разработка лингвистических, дидактических и культурологических основ обучения языку и переводу специалистов в сфере их профессиональной деятельности, в частности в сфере международных экономических отношений, международного менеджмента и туризма, таможенного дела. В задачи учебных программ преподаваемых дисциплин входят: обобщение лингвистической информации для студентов-международников экономического профиля; использование этих навыков в профессиональной деятельности; подготовка студентов к использованию английского языка в профессиональной деятельности как орудия переводческой работы, как источника необходимой информации, как средства коммуникации с зарубежными партнерами; обучение студентов экономических специальностей переводу договоров, речей и различного рода документов в соответствии со сложившимися на базе того или иного языка культурными традициями и этикетом. Основу разработанной модели обучения английскому языку специалистов-международников составляют

Межкультурная коммуникация и обучение иностранным языкам

коммуникативный, личностно ориентированный и кросс-культурологический подходы в обучении иностранным языкам. При этом основное внимание уделяется изучению и практическому применению данных о лингвистических и культурологических аспектах обучения профессионально ориентированной речи на английском языке студентов-международников отделений экономических специальностей. Полученные результаты интегрированы в общий научно-педагогический процесс обучения и нашли также отражение в учебно-методических комплексах по преподаванию базового английского языка и языка специальности, создав, таким образом, научно-методическую основу для системной языковой подготовки студента-международника в сфере международных экономических отношений. Важные составляющие разработанного интегрированного курса обучения — модульная организация учебного процесса и оценка знаний студентов, дальнейшее продвижение инновации и информационных технологий в систему обучения иноязычной речи. В первую очередь преподавательский состав кафедры направил научно-исследовательский поиск на возможности раскрытия новых потенциальных возможностей в обучении не только языку специальности, но и на обучение специальности на языке, так как требования к современному специалисту-международнику предусматривают свободное владение иностранным языком в сфере своей профессиональной деятельности, составление договоров и речей, деловой документации, ведение переговоров, умение вести деловое общение на иностранном языке со знанием не только языковых, но и культурологических особенностей носителей языка.

Учебные материалы, используемые в учебном процессе, разработаны на основе модульной технологии, которая содержит необходимый учебный материал, обеспечивающий возможность гибкой организации как аудиторной, так и самостоятельной работы. Преподавателю предоставляется возможность использовать его полностью или выбирать фрагменты в соответствии с образовательными потребностями. Модульная организация учебного пособия позволила изменить порядок прохождения разделов, а также создать мини-курсы по определенной тематике, что помогает формировать у студентов иноязычную коммуникативную компетентность и максимально полно удовлетворять потребностям обучаемых, способствовать их профессиональному самоутверждению и предоставлять возможности для самореализации. Каждый элемент модуля, комплексно и последовательно раскрывая поставленную проблему, в то же время дает возможность представлять самостоятельное законченное изложение конкретного вопроса по определенной теме, в связи с чем возможен различный порядок изучения элементов модуля в зависимости от стоящих перед студентом задач, степени его компетенции и будущей профессии. На кафедре создано несколько модулей по аспекту: «Речевая коммуникация», «Деловое общение», «Теория и практика перевода».

Концепция модульного обучения предусматривает комбинированный формат овладения студентами иноязычной компетенцией благодаря сочета-

нию контактного (в рамках аудиторных занятий) и дистантного обучения (управляемого самостоятельного выполнения студентами разных видов заданий). Особого внимания заслуживает изучение возможностей организации дистанционного обучения, что позволяет расширить образовательные возможности, компенсировать недостаток аудиторного времени, активнее и эффективнее использовать объем часов, отводимых на самостоятельную работу студентов. Согласно данной концепции каждый учебный модуль включает базовые модули, предполагающие аудиторные групповые занятия, включенные модули, предназначенные для планируемой самостоятельной работы, и контрольно-оценочный модуль, который завершает каждый семестр.

Принципиально важным является обучение навыкам эффективного языкового и коммуникативного поведения в сфере общезыковой и профессиональной языковой подготовки студентов. Для отработки умения вести аргументированную дискуссию практикуется проведение занятий в виде конференций, круглых столов, проблемных дискуссий. Большое внимание уделяется учебной практике как составной части учебного процесса, направленной на закрепление теоретических знаний, полученных студентами в ходе обучения, приобретение и совершенствование практических навыков и умений по избранной специальности, что помогает развитию у студентов профессионального мастерства, навыков самостоятельной работы. Формы проведения учебных занятий и языковой практики постоянно обновляются и совершенствуются. Новое наполнение приобретают разработанные проекты «Culture and Business», «Promoting Belarus», «Интеграционные процессы в таможенном деле», в которых студенты совершенствуют свои профессиональные навыки, необходимые для работы в сфере экономики, туризма, таможенного дела. Методика обучения языку специальности в парадигме современного образования предусматривает эффективное использование проектных технологий в учебном процессе. Эффективность их использования предполагает четкую организацию поэтапной работы и выполнение следующих видов заданий: подбор соответствующей литературы (в группах и/или индивидуально), составление глоссария по данной тематике, формулирование актуальных проблем исследования в области мировой экономики и международных экономических отношений, подготовку скриптов, видео- и аудиозаписей, разработку технологии проекта с учетом его структуры, лингвистических средств убеждения и адекватного использования аргументации. Проекты, рефераты и эссе, разработанные в рамках программ по обучению языку специальности («Моя компания» и др.), нашли продолжение в научных докладах на дипломатических чтениях, научно-практических и международных конференциях и имеют перспективы для внедрения в учебный процесс. Использование мультимедийных и исследовательских технологий в проведении языковой практики и управляемой самостоятельной работы создало дополнительный ресурс для интенсификации и оптимизации учебного процесса.

В лингвокультурологическом аспекте преподавания иностранного языка особое внимание уделяется изучению особенностей национального характера и национальных мыслительных и поведенческих стереотипов. Это особенно важно для будущих экономистов, так как их профессиональная деятельность тесно связана с межличностной коммуникацией. Разработана теоретическая модель делового национального поведения с учетом культурологических факторов в антропологическом аспекте: этнопсихологические и культурологические проблемы делового поведения и их отражение в языке бизнеса. Подготовлены презентации и научные проекты студентов, которые являются практической апробацией и реализацией разработанной модели поведения с учетом исследуемых факторов общения. Научные проекты студентов на международных конференциях и конференциях в онлайн-режиме с ведущими вузами ближнего и дальнего зарубежья являются практической реализацией разработанной модели профессионально-языкового обучения с позиции коммуникативного и компетентностного подхода, в котором особое внимание уделяется профессиональной и социокультурной компетенциям. Новые приоритеты в преподавании иностранных языков и предполагают новые требования к специалисту-выпускнику современного вуза в плане его языковой профессиональной подготовки: владение коммуникативными технологиями, стратегиями делового общения, публичной речи и организации эффективного коммуникативного процесса в сфере профессиональной деятельности.

На протяжении многих десятилетий обучение иностранным языкам преследовало в основном общеобразовательную и узкоспециальную цель: иностранный язык был призван расширять общий кругозор, давать доступ к художественной, общенаучной и технической литературе.

Изменившиеся общественные отношения предъявляют новые требования к изучению иностранных языков, выходящие за рамки предметно-языкового образования и ситуативно-тематического обучения.

Цели профессионального образования в области иностранных языков, будь то педагогическое языковое образование или профессиональная языковая подготовка специалистов различного профиля, не могут ограничиваться исключительно языковым и тематическим обучением, поскольку выпускник современного вуза — это не просто специалист, который умеет читать, писать, переводить, разговаривать на иностранном языке в рамках определенных ситуаций общения. Получить качественное профессиональное образование в наши дни — значит стать специалистом, в совершенстве владеющим речью, искусным в беседе, обращающимся к людям с тем, чтобы обозначить и отстоять свою позицию, используя разнообразные средства аргументации и убеждения, в том числе и на иностранном языке.

Это изменение в выборе приоритетов перемещает преподавание иностранных языков на иной, более высокий уровень, уровень интеллектуальной

коммуникации. Это предполагает владение стратегией и тактикой презентации своей речи, необходимыми «упаковочными» средствами, средствами убеждения, адекватного использования аргументации, принципами построения речи. Обучение средствам эффективного коммуникативного поведения и речевого воздействия мы рассматриваем как один из важных аспектов прогнозирования неудач и провалов в коммуникации, успешного ведения переговоров и публичных выступлений. Ведь говорить — не значит просто передавать информацию. В деловой коммуникации люди обращаются друг к другу, надеясь преуспеть в искусстве убеждения, «чтобы идеи двигали страстями и создавали мнения». Неумение эффективно общаться приводит к отсутствию взаимопонимания во всех сферах человеческой деятельности, особенно в политике, международных и экономических отношениях. Современному развивающемуся обществу нужны не только образованные, нравственные, обладающие необходимым запасом профессиональных знаний люди, но и специалисты, отличающиеся мобильностью, готовностью к самосовершенствованию и самостоятельному принятию решений, умением прогнозировать ситуации и делать правильный выбор. Это говорит об изменениях в парадигме современного образования в целом и в подготовке выпускника современного вуза в частности. Поэтому для плодотворной работы в области преподавания иностранных языков необходимы специальные знания и умения в области технологии коммуникации, полученные на основе межкультурного и межкультурного подхода к изучению не только иностранного языка как такового, но и всех видов коммуникативной деятельности на иностранном языке.

Языковая подготовка выпускника современного вуза включает обучение публичной (политической, юридической), деловой речи, технике диспута, диалога, интервью, презентации в различных сферах делового и профессионального общения. Это предусматривает умение эффективно участвовать в коммуникативном процессе в различных сферах профессиональной деятельности, разрабатывать и успешно использовать стратегии коммуникативного поведения в соответствии с ситуацией общения, готовить различного рода деловую и коммерческую документацию с учетом существующих традиций, этикета и принятых стандартов. Для этого выпускник современного вуза должен владеть стилистически, жанрово и ситуативно дифференцированными нормами иностранного языка, тактикой построения диалога, средствами убеждения и аргументации, системой не только лингвистических, но и композиционных средств презентации и выступления (как в устной, так и в письменной формах), а также уметь анализировать, интерпретировать, прогнозировать коммуникативное поведение партнеров, разрабатывать договоры, речи, доклады, выступления, основываясь на знании лингвистических средств убеждения, языковых, культурных особенностях и специфике менталитета той или иной языковой общности.

Эти требования к профессионально языковой подготовке выпускника современного вуза наполняют особым содержанием три основные взаимосвязанные компетенции: языковую, дискурсивную, коммуникативную, дополняя их компетенциями в устном и письменном общении (иноязычное устное и виртуальное общение), компетенциями, связанными с работой в команде и в международной среде, а также расширяют набор лингвистических компетенций. Взаимосвязь всех перечисленных компетенций — предпосылка для успешного формирования у студентов профессиональной компетенции и профессиональной идентичности, предполагающей профессионально детерминированную установку на изучение иностранных языков. При этом подчеркнем, что в свете изложенных требований, определяемых современным развитием общества и социальным заказом, актуальным в сфере профессионально языковой подготовки выпускника современного вуза является не только и не столько обучение языку специальности, сколько специальности на языке [2, с. 121], что в целом смещает акценты современного профессионального образования в сторону коммуникативного и социокультурного аспектов.

Обучение иностранным языкам является важной составляющей профессионального образования выпускника современного вуза, обеспечивающей соответствие подготовки специалиста требованиям общества. Изменение приоритетов в области языковой подготовки, перемещение акцента в социокультурный аспект изучения языка делают необходимым переосмыслить цели и содержание обучения иностранному языку, разрабатывать новые методики и технологии. В настоящее время иностранный язык выполняет активную функцию языка-посредника на арене делового общения. В связи с этим обучение иностранному языку направлено на активизацию способности к самоопределению в изменяющихся условиях современной действительности, к самостоятельному и осознанному личностному росту в условиях профессионального становления, на приобретение профессиональной, стратегической, аналитической, социальной, социокультурной компетенций. Поэтому цель языковой подготовки выпускника современного вуза на всех уровнях обучения (бакалавр-магистр) состоит, с одной стороны, в общекультурном развитии личности, с другой — в профессиональной подготовке будущего специалиста. Достижение этой цели в соответствии с современными требованиями к специалисту возможно при условии гармоничного развития всех компетенций, обозначенных Программой дисциплины «Иностранный язык».

Обратимся к очень важному и актуальному аспекту языковой подготовки выпускника современного вуза — межкультурной коммуникации.

Оживление межкультурной коммуникации, повышение интереса к накопленному человечеством интеллектуальному богатству делают иностранный язык не просто интересной учебной дисциплиной, но и необходимым средством для диалога культур, осуществления совместных научно-технических, экономических проектов. Процесс глобализации

экономики, развитие коммуникативных технологий и расширение межкультурных контактов приводят к тому, что профессиональная деятельность специалистов различного профиля невозможна не только без знания иностранного языка, но и без диалога с представителями других культур, т. е. без межкультурной коммуникации [1, с. 7]. Содержание обучения иностранному языку может быть представлено как взаимосвязь объектов обучения (язык, речь, речевая деятельность, культура), объектов усвоения (знания, навыки, умения, межкультурная коммуникация) и результата обучения или компетенций (языковой, речевой, коммуникативной и социокультурной) [5, с. 124]. Иностранный язык для современного специалиста — это и орудие производства, и часть культуры, и средство гуманитаризации образования.

Образование, в том числе и языковое, всегда было подчинено интересам общества. В зависимости от поставленных задач в обучении иностранным языкам преобладала та или иная методика. В разные периоды акцент в преподавании иностранных языков, особенно в неязыковом вузе, делался на чтение, перевод, развитие коммуникативных умений и навыков, но никогда ранее не уделялось столь большое внимание развитию межкультурной компетенции, как в наши дни. Социальный заказ сегодня предполагает не просто языковую подготовку специалистов того или иного профиля, но и специалистов по межкультурному общению. Понимание социального заказа и адресности профессионально языковой подготовки позволяет учитывать изменения в современной образовательной парадигме. Вузы сегодня стали готовить специалистов в области межкультурной коммуникации. Однако, несмотря на то что вопросам межкультурной коммуникации стали уделять внимание в вузовских программах, презентация лингвострановедческого материала все же порой отличается фрагментарностью, особенно в неязыковых вузах. Актуально в этом контексте звучит вопрос о подготовке учебных пособий об использовании мультимедиа технологий. Работа с учебной мультимедийной программой, в сети позволяет студентам и преподавателям погружаться в виртуальное языковое пространство, дает возможность обучающимся овладеть профессионально значимыми компетенциями, а также теми особенностями иноязычной лингвокультуры, которые будут способствовать преодолению барьеров в профессиональной межкультурной коммуникации.

Для представителей всех специальностей, которые будут пользоваться иностранным языком как средством общения в своей будущей профессиональной деятельности, актуально звучат вопросы деловой коммуникации. Для достижения адекватного понимания партнера-коммуниканта будущему специалисту необходимо ознакомиться с особенностями бизнескультуры и политкультуры, способами проявления политкорректности, овладеть системой ценностей, присущих данной иноязычной культуре, и научиться проявлять толерантность к «чужой культуре». В результате компетентностно-ориентированного иноязычного обучения уже на первых этапах обучения студенты приобретают

способность работать с профессионально значимым иноязычным материалом, самостоятельно пополнять знания, развивать личный творческий потенциал, что позволяет подготовиться к обучению на продвинутом этапе. В целях оптимизации учебного процесса и поиска путей решения многих из обозначенных проблем можно отметить некоторые эффективные методы и подходы. Так, в отборе учебного материала в обучении профессионально ориентированному общению рекомендуется активно использовать наряду с аутентичными англоязычными комплексами сборники научных статей, учебно-методические разработки сотрудников выпускающей кафедры и специалистов в профессиональной области студента, обсуждать вопросы специальной тематики на совместных научных семинарах, научных конференциях. Весьма эффективны такие виды заданий, как подготовка обзора того или иного сборника научных статей на английском языке, подготовка краткого реферата той или иной научной работы из области профессиональных знаний будущего специалиста. Такие виды заданий служат не только цели его профессионально языковой подготовки. Они расширяют общий кругозор специалиста, дают представление о достижениях в научной сфере, о международных профессиональных контактах, о профессиональной подготовке в своем вузе и в зарубежных странах, о проблемах и тенденциях в профессиональной деятельности будущего специалиста. Для оценки выступлений студентов на научно-практических конференциях и ежегодных Дипломатических чтениях рекомендуется активно привлекать в жюри сотрудников выпускающей кафедры, специалистов данной области, владею-

щих иностранным языком, успешных выпускников. Весьма эффективными оказались встречи и заседания с привлечением ведущих специалистов (в том числе и зарубежных) в рамках действующих клубов: Клуба научных дискуссий, Клуба переводчиков, Клуба делового общения. Хорошей практикой стало проведение конференций в онлайн-режиме с участием студентов и преподавателей международного экономического профиля ведущих зарубежных вузов на английском языке, в том числе и со студентами МГИМО (университета) и Финансового университета при Правительстве Российской Федерации в Москве. Такие мероприятия как нельзя лучше дают возможность студентам выбрать и обсудить со своими коллегами в оперативно виртуальном режиме наиболее актуальные вопросы, представляющие взаимный интерес, проверить прочность своих навыков убеждения и аргументации, дипломатии ведения делового общения на иностранном языке.

Возможностью для практического преломления и проверки приобретенных знаний и умений являются культурно-образовательные и профессионально ориентированные проекты, ток-шоу, ярмарки идей, кейс-технологии, которые включают разработку туристических маршрутов, маркетинг, бизнес-планирование, экскурсионное обслуживание, экотуры и т. д.

Поиск новых форм как аудиторной, так и внеаудиторной работы, использование более эффективных технологий в обучении обусловлены новыми знаниями к изучению иностранных языков и служат комплексному достижению профессиональной, образовательной, развивающей и воспитательной целей.

Библиографические ссылки

1. Воевода Е. В. Основные направления профессионально ориентированной языковой подготовки специалиста-международника. М. : МГОУ, 2009.
2. Дубинко С. А. Обучение студентов-международников экономического профиля языку специальности и специальности на языке (из опыта работы) // Преемственность и координация в обучении иностранных студентов вузов : материалы II Респ. науч.-метод. семинара с междунар. участием, Минск, 30 янв. 2015 г. / редкол. : И. Э. Федотова [и др.]. Минск : БГЭУ, 2015. С. 121–123.
3. Зимняя И. А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата образования [Электронный ресурс] // Центр дистанционного образования «Эйдос». 2006. 5 мая. URL : <<http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm>> (дата обращения : 01.03.2015).
4. Зимняя И. А. Компетентностный подход к образованию — реальность XXI века // Проблемы образования в условиях устойчивого развития цивилизации : материалы V Моск. междунар. конф. «Образование в XXI веке — глазами детей и взрослых». М. : Компания Спутник, 2005. С. 11–12.
5. Щукин А. Н. Обучение иностранным языкам. Теория и практика. М. : Филоматис, 2004.

Статья поступила в редакцию в июне 2015 г.

К ПРОБЛЕМЕ МЕТАФОРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

И. Н. Ивашкевич

В статье обсуждаются проблемы когнитивной лингвистики на современном этапе ее развития (соотношение языка, мышления и восприятия, изучение разнообразных когнитивных способностей человека, исследование процессов концептуализации и категоризации мира во вторичной номинации и др.). Особая роль в исследовании отведена когнитивным процессам метафорического моделирования специального знания, сферой-источником которого выступают природные пространства в современном английском языке.

The article highlights the major issues in Cognitive Linguistics at the present stage of its development (correlation of language, thinking, perception; the study of various cognitive abilities of a person; scientific research of conceptualisation and categorisation in the cognitive processes of indirect nomination etc.). The author places high emphasis on metaphorical modeling of specific knowledge (terminology), the source-domain of which is natural space objects in English.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; метафора; когнитивное моделирование; вторичная номинация; категоризация; природные пространства; специальное знание; концепт.

Keywords: cognitive linguistics; metaphor; cognitive modeling; indirect nomination; categorization; natural space objects; specific knowledge (terminology); concept.

Вопрос о языковой репрезентации обыденного и научного знания в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы как никогда актуален. Подтверждением тому являются многочисленные когнитивные исследования, связанные в первую очередь с определением роли знания в процессах мышления, установлением значимости различных ментальных репрезентаций, которыми оперирует человеческое сознание, с описанием типов и форматов знания, познавательных процессов в когнитивных процессах метафоризации, с исследованием корреляций между когнитивными и языковыми структурами и т. д. Отмечается глобальная роль языка во всех мыслительных операциях, связанных с категоризацией и схематизацией знания и перцептивным опытом человека.

Качественно новый ракурс рассмотрения представляют исследования когнитивных процессов регулярной многозначности, нацеленной на выявление различных изменений семантики слова в рамках определенной концептосферы знания, на изучение разных типов знания в семантике вторичного языкового знака и определение когнитивных механизмов, обеспечивающих появление новых концептуальных структур. В изложении Е. С. Кубряковой, когнитологов и сегодня интересует вопрос и значении слова «в частности» и какие именно материальные структуры его репрезентируют. Во всяком случае, когнитологи считают по-прежнему центральными для себя проблемы соотношения структур знания и значения, а главное форм их репрезентации в человеческой психике [3, с. 29].

Проблема вторичной репрезентации знаний связана с вопросом о различных схемах или формах ментальных репрезентаций, в которых структурирован и категоризован окружающий мир. Определенные модели или схемы формирования вторичных значений в когнитивных процессах семантической деривации имеют различные терминологические определения. Это модель регулярной многозначности (Д. Н. Шмелев, А. П. Чудинов), метафорический архетип (К. Г. Юнг), образ-схема (Д. Лакофф), ментальная модель (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов), концептуальная схема (А. А. За-

лизняк), коннекционистские модели (Р. Шенк, М. Тернер, Л. Барсалоу), рамка события или событийный фрейм (event frame) у Л. Талми и т. д. В нашем исследовании такой схемой разворачивания динамического процесса вторичной интерпретации мира человеком служит когнитивная модель, а семантическая деривация рассматривается как сложный когнитивный механизм образования новых (в основном метафорических) значений.

Метафора в рамках когнитивного направления в лингвистике представлена как базовый механизм, который играет важную роль в процессах категоризации перцептивного опыта человека и восприятия мира. «Результаты последних исследований позволяют предположить, что метафоры активно участвуют в формировании личностной модели мира, играют важную роль в интеграции вербальной и чувственно-образной систем человека, а также являются ключевым элементом категоризации языка, мышления и восприятия. Поэтому изучение метафоры проводится в настоящее время не только в рамках лингвистики, но главным образом в психологии, когнитивной науке и теории искусственного интеллекта» [7, с. 135]. По замечанию Н. Д. Арутюновой, акт метафорического творчества лежит в основе многих семантических процессов — развития синонимических средств, появления новых значений и их нюансов, создания полисемии, **развития систем терминологии** и эмоционально-экспрессивной лексики. Без метафоры не существовало бы лексики «невидимых миров» (внутренней жизни человека), зоны вторичных предикатов, т. е. предикатов, характеризующих абстрактные понятия [1, с. 9]. В изложении Д. Лакоффа, процесс метафоризации основан на корреляции двух структур знания — когнитивной структуры источника (source domain) и когнитивной структуры цели (target domain). В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу сферы-источника, т. е. происходит процесс когнитивного отображения (cognitive mapping) [8, с. 54].

Вопрос о том, какие типы информации репрезентируют знание о мире, как эта информация категоризуется языковым сознанием, актуализируясь затем в семантике вторичных концептов,

способствуя интеграции и взаимодействию разных концептуальных областей для получения новых единиц, требует дальнейшего изучения. Мы продолжаем данную линию исследования, фокусируя свое внимание на изучении процесса метафорического образования новых концептуальных структур знания в когнитивных процессах семантической деривации и выявлении роли перцептивного опыта, знания и когниции в этих динамических когнитивных процессах.

В качестве объекта исследования выступает категория природных реалий — многоуровневое концептуальное образование, конститuenty которой, объединенные общим признаком пространственности, репрезентируют обыденное знание о реальном существовании природных объектов и их значимой роли в жизни англичан. Обобщение обыденных знаний о самих природных объектах, глубокое знание прототипических характеристик этих природных концептов в языковом сознании представителей английского социума послужило в процессе познания сферой-источником для вторичного метафорического переноса в абстрактную сферу научной терминологии, формируя при этом «профессиональную метафору», которая выступает как определенный способ репрезентации специального знания. Перцептивно-пространственные образы горных вершин, склонов, долин, водных потоков, равнин, ущелий (т. е. образы реальных физических объектов), вербализованные в семантике первичных обозначений, метафорически трансформировались из наивной языковой картины мира (в которой запечатлен весь чувственный и рациональный опыт обыденного познания человеком окружающего мира) в определенные научные знания, подтверждая мнение о том, что «между сферой терминологии и естественно языковым мышлением нет жестких границ, это позволяет научному познанию опираться на общие знания о мире, формируя гносеологические универсалии — понятийные структуры, задействованные для представления знания в любой научной области [4, с. 44].

Осмысление абстрактных сущностей (в статье — это терминология деловой сферы) сквозь призму природных пространств — один из способов метафорического расширения. Наиболее продуктивной моделью в семантическом пространстве концептосферы специального знания является гносеологическая метафорическая модель ПРИРОДНЫЙ ОБЪЕКТ — ОБЛАСТЬ БИЗНЕСА, ФИНАНСОВ, МАРКЕТИНГА. Сферой-донором для такой метафорической модели выступают прежде всего наименования естественных водоемов и их частей, а также отдельные номинации земного пространства. Основными источниками метафорической проекции в данную область знания становятся такие когнитивные признаки, как ДВИЖЕНИЕ, МАССА, РАЗМЕР, ФОРМА, ВЕРТИКАЛЬ, ГОРИЗОНТАЛЬ и др., которые имеют разнообразное языковое оформление в семантике исходных единиц. Ср. STREAM 1: a body of running water (as a river or brook) flowing on the earth; also: any body of flowing fluid (as water or gas). Поток — стремительно текущая водная масса (реки, ручьи с быстрым течением). Во вторичном знакообразовании профилирование признаков ‘масса’ +

‘движение’ становится основой переноса в сферу бизнеса (STREAM 2 b: a constantly renewed or steady supply <a stream of revenue> (a flow of money into a business: a revenue stream)), означая метафорические денежные поступления (букв. постоянный денежный поток). Интерес представляет метафорическое выражение ‘on stream’. Сегодня это выражение относится ко всему, что начинает функционировать в полную силу. Ср. Airline services in Portugal will come on stream in the summer. — Воздушное сообщение в Португалии войдет в полную силу летом. The faults in Romania’s first power plant will have to be corrected before it comes on stream. — Неполадки на первой румынской электростанции должны быть устранены до того, как она войдет в полную мощность.

В семантике первичного концепта FLOW (течение — направление потока воды в реке (от истока к устью)) вербализованы визуальные признаки ‘движущаяся масса воды’ + ‘направление движения’. Эти когнитивные признаки выступают основой переноса в метафорический домен деловой сферы. Ср. flow of funds ‘финансовый поток’, ‘поток (денежных) средств’ (движение финансовых ресурсов из какого-либо региона, сектора экономики, страны и т. д. в другой регион, сектор, страну); flow of funds from Australia to tax havens ‘поток средств из Австралии в налоговые гавани’; flow of investment ‘поток инвестиций (капиталовложений)’ (обобщающий термин, относящийся к любому направленному движению инвестиционных средств); flow of goods ‘движение товаров’, ‘товарный поток’ (перемещение товаров между экономическими субъектами, подразделениями компании, районами, странами). Syn: commodity flow, goods flow; capital flow ‘движение капитала’, ‘приток капитала’, cash flow forecast ‘прогноз движения денежной наличности’; flow of cost ‘стоимостной поток’, ‘поток стоимости (затрат)’; to account for the flow of cost ‘отражать (в учетных документах) информацию по стоимостному потоку’; flow of capital towards one point ‘перемещение капитала в одно место’ и пр. Ср. This flow of materials is also accompanied by a flow of cost. — Движение материалов сопровождается движением затрат. Describe and record the flow of cost through the accounts of a manufacturing firm. — Опишите и отразите поток затрат на счетах предприятия.

Идиоматическое выражение flow like water означает ‘рекой течь (о деньгах)’. Money is going to flow like water and the labs are going to be asked very nicely to work for the military (M. Wilson, ‘Live with Lightning’, book III, ch. I). — Деньги потекут к ним рекой, лабораториям будет вежливо предложено работать только для военных действий.

Аналогичное метафорическое значение имеют синонимичные концепты INFLUX и INFLOW (которые в исходном значении номинируют место впадения реки в море, озеро). Ср. capital inflow/inflow of funds ‘приток средств’ (поступление денежных средств в результате получения доходов от торговых операций либо высвобождения средств, вложенных в недвижимость или другие инвестиционные активы); inflow of funds from the disposal of fixed assets and financial investments ‘приток средств от реализации основных средств и финансовых инвестиций’.

The company has had a sudden influx of capital (букв. прилив денег, капитала).

Следует подчеркнуть, что отдельные концепты, номинирующие природные объекты в английском языке, обладают во вторичной номинации двойной шкалой метафорической направленности, вербализуя как положительные, так и отрицательные коннотации, которые является «эмоциональной окраской» наименования, смысловой «добавкой» к его логико-предметному содержанию». Так, в значении концепта TROUGH: a long and narrow or shallow channel or depression (as between waves or hills); especially: a long but shallow depression in the bed of the sea содержатся признаки размера 'long' и 'shallow', а также формы 'depression' (впадина — в данном случае — обширное понижение земной поверхности на дне океанов, имеющее определенную форму). Признак неправильной формы, в который имплицитно «встроена» информация 'расположенный ниже окружающей местности' в семантике первичного имени положен в основу абстрактного наименования, называющего самый низкий уровень экономической активности (b: the low point in a business cycle). Ср. business cycle trough 'низшая точка цикла', 'дно экономического цикла'; at the trough of depression 'на низшей точке депрессии' и др.

Перцептивный признак narrow 'узкий' (т. е. небольшой по ширине, меньший по ширине, чем требуется) в семантике концепта STRAIT (пролив — узкая полоса воды, соединяющая два водных бассейна или две части водного бассейна) является когнитивной основой для метафорического значения 'трудное положение', 'сложные обстоятельства', 'находящийся в затруднительном финансовом положении в основном из-за отсутствия денежных средств'. Ср. STRAIT 2: a situation of perplexity or distress <in dire straits> (straits затруднительное положение, стесненные обстоятельства, нужда); in great straits 'в бедственном положении'; in desperate strait 'в отчаянном положении'; dire straits 'отчаянное положение'; financial strait 'финансовые затруднения'. Her campaign is in desperate straits. The company is in desperate financial straits. The economy is in dire straits. She found herself in desperate financial straits.

Аналогичное метафорическое значение имеет и концепт CREEK (бухта, узкий морской залив, т. е. вдавшаяся в сушу узкая часть океана, моря, озера, реки) в выражении 'up the creek: in a difficult or bad situation' (находиться в трудной или неприятной ситуации). Например: If we're not leading the charge or at least creating innovation here, we're going to really be up the creek Mr. Foley said (Globe and Mail (2004). Основа метафорического переноса — интеграция перцептивных признаков величины и размера (small 'маленький' + narrower 'более узкий') в первичном значении концепта CREEK 1 (chiefly British): a small inlet or bay narrower and extending farther inland than a cove.

В отличие от многочисленных водных концептов, номинирующих метафорическое поле бизнеса или финансовой сферы, метафорические концепты, называющие участки земной поверхности в этом домене, мало репрезентативны. Так, концепт RISE (участок земной поверхности, возвышающийся над прилегающей местностью; возвышенность) содержит в своей семантической структуре перцептивный градуальный признак 'higher' (имеющий

большее протяжение снизу вверх, по вертикальной линии), который и профилируется во вторичном метафорическом значении, образуя новый смысл: повышение, увеличение чего-либо: RISE 5 a: an increase especially in amount, number, or volume. Ср. rise of income 'повышение дохода'; pay rise 'повышение заработной платы'; price rise 'рост, повышение цен'; wage rise 'повышение заработной платы'; rise in interest rate 'повышение ставки процента', 'повышение нормы процента' (предпринимаемое с целью удорожания кредита) и др. She asked the boss for a rise. — Она попросила начальника повысить зарплату. The railworkers were offered a 3 % pay rise. — Железнодорожникам повысили зарплату на 3 %.

Пространственный признак upward 'направленный вверх', 'поднимающийся', 'восходящий' в семантике исходного концепта UPGRADE, называющего крутой склон, является базовым для переносного значения, номинирующего: 1) подъем, рост; 2) улучшение чего-либо. Например, upgrade (сфера маркетинга) 'повышение стоимости заказа' (во время покупки, оплаты кредитного заказа или оформления второго заказа). Ср. Various indices show that the economy is now firmly on the upgrade. — Различные показатели свидетельствуют, что экономика в настоящее время приобрела устойчивый рост.

В семантической структуре концепта CLIFF (отвесная скала, обрыв) вербализована трехкомпонентная перцептивная парадигма (steep 'крутой' + vertical 'вертикальный' + overhanging 'выступающий вперед'): CLIFF: a very steep, vertical, or overhanging face of rock, earth, or ice: precipice. Профилирование этих перцептивных реестра атрибутов в структуре основного значения создают базу для нового метафорического значения, номинирующего 'опасность', 'трудности'. Новое метафорическое значение 'fiscal cliff' (букв. фискальный обрыв) означает 'приостановление налоговых льгот' и 'сокращение государственных расходов, которые могут привести к краху экономики' (букв. к обрыву). Ср. Fiscal cliff is the shorthand to describe the point in January when several tax breaks end and public sector spending cuts hit the US economy (The Guardian, 2012).

Данное метафорическое значение еще не зафиксировано словарями, однако широко используется в речи в связи с рецессией, что свидетельствует о том, что язык активно реагирует на все изменения, происходящие в обществе, создавая новые смыслы на базе предшествующего опыта человека. В этом контексте злободневно звучит высказывание Е. В. Падучевой о том, что значение антропоцентрично, т. е. отражает общие свойства человека и человеческой природы; более того, оно этноцентрично, т. е. ориентировано на данный этнос. Нельзя на естественном языке описать «мир как он есть»: язык изначально задает своим носителям определенную картину мира, причем каждый язык — свою [6, с. 11].

Для регулярной семантической модели для концептов с общим фокусом 'возвышенность' характерно профилирование в их семантике зрительных перцептивных признаков protuberant или swollen 'выпуклый', 'выдающийся вперед', 'выступающий', 'торчащий', 'округлый' (Ср. BULGE (выпуклость, округлый выступ) 1: a protuberant or swollen part or place). Данные перцептивные признаки, неизменно

попадая в фокус внимания, являются основанием для возникновения новых метафорических смыслов: 1) преимущество, более выгодная позиция; превосходство: *to have the bulge on smb* 'иметь преимущество над кем-либо'; 2) рост цен или акций; недолговременное увеличение (объема или количества чего-либо). Например: *the price bulge* 'подскокившие по непонятной причине цены'; *bulge bracket* (финансы) 'круглая группа' (группа фирм с самой большой долей участия в акционерном капитале эмиссионного синдиката) и др.

Расширению метафорической зоны экономической и финансовой сферы могут способствовать также и корреляции перцептивных признаков величины и формы в семантике концептов, номинирующих части природных объектов. Так, концепт *NICHE* (углубление, глубокая расселина в холме, скале или стене) содержит в исходной семантике перцептивную парадигму 'small + hollow' (*NICHE* 'a small hollow place, especially in a wall to contain a statue, etc., or in the side of a hill'). Однако вторичный смысл профилирует перцептивный признак формы 'hollow'; в результате данной когнитивной операции вторичный концепт *NICHE* получает метафорическое значение 'ниша', 'место' (область деятельности, в которой человек или организация может проявить себя наилучшим образом и/или найти возможность сосуществования со своими конкурентами). *She carved out her own niche in the industry.* — Благодаря усердной работе она смогла занять свою нишу в данной сфере деятельности.

Данный метафорический термин активно используется в сфере экономики и финансов. Ср. *market niche* 'рыночная ниша' (небольшой сегмент рынка, который может обслуживать фирма и который в определенной степени свободен или защищен от конкуренции); *niche strategy* 'стратегия ниш' (стратегия фирмы, состоящая в поиске и захвате свободных сегментов рынка) (букв. своих ниш); *niche player/market*, *niche* 'нишевик', 'фирма-нишевик', 'нишевой игрок' (фирма, занимающая определенный сегмент рынка, свободный от конкуренции, например небольшой магазин с узкой специализацией; инвестиционный банк с ограниченным кругом клиентов и предоставляемых услуг и т. п.).

Отметим, что рассматриваемые метафорические переносы представляют собой когнитивные

модели, в которых представлены «следы» перцептивного и пространственного опыта и знаний человека по освоению окружающего мира. Мотивирующими метафорическими проекциями являются в первую очередь категории моторного, перцептивного и пространственного опыта, интегрирование и корреляция в семантике имен визуальных признаков размера и формы, пространственных характеристик горизонтали и вертикали, верха и низа, протяженности, массы, когнитивного признака движения, направления движения и т. д. Процесс метафорической транспозиции вышеобозначенных перцептивно-пространственных кластеров атрибутов (которые становятся основой вторичного знакообразования) в семантику производного имени можно представить как когнитивный процесс **варьирования признаков**, при котором наблюдается переход от конкретного к абстрактному (в статье — это экстраполяция в сферу специального терминологического знания). Мы разделяем мнение Е. С. Кубряковой о том, что через обращение к опыту, основанному на чувственном восприятии, человек выходит в более абстрактные сферы и строит свои представления о ненаблюдаемом непосредственно [4, с. 6].

Основными когнитивными механизмами метафорического переноса пространственных отношений в область абстрактных представлений и понятий являются механизмы сравнения, аналогии, профилирования, обобщения и абстракции, которые относятся к когнитивным операциям человеческого мозга. В интерпретации С. Д. Кацнельсона, в основе слов и понятий всегда лежит обобщение, т. е. отражение того общего, постоянного и устойчивого, что скрыто в многообразии и бесконечной переменчивости явлений [2, с. 9].

Таким образом, изучая язык с когнитивных позиций, т. е. по его участию во всех типах деятельности с различной информацией, получаемой с помощью органов чувств, лингвисты-когнитологи делают важные открытия о стоящих за языковыми фактами разнообразных концептуальных структурах, в первую очередь о структурах различных типов перцептивного знания и человеческого опыта. Дальнейшее исследование когнитивных процессов вторичной номинации позволит, на наш взгляд, пролить свет на актуальную проблему корреляции между когнитивными структурами и их языковыми аналогами.

Библиографические ссылки

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
2. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л.: Наука, 1965.
3. Кубрякова Е. С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структура представления знаний. М., 1992. С. 4–38.
4. Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1999. Т. 58, № 5. С. 4–12.
5. Мишанкина Н. А. Метафора в терминологических системах: функции и модели // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. 2012. № 4 (20). С. 32–45.
6. Падучева Е. В. Феномен Анны Вежбицкой (вступ. ст.) // Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 5–32.
7. Петров В. В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопр. языкознания. 1990. № 3. С. 135–139.
8. Lakoff G. The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image-Schemas? // Cognitive Linguistics. 1990. № 1. Р. 40–71.

Научное издание

**ТРУДЫ ФАКУЛЬТЕТА
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Научный сборник

Выпуск VI

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Т. М. Турчиняк*

Дизайн обложки *С. Н. Егоровой*

Технический редактор *Т. К. Раманович*

Компьютерная верстка *Н. И. Бондарчик*

Корректор *Л. С. Мануленко*

Подписано в печать 15.09.2015. Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 14,42. Уч.-изд. л. 17,7. Тираж 100 экз. Заказ .

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.

Памятка автору

«Труды факультета международных отношений» — ежегодное научное издание.

Автор, желающий опубликовать статью в сборнике, должен представить в редакцию:

— статью объемом около 10 печатных страниц текста (с учетом списка литературы или библиографического списка) (формат страницы — А4, шрифт — 12 пт (для компьютера), поля — по 2,5 см с каждой стороны, расстояние между строками — 1,5 интервала). При оформлении статьи автор должен пользоваться Инструкцией о порядке оформления квалификационной научной работы (диссертации) на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, автореферата и публикаций по теме диссертации.

Каждую статью следует предварять аннотациями на русском и английском языках, ключевыми словами на русском и английском языках.

Автор представляет выписку из протокола заседания кафедры или совета научного подразделения с рекомендацией статьи к печати; авторскую карточку (полные ФИО на русском и английском языках, научная степень, звание, место работы, должность, контактные телефоны).

Обращаем внимание авторов, что они несут ответственность за представление в Труды ранее уже опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями.

Кроме того, в Трудах предоставляется возможность первоочередного опубликования лицам, осуществляющим послевузовское обучение (аспирантура, докторантура, соискательство) в год завершения обучения.

В Трудах не взимается оплата за опубликование научных статей.